

Правовая природа доли
в уставном капитале
Правовая природа уступки
доли в уставном капитале
Порядок уступки доли
в уставном капитале

Р.С. Фатхутдинов

**Уступка доли
в уставном
капитале ООО**
теория и практика

Wolters Kluwer

УСТУПКА ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ООО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

МОНОГРАФИЯ

Р.С. ФАТХУТДИНОВ

Моим родителям -
Сайдашу Сайфиевичу и Людмиле Ионовне -
посвящается

Сведения об авторе:

Фатхутдинов Расул Сайдашевич - кандидат юридических наук, ведущий консультант департамента налогов и права компании "Делойт и Туш".

Предисловие

Актуальность данной книги обусловлена во многом практической значимостью проблем, возникающих при уступке доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В силу ряда преимуществ уступка доли в уставном капитале является наиболее эффективным способом продажи бизнеса по сравнению с продажей предприятия как имущественного комплекса. Так, уступка доли не требует переоформления лицензий на осуществление специальных видов деятельности, чего не избежать при продаже предприятия; реализация долей в уставном капитале не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость; срок продажи бизнеса посредством уступки доли может быть намного короче, чем срок продажи предприятия.

Несмотря на высокое практическое значение вопросов, касающихся уступки доли в уставном капитале, данное правовое явление остается одним из самых неизученных. Кроме того, некоторые законоположения относительно уступки доли получают на практике неоднозначное толкование, что нередко приводит к нарушению прав и законных интересов участников общества с ограниченной ответственностью и третьих лиц.

Начиная с сентября 2005 г. в Государственной Думе ФС РФ велась длительная законопроектная работа по изменению законодательства об обществах с ограниченной ответственностью, которая завершилась принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ, вступающего в силу с 1 июля 2009 г. <1>. С одной стороны, нововведения устраняют противоречия, характерные для действующего законодательства. Однако, с другой стороны, некоторые поправки вызывают не менее спорные вопросы. В связи с этим внесенные изменения требуют глубокого анализа с учетом доктринальных разработок и сложившейся правоприменительной практики.

<1> Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 2008. 31 дек. (вступит в силу с 1 июля 2009 г.).

Наличие проблем, связанных с уступкой доли, вызвано прежде всего отсутствием единого подхода к пониманию того, что представляет собой доля в уставном капитале. Разногласия по поводу правовой природы доли в уставном капитале носят самый острый характер. Споры доходят до того, что долю в уставном капитале вообще не признают объектом гражданского оборота. Представляется, что такое положение дел оказывает не самое лучшее влияние на правоприменительную практику.

Требует своего научного осмысления такой важный вопрос, как соотношение уступки доли и уступки требования (цессии). В литературе и правоприменительной практике довольно часто можно встретить мнение о том, что уступка доли регулируется по правилам цессии. Однако такая позиция не учитывает особую природу перехода прав участия, разновидностью которых является доля в уставном капитале.

Серьезного анализа требует проблема, касающаяся момента перехода доли в уставном капитале при совершении уступки. Действующее законодательство содержит противоречивые нормы в этом отношении, что не может не сказываться на правоприменительной практике. Новая редакция Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" <1> (далее - Закон об ООО), вступающая в силу 1 июля 2009 г., устраняет эту неопределенность и устанавливает, что доля в уставном капитале переходит с момента нотариального удостоверения сделки уступки доли. Однако это нововведение является значительным отступлением от общего порядка передачи прав участия, что обуславливает необходимость соответствующего научного анализа.

<1> Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" // СЗ РФ. 1998. N 7. Ст. 785 (с послед. изм.).

Актуальным является вопрос о целесообразности отражения сведений о долях участников в уставе общества. Согласно действующему законодательству сведения о долях участников закрепляются в уставе общества. Новая редакция Закона об ООО исключает данную норму и предусматривает отражение указанных сведений только в государственном реестре (ЕГРЮЛ). В связи с этим возрастает значение научной оценки вопроса об отражении сведений о долях участников в уставе общества.

Значительный блок теоретических и практических вопросов возникает в связи с передачей доли в пользу общества с ограниченной ответственностью. Так, вопрос о квалификации перехода доли в случае выхода участника из общества существенным образом влияет на налоговые последствия возмещения стоимости доли бывшему участнику. По данному вопросу в литературе и судебной практике сложились диаметрально противоположные мнения.

Кроме того, изучения требует проблема, касающаяся размера возмещения стоимости доли. Передача доли в пользу общества влечет обязанность общества выплатить бывшему участнику действительную стоимость доли, которая определяется на основе данных бухгалтерского учета. Однако неясным остается вопрос о том, как действительная стоимость доли соотносится с рыночной стоимостью чистых активов общества. Указанное обстоятельство вызывает значительное количество судебных споров, что обуславливает необходимость изучения проблемы. При этом новая редакция Закона об ООО не содержит каких-либо положений, устраняющих данную неопределенность.

Известно, что устав общества может предусматривать положение о запрете уступки доли либо требование о получении согласия участников общества на уступку доли. Однако серьезные разногласия и в литературе, и на практике возникают по поводу правовой природы указанных положений устава и последствий их нарушения. По этой проблеме встречаются диаметрально противоположные судебные решения. В первой половине 2007 г. данный вопрос стал предметом рассмотрения Президиума ВАС РФ. Однако и среди судей ВАС РФ отсутствовал единый подход. Новая редакция Закона об ООО вносит некоторую ясность и предусматривает, что в случае нарушения запрета на уступку доли (согласия на уступку доли) любой участник общества либо само общество вправе потребовать передачи доли обществу. Вместе с тем указанное нововведение не устраняет разногласий относительно правовой природы положений устава общества о запрете уступки доли (требования о получении согласия), что обуславливает необходимость соответствующего научного анализа.

Главной целью данной книги является определение места уступки доли в уставном капитале в системе гражданских правоотношений. Для достижения этой цели мы попытаемся решить следующие задачи:

выявить правовую природу доли в уставном капитале;

выявить правовую сущность уступки доли в уставном капитале;

исследовать порядок и юридический состав уступки доли в уставном капитале, в частности, такие элементы данного состава, как сделка уступки доли, извещение компании об уступке доли (трансфертное объявление), изменение сведений о принадлежности доли (трансферт);

провести анализ вопросов о правовых ограничениях уступки доли в уставном капитале, о сущности передачи доли в пользу общества, в том числе при выходе участника из общества, о размере возмещения стоимости доли при такой передаче.

В книге также представлены разработка и обоснование некоторых теоретических положений и рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства, регулирующего уступку доли в уставном капитале.

Глава I. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ

§ 1. Понятие доли в уставном капитале

Доля в уставном капитале является ключевым понятием не только для законодательства об обществах с ограниченной ответственностью. Исходя из ст. 66 Гражданского кодекса РФ <1> (далее - ГК РФ), деление уставного (складочного) капитала на доли участников характерно для всех хозяйственных обществ и товариществ. Использование данного термина применительно к хозяйственным товариществам встречается в ст. ст. 70, 74, 79, 85 ГК РФ <2>.

<1> Гражданский кодекс РФ, часть первая // СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301 (с послед. изм.).

<2> Применительно к хозяйственным товариществам используется термин "доля в складочном капитале".

Наряду с термином "доля в уставном капитале" законодательство также использует термин "доля участника". При этом, судя по использованию этих терминов в конкретных статьях (п. 1 ст. 66, ст. ст. 79, 85, 89, 93 ГК РФ), можно сделать вывод о том, что законодатель понимает их как синонимы <1>.

<1> Например, ст. 93 ГК РФ именуется "Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью к другому лицу". В теле данной статьи встречаем следующие словосочетания: "доля участника может быть отчуждена", "преимущественное право покупки доли участника", "отчуждение участником своей доли", "приобретение доли участником обществом". Очевидно, что под термином "доля в уставном капитале", используемым в заголовке статьи, и термином "доля участника", используемым в тексте статьи, законодатель понимает одно и то же.

Понятие доли участника не является новшеством нашего законодательства. Первое упоминание о доле в общем предприятии встречается еще в I в. до н.э. в Древнем Риме. Для обозначения долей в товариществах публиканов (*societates publicanorum*) римляне использовали термин *partes* <1> (*pars*).

<1> См.: Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876. С. 6; Ельяшевич В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в

римском частном праве. 1910. С. 406; Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 602.

В Европе в XII в. встречается упоминание о так называемых куксах - долях в горных товариществах <1> (Gewerkschaften). Известны были также паи в морских товариществах, действовавших в Средние века. Исторические данные свидетельствуют о том, что эти паи были равны между собой и имели бездокументарную форму. Есть свидетельства того, что в этот же исторический период (XII в.) на юге Франции в гражданском обороте участвовали паи в мукомольных объединениях.

<1> См.: Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 84.

Италии первой половины XIV в. были известны так называемые лоса - доли в капитале товариществ с торговыми целями (данные товарищества управляли задолженностью государства). Понятие лоса встречается также в связи с учреждением в Италии в 1407 г. Генуэзского банка, капитал которого был разделен на равные доли - лоса <1>.

<1> См.: Писемский П.А. Указ. соч. С. 8.

В 1892 г. в Германии появляются общества с ограниченной ответственностью (Закон "О товариществах с ограниченной ответственностью" <1> (GmbH)). Вместе с ними появляется и понятие доли в обществе с ограниченной ответственностью. Позднее аналогичные законы принимаются в Австрии (1906 г.) и Франции (1925 г.).

<1> См.: Wendler M., Tremml B., Buecker B. The Key Aspects of German Business Law. Springer; Berlin; Heidelberg. 3rd ed. 2006. P. 29.

Понятие доли известно английскому законодательству о компаниях и партнерствах, которое использует термин share (см. Закон 1890 г. "О партнерствах" <1>, Закон 1907 г. "Об ограниченных партнерствах", Закон 1985 г. "О компаниях", Закон 2000 г. "О партнерствах с ограниченной ответственностью") <2>. Отметим, что share можно перевести и как "акция", и как "доля". Однако, поскольку share используется в том числе применительно к партнерствам, для которых чуждо деление капитала на акции, понимать этот термин следует именно в значении доли.

<1> Закон Великобритании 1890 г. "О партнерствах" // По материалам сайта: <http://www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72505.htm>.

<2> Английское право не знает формы общества (компания) с ограниченной ответственностью. Аналогом российских обществ с ограниченной ответственностью можно считать партнерства с ограниченной ответственностью.

В американском законодательстве для обозначения доли в компании с ограниченной ответственностью (limited liability companies) используется понятие interest. Данный термин обозначает также долю участия в партнерствах с ограниченной ответственностью.

В России о существовании первых корпораций упоминается уже в XII в. (Ивановское пошлое купечество) <1>. Имеются упоминания о товариществах в Русской Правде <2>. Однако каких-либо положений относительно долей в данных товариществах исторические источники не содержат.

<1> См.: Дебольский Н.Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903. С. 329.

<2> См.: Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. V: История российских гражданских законов. Ч. III. Книга II. 1858. С. 182.

Первое упоминание о доле в товариществе на Руси связано с товариществами на паях (складничеством), которые действовали в северо-западных русских городах (об этом свидетельствует, в частности, грамота Великого Новгорода 1417 г. <1>). Н.Н. Дебольский пишет следующее: учреждая товарищество на паях, "люди договариваются, чтобы при нарушении товарищества выходящий не продавал СВОЕГО ПРАВА (выделено нами. - Р.Ф.) никому другому, кроме других членов товарищества" <2>. Можно предположить, что под правом здесь имеется в виду доля в товариществе, которую такое лицо обязуется не отчуждать третьим лицам.

<1> См.: Дебольский Н.Н. Указ. соч. С. 330.

<2> Там же. С. 328.

Далее понятие о доле участия развивается в нашем законодательстве в связи с формой акционерных компаний (конец XVII в.). В.В. Долинская отмечает, что в 1698 г. в России была выдвинута инициатива "устроить компанию, в которую мог вступить любой человек путем покупки "порций" или "акциев" <1>.

<1> См.: Долинская В.В. Акционерное право: Учебник / Отв. ред. А.Ю. Кабалкина. М., 1997. С. 49. Термин "порция" здесь можно рассматривать как синоним термина "доля". Предложение об устройстве компании, однако, не нашло поддержки у императорской власти, и оно осталось на бумаге.

Понятие о доле продолжает развиваться в начале XIX в. в связи с позитивным регулированием полных товариществ и товариществ на вере, которым был посвящен Манифест Императора Александра I о дарованных купечеству новых выгодах 1807 г. Применительно к данным товариществам законодательство использовало термин "пай" <1>.

<1> См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3. М., 2003. С. 499.

Дореволюционной России не было известно понятие доли в товариществе с ограниченной ответственностью, поскольку она не последовала примеру европейских соседей и не санкционировала на законодательном уровне форму товарищества с ограниченной ответственностью <1>. Вместе с тем аналогом общества с ограниченной ответственностью можно считать товарищества на паях и товарищества с переменным капиталом, для которых было характерно деление капитала на паи.

<1> Редакторы проекта Гражданского Уложения отнеслись совершенно отрицательно к этой новой форме товарищеских предприятий. См.: Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 373.

В советский период, несмотря на то что ГК РСФСР 1922 г. предусмотрел форму товарищества с ограниченной ответственностью, ни одна из статей Кодекса не была посвящена регулированию долей в таких товариществах. В.А. Краснокутский и В.Ю. Вольф отмечали крайнюю бедность положительного законодательства того времени: товариществам с ограниченной ответственностью были посвящены всего лишь четыре статьи (318 - 321) <1>.

<1> См.: Краснокутский В.А. Товарищества с ограниченной ответственностью. М., 1925. С. 3; Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 149.

Более детальное позитивное регулирование доли в обществах с ограниченной ответственностью получили в начале 1990-х гг.: в Постановлении Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. N 590 "Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью" <1> (далее - Постановление N 590), а также в Законе РСФСР от 25 декабря 1990 г. N 445-1 "О предприятиях и предпринимательской деятельности" <2> (далее - Закон о предприятиях). При этом именно данные нормативно-правовые акты стали впервые использовать термин "доля в уставном капитале" (ранее использовались термины "доля в товариществе", "доля участия", "пай"). Этот термин был позднее использован Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. N 2211-1 (п. 5 ст. 19 Основ) <3>.

<1> Постановление Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. N 590 "Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью" // Собрание постановлений СССР. 1990. N 15. Ст. 82 (фактически утратило силу).

<2> Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. N 445-1 "О предприятиях и предпринимательской деятельности" // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. N 30. Ст. 418 (утратили силу).

<3> Основы гражданского законодательства СССР от 31 мая 1991 г. N 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. N 26. Ст. 733 (утратил силу).

Наиболее детальное регулирование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью получили в действующем ГК РФ и в Законе об ООО. Однако ни ГК РФ, ни Закон об ООО не дали легального определения этому понятию и не отнесли его к какому-либо объекту гражданского оборота.

Из отдельных норм действующего законодательства можно вывести лишь то, что доля участника общества является имуществом. Так, согласно п. 1 ст. 25 Закона об ООО обращение по требованию кредиторов взыскания на долю (часть доли) участника общества в уставном капитале общества по долгам участника общества допускается только на основании решения суда при недостаточности для покрытия долгов другого имущества участника общества.

В соответствии с п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ общим имуществом супругов являются приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество <1>.

<1> См.: Семейный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. N 1. Ст. 16.

Из системного толкования указанных норм следует, что доля в уставном капитале является имуществом. Однако простое отнесение доли к имуществу недостаточно для определения ее природы, поскольку понятие имущества является широким и включает в себя вещи, имущественные права, иное имущество (ст. 128 ГК РФ). Между тем регулирование вещей существенным образом отличается, например, от регулирования имущественных прав.

Несколько дальше пошло налоговое законодательство. В соответствии с пп. 2.1 п. 1 ст. 268 Налогового кодекса РФ (далее - НК РФ) налогоплательщик имеет право уменьшить доходы от реализации имущественных прав (долей, паев) на расходы по их приобретению <1>. Из данной формулировки можно сделать вывод о том, что доля и имущественное право имеют одинаковый налоговый режим. Однако эта норма не свидетельствует о тождестве имущественного права и доли в уставном капитале,

поскольку законодательство довольно часто использует такой прием, распространяя на один объект гражданского оборота режим другого объекта, что не всегда свидетельствует об их тождестве <2>.

<1> См.: Налоговый кодекс РФ, часть 2 // СЗ РФ. 2000. N 32. Ст. 3340.

<2> Часто встречающаяся формулировка НК РФ - продажа товаров (работ, услуг) - убедительно указывает на одинаковый налоговый режим реализации товаров, работ и услуг. Однако это не свидетельствует о том, что товары, работы и услуги являются однородными объектами гражданского оборота.

Таким образом, действующее российское законодательство не позволяет определить правовую природу доли в уставном капитале. Между тем такое определение является первой и необходимой задачей для исследования уступки доли.

Обратимся к грамматическому толкованию термина "доля в уставном капитале". Из буквального прочтения словосочетания "доля в уставном капитале" следует, что доля - это часть уставного капитала. В связи с этим необходимо выяснить, что представляет собой уставный капитал.

Согласно абз. 4 ст. 14 Закона об ООО уставный капитал общества определяет минимальный размер его имущества, гарантирующего интересы его кредиторов.

Уставный капитал зачастую отождествляется с имуществом, которое вносится учредителями при создании юридического лица. Однако такое имущество можно именовать уставным капиталом лишь условно, поскольку объектами гражданских прав выступают денежные средства или иное имущество, вносимые в оплату уставного капитала. Наряду с уставным капиталом в обществе есть также добавочный, собственный, заемный капиталы. При этом невозможно указать, какое конкретно имущество организации относится к уставному капиталу, а какое - к собственному или заемному. Данные термины определяются не указанием на конкретное имущество, а посредством величин в денежном выражении: например, уставный капитал общества составляет 150000 рублей, а заемный капитал - 300000 рублей. Как обоснованно отмечается в литературе, уставный капитал (категория учетно-бухгалтерская) - это не набор конкретных вещей, а денежная оценка внесенных вкладов <1>.

<1> См.: Гражданское право: Учебник. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 154; Телюкина М.В. Комментарии к Федеральному закону "Об акционерных обществах" (постатейный). М., 2005. С. 152; Могилевский С.Д. Общества с ограниченной ответственностью: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М., 2000. С. 87. Еще в начале XX в. ученые отмечали, что уставный капитал - это абстрактная цифра, мыслимая величина, а не реальное имущество (В.Ю. Вольф), низший предел (В.А. Краснокутский). См.: Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927. С. 86; Краснокутский В.А. Торговые формы гражданско-правовых товариществ // Вопросы права. 1912. Кн. XI (3) М., 1912. С. 24.

В наши дни ученые определяют уставный капитал общества как денежное выражение стоимости имущества, которое должно иметь юридическое лицо при его создании (безотносительно к конкретным объектам, входящим в его состав) и ниже уровня которого не должна снижаться стоимость чистых активов действующего юридического лица <1>. Таким образом, уставный капитал - это определенная часть имущественной массы общества, которая гарантирует интересы кредиторов общества.

<1> См.: Шапкина Г.С. Новое в акционерном законодательстве (изменения и дополнения Федерального закона "Об акционерных обществах"). Уставный капитал общества // Вестник ВАС РФ. 2001. N 12. С. 102 - 103.

Получается, что по грамматическому толкованию мы должны прийти к выводу о том, что доля в уставном капитале - это часть имущественной массы (капитала) общества. Является ли эта позиция приемлемой для характеристики доли как объекта гражданского оборота?

Нужно отметить, что такое понимание доли встречается и в литературе, и в судебной практике, что обусловлено исторически тесной связью общества с ограниченной ответственностью с формой простого товарищества (societates) - старейшей формой союза лиц для осуществления предпринимательской деятельности.

Участие в societates давало товарищу долю в праве собственности на общее имущество товарищей, а также право на получение части прибыли (участие в убытках) товарищества, на управление делами товарищества. Как отмечал Ю. Барон, "товарищи имеют свои доли в общем имуществе, делают сами должниками и кредиторами по сделкам, заключенным от имени товарищества" <1>. Следовательно, доля в societates выражала вещное право товарища в отношении общего имущества товарищей, а также участие товарища в общих обязательствах товарищей.

<1> Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 1. Кн. I. Общая часть. СПб., 1909. С. 83.

Постепенно юридическая и торговая мысль римлян обособляла общее имущество от товарищей, признавая самостоятельный статус коллективной единицы, отдельной от товарищей, - товарищества. Однако спор о том, являются ли торговые товарищества юридическими лицами и соответственно собственниками имущества, переданного товарищами, велся в литературе еще довольно продолжительное время.

В отечественной доктрине понимание участия как доли в имуществе компании встречается у И.М. Тютрюмова, который считал, что права акционера по своей природе являются вещными. Аналогичный взгляд находим у К.П. Победоносцева и В. Александрова <1>.

<1> См.: Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 228; Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 482; Александров В. Учение о лицах юридических, по началам науки (рассуждения студента Императорского Московского Университета, юридического факультета 4 курса). М., 1865. С. 67, 69.

Эта концепция находит сторонников и в наши дни. Так, В.А. Лапач указывает, что доля в уставном капитале - это идеальная квота (часть) в праве собственности на имущество общества или товарищества, своеобразный аналог доли в общей собственности <1>.

<1> См.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 491. К современным сторонникам этой теории можно отнести Н.Н. Пахомову. См.: Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2005. С. 90, 103.

Вещно-правовая концепция внутрифирменных отношений представлена в зарубежной литературе. С. Джадж рассматривает share (долю, акцию) как выражение отношений собственности (proprietary relationship) <1>.

<1> См.: Judge S. Business Law. Macmillan Press Ltd. 1995. P. 196.

Данная позиция нашла отражение в ст. 216 немецкого Торгового кодекса, которая закрепляла право собственности акционеров на определенную часть в общем товарищеском имуществе <1>.

<1> См.: Евецкий А.А. О юридических лицах. Киев, 1903. С. 47.

В прецедентном праве Великобритании встречаются решения судей, закрепляющие, что внутрифирменные отношения являются отношениями по доверительному управлению имуществом. Так, в деле *Working Maen's Club and Institute Ltd. v. Macdonald* (1940) суд признал имущество, принадлежащее клубу, собственностью его участников <1>.

<1> Цит. по: Кибенко Е.Р. Корпоративное право Великобритании. Законодательство. Прецеденты. Комментарии. 2003. С. 123.

Аналогичная норма содержалась и в нашем законодательстве, а именно в ст. 11 Закона о предприятиях, в соответствии с которой учредители имеют право собственности на имущество товарищества с ограниченной ответственностью. Согласно п. 43 Постановления Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. N 601 "Об утверждении Положения об акционерных обществах" (далее - Постановление N 601) акция удостоверяет право собственности на долю в уставном капитале общества <1>.

<1> Постановление Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. N 601 "Об утверждении Положения об акционерных обществах" // Собрание постановлений РСФСР. 1991. N 6. Ст. 92 (утратило силу).

Впрочем, такое регулирование можно встретить в действующем законодательстве. Согласно ст. 109 ГК РФ имущество производственного кооператива делится на паи его членов. В соответствии с п. 3 ст. 9 Федерального закона от 8 мая 1996 г. N 41-ФЗ "О производственных кооперативах" (далее - Закон о производственных кооперативах) пай состоит из паевого взноса члена кооператива и соответствующей части чистых активов кооператива <1>. Следовательно, согласно нормам Закона пай в производственном кооперативе - это идеальная часть в имуществе кооператива <2>.

<1> Федеральный закон от 8 мая 1996 г. N 41-ФЗ "О производственных кооперативах" // СЗ РФ. 1996. N 20. Ст. 2321 (с послед. изм.).

<2> При этом нужно отметить, что ГК РФ и Закон о производственных кооперативах предусматривают, что имущество кооператива находится на праве собственности кооператива. Получается, что на имущество кооператива претендуют два субъекта - кооператив и пайщик, что представляется нелогичным.

Полагаем, что вышеизложенная позиция является ошибочной.

Долю как часть капитала (часть чистых активов) общества можно понимать лишь с экономической (стоимостной) точки зрения. Собственность отражает отношения между людьми по поводу материальных благ, на одном полюсе этих отношений выступает собственник, который относится к вещи как к своей, на другом - несобственник <1>. При этом центральным элементом в отношениях собственности является понятие присвоения - отношение индивида или коллектива к средствам и продуктам производства "как к своим", "как к своим собственным" <2>. Суть присвоения состоит прежде всего в том, что общество отвоевывает у природы определенные материальные блага и обращает их в свою пользу с последующим распределением этих благ между членами общества <3>.

<1> См.: Гражданское право: Учебник. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 340.

<2> См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права". 2-е изд., испр. М., 2003. С. 339; Венедиктов А.В. Марксово понятие собственности // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М., 2004. С. 27 - 32.

<3> См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 363.

По существу, факт принадлежности имущества юридическому лицу не мешает участнику общества относиться к этому имуществу как к своему, считать себя экономическим собственником имущества, поскольку именно данное лицо совершает акт присвоения <1>. При этом для собственника не имеет значения, как происходит акт присвоения - путем непосредственного владения вещью либо опосредованно (путем контроля над собственником вещи - юридическим лицом). Как обоснованно отмечает М.И. Кулагин, отношения по присвоению опосредуются не только институтом права собственности, но и другими нормами права, в том числе нормами акционерного законодательства <2>. О том, что собственность как совокупность общественно-производственных отношений юридически опосредуется не только путем права собственности, но и путем всей системы иных имущественных прав, говорил и А.В. Венедиктов <3>. В этом (экономическом) понимании держатели облигаций также признаются собственниками капитала, но только заемного <4>.

<1> На тот факт, что реальные активы общества воспринимаются учредителем как свои, несмотря на норму ст. 48 ГК РФ, указывается и в современной литературе. См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М., 2002. С. 197.

<2> См.: Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 108.

<3> См.: Венедиктов А.В. Марксово понятие собственности // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М., 2004. С. 27 - 32.

<4> См.: Кулагин М.И. Указ. соч. С. 109 - 110.

Именно с экономической точки зрения справедливо утверждение о том, что акции представляют собой "титул собственности на действительный капитал фирмы" <1>.

<1> См.: Кулагин М.И. Указ. соч. С. 104; Долинская В.В. Акционерное право: Учебник. М., 1997. С. 111.

Таким образом, с экономической точки зрения доля участника воплощает в себе часть капитала (активов) общества. Однако с юридической точки зрения распоряжение активами общества осуществляется участником опосредованно, через управление обществом. Поэтому участник общества не имеет субъективных прав в отношении имущества общества.

Еще в дореволюционный период судебная практика указывала, что собственником имущества компании является сама компания, что исключает участие члена компании в таком имуществе <1>. Примечательно, что первая русская корпорация (Ивановское пошлое купечество) имела свой дом, принадлежащий не отдельным лицам, а корпорации как юридическому лицу - Святому Ивану, как сказано в Уставе церковном Всеволода 1125 - 1136 гг. <2>.

<1> См.: Решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1904 г. N 2. Цит. по: Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса, 1911. С. 523.

<2> См.: Дебольский Н.Н. Указ. соч. С. 329.

О корпорации как о единственном собственнике имущества высказывались видные ученые. П.П. Цитович особо подчеркивал, что имущество не находится в общем праве собственности акционеров, оно имущество компании <1>. Н.С. Суворов отмечал, что согласно римскому праву имущество *universitatis* не есть имущество отдельных членов по соразмерным частям (*pro rata*) в качестве сособственников, а есть имущество особого лица <2>.

<1> См.: Цитович П.П. Учебник торгового права. Вып. I. Киев; СПб., 1891. С. 151.

<2> См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 48. См. также: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 607; Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений: Монография. Екатеринбург, 2005. С. 15.

Даже те ученые, которые оспаривают статус римских публиканорий (появившихся еще в I в. до н.э.) как юридических лиц, признавали, что для данных объединений характерна принадлежность имущества коллективному образованию, а не ее членам <1>. Соответственно, доля в таких объединениях (*partes, pars*) не представляла участие лица в общем имуществе (вещное право). Это был совершенно другой объект, который выражался в праве лица участвовать в предприятии, т.е. связь между лицом и имуществом перестает быть прямой (как в праве собственности), появляется опосредующее звено - предприятие.

<1> См.: Горлов В.А. Правовое положение обществ с ограниченной ответственностью: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 17.

Действующее российское законодательство прямо закрепляет, что собственником имущества общества является само общество (п. 1 ст. 48 ГК РФ).

Таким образом, юридическое лицо является непреодолимым препятствием, которое не позволяет говорить о том, что доля дает участнику некое право на идеальную часть в имущественной массе (активах) юридического лица.

Нам могут возразить, что участник общества вправе в любое время выйти из общества и потребовать выплаты стоимости доли, что свидетельствует о вещном праве участника на часть имущества общества (ст. 26 Закона об ООО).

Действительно, такое право участника свидетельствует о некоем притязании на часть имущества общества, пропорциональную его доле. Однако это право носит исключительно обязательственную природу (право требования к обществу) и не может рассматриваться как вещное право на имущество общества, так же как право продавца требовать оплаты товара не означает, что продавец имеет право на имущество покупателя <1>. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что продавец не вправе распоряжаться имуществом покупателя. Как отмечает В.А. Белов, попытка отдельных германских цивилистов "перекроить" определение обязательства, превратив его из права на действие в право господства над ценностью в чужом имуществе, не встретила сочувствия даже в немецкой литературе, не говоря уже о русской <2>.

<1> Аналогично право требовать выплаты объявленных дивидендов не дает акционеру (участнику) вещного права на соответствующую часть прибыли общества, как и право на ликвидационную квоту не означает, что участник имеет право на имущество общества.

<2> См.: Белов В.А. Проблемы общего учения об обязательствах // Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 658.

Кроме того, согласно новой редакции Закона об ООО участники общества по общему правилу лишены права на выход из общества. Данное право действует только в том случае, если это предусматривает устав общества <1>.

<1> См.: пункт 1 ст. 26 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Таким образом, необходимо различать два значения доли в уставном капитале - экономическое и юридическое. С экономической точки зрения, доля участника выражает часть стоимости имущества общества, дает лицу возможность распоряжаться капиталом (активами) общества. Однако с юридической точки зрения для данного понимания существует непреодолимое препятствие - самостоятельный статус общества с ограниченной ответственностью, которому и принадлежит имущество.

В чем же заключается юридическое значение доли в уставном капитале?

По мнению Д. Степанова, доля в уставном капитале не является ни денежной суммой, ни отдельным правом или совокупностью прав, ни ценной бумагой или суррогатом ценной бумаги. Доля есть особый юридический инструмент, сущность и назначение которого раскрывается в той роли, которую он играет на протяжении всего периода существования общества <1>. При этом данный вывод автор обосновывает тем, что доли в уставном капитале "определяются указанием на их размер (в процентном или числовом дробном выражении), номинальную стоимость".

<1> См.: Степанов Д. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика // Хозяйство и право. 2000. N 12.

Далее ученый отмечает, что правовая природа доли в уставном капитале чрезвычайно схожа с пониманием акций (share) в англо-американском праве. В этом случае доля определяется как инвестиционный интерес корпорации, который не есть собственно денежная сумма, а является особым видом имущества, интересом, определенным денежной суммой и предоставляющим разнообразные права, при этом степень участия и убытков его владельца определяется в денежном выражении <1>.

<1> См.: Степанов Д. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика // Хозяйство и право. 2000. N 12.

В итоге остается непонятным, что Д. Степанов понимает под долей участника: это особый юридический инструмент или все-таки имущество особого вида? Кроме того, автор не раскрывает, в чем состоит сущность данного юридического инструмента как объекта гражданского оборота.

Д.В. Мурзин рассматривает долю как фикцию, оформляющую некий формальный договор между участником и обществом <1>. Однако остается непонятным, как эта фикция соотносится с системой объектов гражданского оборота.

<1> См.: Мурзин Д.В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998. С. 61.

В.В. Зайцева охарактеризовала членство как особый юридический факт - факт-состояние, который порождает соответствующие права и обязанности акционера <1>. Но данное объяснение не позволяет отграничить долю от других объектов. По существу, владение любым объектом можно рассматривать в качестве факта-состояния. Например, право собственности на вещь является фактом-состоянием, который дает право требовать устранения нарушения его вещного права.

<1> См.: Зайцева В.В. Акционерное общество в праве капиталистических государств. М., 1979. С. 15.

Р.С. Бевзенко указывает, что "доля в уставном капитале является лишь символом, знаком тех прав, которые принадлежат участнику общества... это всего лишь процент, дробь, показывающая соотношение оплаченной лицом части уставного капитала и размера самого капитала" <1>. При этом объектом правоотношения является не доля в уставном капитале, а совокупность прав участника.

<1> Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 339 - 340.

С данным мнением вряд ли можно согласиться, поскольку оно напрямую противоречит системному толкованию законодательства, в соответствии с которым доля в уставном капитале рассматривается именно как объект гражданского оборота (ст. 93 ГК РФ, ст. 21 Закона об ООО). Если же следовать логике данного автора, то нужно прийти к выводу о том, что ст. 93 ГК РФ говорит об уступке символа (знака, дроби). Ошибка Р.С. Бевзенко состоит в том, что понятие доли в уставном капитале отождествляется им с таким свойством доли, как ее размер.

Доля в уставном капитале как единая и неделимая совокупность прав участника общества. Наиболее обоснованным представляется понимание доли в уставном капитале в качестве разновидности права участия. Такое понимание доли в уставном капитале вытекает из тесной связи общества с ограниченной ответственностью и иными коммерческими организациями, основанными на членстве (акционерными обществами, хозяйственными товариществами). Напомним, что общество с ограниченной ответственностью появилось как переходная форма от полного товарищества к акционерному обществу (на это обращали внимание еще В.Ю. Вольф <1>, В. Гордон <2>). Следовательно, существо отношений между обществом с ограниченной ответственностью и участником является таким же, как и в других хозяйственных товариществах и обществах.

<1> См.: Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1923. С. 26.

<2> См.: Ландкоф С.Н. Товарищества с ограниченной ответственностью на Западе и в СССР. М., 1924 (предисловие - В. Гордона).

В литературе уже довольно давно сложилось представление о содержании отношений, складывающихся между коммерческой организацией и ее участниками. Содержанием этих отношений является право участия. Так, И.Т. Тарасов отмечал, что акционер утрачивает свое право на вклад, взамен этого он получает другое имущественное право - право участия в компании <1>. И далее, существенный элемент в понятии об акционере составляет не акция, а акционерное право <2>. Г.Ф. Шершеневич указывал, что акция в материальном значении представляет собой право участия <3>. Наряду с термином "право участия" в литературе также используются термины "право членства", "корпоративное право", "акционерное право". При этом данные термины обозначают один и тот же объект.

<1> См.: Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 144.

<2> См.: Там же. С. 409.

<3> См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 387. Наряду с материальным Г.Ф. Шершеневич выделяет также формальное значение акции, в соответствии с которым акция рассматривается как документ (ценная бумага).

Поскольку общество с ограниченной ответственностью является разновидностью коммерческой организации, основанной на началах членства, логичным будет вывод о том, что с передачей вклада в уставный капитал участник общества получает право участия в данном обществе. На эту логику обращал внимание В. Максимов, указывая, что товарищества на паях лишены акций в смысле документа, но их ПАИ ДАЮТ ТАКОЕ ЖЕ ПРАВО УЧАСТИЯ, КАК И АКЦИЯ <1> (выделено нами. - Р.Ф.). С. Айгнер-Хегер также видит сходство акции и доли именно в этой плоскости: и акция, и доля выражают членство в компании <2>. Как отмечает Д.В. Мурзин, в Российской империи запись о вкладе в товарищество на паях являлась бестелесным эквивалентом бланка акции, так как претендовала на то, чтобы заменить собой отношения, выраженные в акции <3>.

<1> См.: Максимов В. Законы о товариществах. Справочная книга для юристов, действующих и возникающих товариществ. М., 1911. С. 31.

<2> См.: Айгнер-Хегер С. Общества с ограниченной ответственностью в сравнительном гражданском праве России, Германии, Англии: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 76.

<3> См.: Мурзин Д.В. Указ. соч. С. 56.

На однородную природу права участия в акционерном обществе и в товариществе с ограниченной ответственностью указывали советские ученые. Так, по словам В.Ю. Вольфа, правовая регламентация членства (в товариществах с ограниченной ответственностью. - Р.Ф.) вполне аналогична принятой для акционерных обществ <1>. На сходство акций и долей в товариществах с ограниченной ответственностью указывает и тот факт, что для обозначения участия в акционерных товариществах, наряду с акцией, в советское время использовался термин "пай" <2>. Примечательно, что в дореволюционной России право участия в акционерных обществах могло закрепляться не только в акциях, но также в так называемых временных свидетельствах.

<1> См.: Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 156.

<2> См.: Алфеевский С. Деловые бумаги. Образцы и формы. 2-е изд. Харьков, 1929. С. 163.

Постановление N 590 признавало однородный характер права участия, выраженного долей и акцией. Так, норма п. 16 Постановления N 590, относящаяся и к акционерным обществам, и к обществам с ограниченной ответственностью, устанавливала, что вклад участника составляет долю участника в уставном фонде. Таким образом, данная норма указывает на единую природу доли в акционерном обществе и в обществе с ограниченной ответственностью, разница между этими правами заключается в том, что в одном случае оно (право) закрепляется в ценной бумаге (акции), в другом - фиксируется в уставе.

Закон о предприятиях также установил единый подход к определению природы права участия в акционерных обществах и в обществах с ограниченной ответственностью, которое именовалось вкладом <1> (ст. 11 Закона о предприятиях).

<1> При этом, однако, Закон указывал, что вклады принадлежали участникам на праве собственности (п. 3 ст. 11 Закона о предприятиях). Как уже было сказано, данное положение является ошибочным. Однако даже при таком ошибочном понимании участия авторы Закона все же признавали однородность участия в акционерных обществах и в обществах с ограниченной ответственностью.

В законодательстве о производственных кооперативах используется термин "членство в кооперативе" (ст. 7 Закона о производственных кооперативах). При этом для обозначения членства в кооперативах используется термин "пай".

Необходимо отметить, что сходство доли в уставном капитале и акции вовсе не означает, что эти объекты идентичны, речь идет об их принципиальной однородности - оба являются видами более широкого понятия - права участия. Отличия же акции от доли выражаются в форме закрепления права участия <1>; в закреплении размера права участия (акция - это единообразная доля участия <2>, а доли различны по размеру) <3>; в более тесной личной связи участников общества с ограниченной ответственностью, нежели в акционерном обществе, что отражается на оборотоспособности доли. Однако данные отличия не затрагивают природу участия в обществе с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота.

<1> Вклад в акционерных товариществах принимает форму акции, в товариществах на паях он значителен по книгам. См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1907 г.). М., 1994. С. 140; Максимов В. Законы о товариществах. Справочная книга для юристов, действующих и возникающих товариществ. М., 1911. С. 29 - 30.

<2> Такое положение, по словам А.Ф. Федорова, вызвано практическими удобствами: этим облегчается проверка величины складочного капитала, упрощается распределение прибыли, установление биржевого курса на акции и подсчет голосов на общем собрании акционеров. См.: Федоров А.Ф. Указ. соч. С. 489.

<3> См.: Цитович П.П. Учебник торгового права. С. 166. См. также: Федоров А.Ф. Указ. соч. С. 539.

Что же представляет собой право участия? В литературе данному вопросу посвящены довольно серьезные исследования. Прежде всего ученые отмечают, что право участия - это субъективное право <1>. Главной составляющей данного права является возможность управомоченного к совершению собственных действий, последствия которых должны претерпевать определенные пассивные субъекты <2>.

<1> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учебник. М., 2004. С. 572.

<2> См.: Там же. С. 573.

В литературе большинство авторов сходятся в том, что объектом права участия (корпоративного права) являются деятельность организации и результаты этой деятельности (Е.Б. Сердюк <1>, Л.А. Новоселова <2>, П.В. Степанов <3>), деятельность обязанных лиц (Д.В. Ломакин <4>). Есть предложения рассматривать объектом акционерного правоотношения имущество акционерного общества <5>.

<1> См.: Сердюк Е.Б. Акционерные общества и акционеры: корпоративные и обязательственные правоотношения. М., 2005. С. 51.

<2> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 204.

<3> См.: Степанов П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 6. С. 39.

<4> См.: Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 26 - 27.

<5> См.: Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика: Учеб. пособие. М., 2007. С. 100. Данная позиция может представлять интерес с экономической точки зрения, поскольку с юридической точки зрения, как уже было сказано, имущество является объектом права собственности общества, а не объектом права участников.

Являясь субъективным правом, право участия представляет собой неделимый комплекс правомочий участника. Так, еще П.А. Писемский отмечал, что участие есть совокупность акционерных прав и обязанностей, связанных между собой в одно нераздельное отношение <1>. В дореволюционной литературе такое понимание права

участия встречаем у П.П. Цитовича, И.Т. Тарасова; в советское время - у В.Ю. Вольфа, Н.Г. Вавина, Л. Эннекцеруса; в современной литературе - у Д.В. Ломакина, В.А. Белова, С.Д. Могилевского, Т.В. Кашаниной, К.П. Беляева, С. Айгнер-Хегер, В.П. Мозолина <2>.

<1> См.: Писемский П.А. Указ. соч. С. 58.

<2> См.: Цитович П.П. Учебник торгового права. С. 152; Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 410; Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 103, 131; Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Товарищество простое, полное и на вере: Комментарии к ст. 276 - 317 ГК. 2-е изд. М., 1929. С. 31; Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М., 1949. С. 387; Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 15; Он же. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 166, 172; Белов В.А., Пестерева Е.В. Хозяйственные общества М., 2002. С. 144; Могилевский С.Д. Общества с ограниченной ответственностью: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М., 2000. С. 101; Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. М., 1995. С. 66; Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Общества с ограниченной ответственностью: правовое положение (практический комментарий, законы и другие правовые акты, образцы документов). М., 1999. С. 123; Айгнер-Хегер С. Указ. соч. С. 77; Мозолин В.П. О юридической природе внутрикорпоративных отношений // Государство и право. 2008. N 3. С. 35.

В.А. Белов подчеркивает, что корпоративное право - это единая система, сложенная из большего или меньшего количества субправомочий, а вовсе не конгломерат отдельных субъективных прав <1>.

<1> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учебник. М., 2004. С. 581.

Против рассмотрения прав участия как единого субъективного права высказывается А.Б. Бабаев, указывая, что объединять в рамках "единого комплекса прав" права, возникающие из различных оснований, единым субъективным (членским) правом методологически неправильно <1>. Полагаем, что данное возражение недостаточно обоснованно, поскольку правомочия, составляющие единое право участия, возникают из одного основания - приобретения данного комплекса (права участия).

<1> См.: Бабаев А.Б. Проблема корпоративных правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 811 - 812.

Таким образом, доля в уставном капитале является разновидностью права участия и как таковая представляет собой субъективное право, состоящее из совокупности правомочий участника общества.

Несмотря на то что законодательство не ставит знак равенства между терминами "доля в уставном капитале" и "право участия", вывод об их тождестве с очевидностью следует из толкования норм ГК РФ и Закона об ООО. Возьмем, например, ст. 93 ГК РФ, которая закрепляет право участника общества уступить свою долю в уставном капитале. Как мы выяснили, участник обладает правом участия в обществе. При этом участник общества вправе распорядиться своим правом участия путем его отчуждения. Следовательно, по существу, в ст. 93 ГК РФ речь идет о распоряжении правом участия. Поскольку ст. 93 ГК РФ использует термин "уступка доли в уставном капитале", можно сделать вывод о том, что ст. 93 ГК РФ понимает под долей в уставном капитале право участия. Если же принять обратное (доля не тождественна праву участия), то получится, что уступка доли и уступка права участия - это различные факты и первое не влечет второго. Однако этот вывод опровергается положением о том, что к приобретателю доли переходят все права и обязанности участника общества, т.е. переходит право участия.

К пониманию доли в уставном капитале как к разновидности права участия был близок В.В. Розенберг. Ученый дал следующее определение пая в товариществе с ограниченной ответственностью - это совокупность прав и обязанностей каждого товарища в отношении товарищества, являющаяся правовым комплексом <1>.

<1> См.: Розенберг В.В. Товарищество с ограниченной ответственностью. М., 1912. С. 155.

В наши дни довольно близок к такому пониманию доли оказался С.А. Бобков, который определил долю в уставном капитале как имущественное право, имеющее количественное выражение в виде номинальной стоимости, а также долевого соотношения (в виде процентов или дроби) относительно размера уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, владение которым наделяет субъекта статусом участника общества с ограниченной ответственностью и, как следствие, - комплексом прав и обязанностей по отношению к обществу и другим участникам <1>.

<1> См.: Бобков С.А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2002. N 7. С. 64.

Однако в определении С.А. Бобкова есть некоторые недостатки. Автор разграничивает в данном определении имущественное право и комплекс прав и обязанностей участника. Мы полагаем, что доля в уставном капитале - это и есть комплекс правомочий участника. В выделении же отдельного имущественного права нет необходимости, тем более что остаются неясными содержание и назначение данного имущественного права.

Долю в уставном капитале как комплекс имущественных и неимущественных прав предлагает рассматривать Д.В. Ломакин <1>.

<1> См.: Ломакин Д.В. Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. N 2.

Понимание доли участника как субъективного права воспринято правоприменительной практикой. Так, Министерство по налогам и сборам РФ отмечает, что по своей правовой природе доля в уставном капитале относится к имущественным правам <1>.

<1> См.: письма Управления МНС по г. Москве от 10 января 2000 г. N 02-11/156, от 20 июня 2002 г. N 27-08н/27901. Здесь интересно отметить следующее последствие такого толкования для целей Налогового кодекса РФ: в соответствии со ст. 38 НК РФ имущество не включает в себя понятие имущественных прав. При этом взыскание налогов может производиться за счет имущества налогоплательщика (ст. 47 НК РФ). Следовательно, признавая долю имущественным правом, налоговые органы тем самым исключают долю из числа объектов, на которые может быть обращено взыскание.

Использование данного подхода встречается в отечественной судебной практике. Так, суд подчеркнул, что доля представляет собой не имеющий материального воплощения объект гражданского оборота (имущество - ст. 128 ГК РФ), представляющий собой единую и неделимую совокупность имущественных и неимущественных прав и имеющий определенную стоимостную оценку, выражающуюся в номинальной стоимости <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 14 января 2005 г. по делу N КГ-А40/12012-04.

Важная особенность права участия состоит в том, что оно обладает определенным размером и стоимостью. В коммерческих организациях (точнее, в объединениях капитала) объем прав участника зависит от его имущественного участия в капитале организации. Поскольку после внесения вклада в уставный капитал данный вклад становится достоянием компании, а участник компании приобретает право участия, для определения объема права участия используется размер внесенного вклада. Вкладу соответствует "номинальная стоимость" участия.

Например, если вклад в уставный капитал составляет 2000 рублей, то и номинальная стоимость доли будет равна 2000 рублям.

Собственно, размер доли в уставном капитале определяется через отношение ее номинальной стоимости к уставному капиталу общества.

Например, если уставный капитал общества равен 10000 рублей, то размер доли будет равен 20% или 1/5 уставного капитала (2000 рублей / 10000 рублей x 100).

Помимо номинальной, доля также имеет действительную стоимость, под которой понимается стоимость чистых активов общества, пропорциональная размеру доли. Если номинальная стоимость доли - это часть уставного капитала, то действительная стоимость доли - это часть стоимости чистых активов общества (собственного капитала общества) <1>.

<1> Мы еще вернемся к исследованию действительной стоимости доли при раскрытии вопроса о передаче доли в пользу общества.

Таким образом, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является разновидностью права участия и, следовательно, представляет собой субъективное право на участие в организации деятельности общества, состоящее из единого и неделимого комплекса правомочий участника общества.

§ 2. Правовая природа правомочий, входящих в состав доли в уставном капитале

Утверждение о том, что доля в уставном капитале представляет собой совокупность правомочий участника, является важным для понимания природы доли. Однако само по себе такое утверждение не характеризует сущность прав, составляющих данную совокупность. Между тем очевидно, что совокупность обязательственных прав будет существенно отличаться от совокупности вещных прав, что сказывается и на различном правовом режиме оборота данных прав.

В литературе встречаются различные мнения относительно того, какую природу имеют права, составляющие участие.

Одни авторы утверждают, что это обязательственные права. Так, П. Писемский отмечал, что отношение между акционерной компанией и акционером есть отношение двустороннее, поэтому к нему применимы все правила о двусторонних договорах <1>. В наши дни эта позиция поддерживается С.Д. Могилевским и некоторыми другими авторами <2>.

<1> См.: Писемский П. Указ. соч. С. 57, 59, 151. См. также: Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. 3-е изд., испр. М., 2003. С. 678 - 679.

<2> См.: Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности: Учеб. пособие. М., 2006. С. 44; Он же. Общества с ограниченной ответственностью: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М., 2000. С. 29, 36; Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Указ. соч. С. 99; Горлов В. Правовое положение участника общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2000. N 7; Шлыкова Т.А. Права участников общества с ограниченной ответственностью: юридическая природа, понятие,

виды: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 34; Юкша Я.А. Устав, учредительный договор и уставный капитал обществ с ограниченной ответственностью: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 26; Ломидзе О. Переход обязательственных прав участников юридических лиц // Российская юстиция. 1999. N 10.

Данная концепция нашла отражение в действующем законодательстве, а именно в п. 1 ст. 48 ГК РФ, в соответствии с которым хозяйственные общества относятся к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, а также в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ "Об акционерных обществах" <1> (далее - Закона об АО), в соответствии с которым акции удостоверяют обязательственные права участников общества по отношению к обществу.

<1> СЗ РФ. 1996. N 1. Ст. 1 (с послед. изм.).

Такое толкование довольно часто встречается и в судебной практике. Так, суды подчеркивают, что доля в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью представляет собой имущественное право обязательственного характера <1>.

<1> См.: Постановления ФАС Северо-Западного округа от 14 июня 2000 г. по делу N А26-163/00-01-05/2, от 18 января 2005 г. по делу N А13-6708/04-24; Постановление ФАС Московского округа от 19 февраля 2001 г. по делу N КГ-А40/335-01; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10 июля 2001 г. по делу N Ф08-1728/2001; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23 сентября 2003 г. по делу N А11-2060/2003-К2-Е-1291.

Другие авторы указывают на абсолютно-правовую природу прав участия. Так, Р. Саватье пишет, что доля в товариществе не сводится только к обязательственному требованию, но дает своему держателю прежде всего право участвовать в жизни товарищества. Элемент власти здесь присоединяется к обязательственному требованию <1>. Ученый отмечает, что члены товарищества имеют косвенное право на имущество товарищества и это право более полно, чем право кредитора <2>.

<1> См.: Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М., 1972. С. 96.

<2> См.: Там же. С. 161.

Высказывания о наличии абсолютной природы права участия можно встретить у Д.В. Ломакина. При этом, однако, автор подчеркивает, что акционерное правоотношение включает в себя одновременно "элементы абсолютных и относительных правоотношений" <1>. Это же находим у Л. Лапача <2>. В связи с этим Д.В. Ломакин и Л. Лапач входят в число сторонников третьей позиции, которая указывает на корпоративный характер прав участия.

<1> См.: Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 29.

<2> См.: Лапач Л. Доля в уставном капитале как "иное имущество" в системе объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2006. N 12.

Разработчик этой теории О. Гирке считал, что основой таких отношений являются властвование и подчинение, связанность субъектов <1>.

<1> Цит. по: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 104.

В отечественной доктрине такое понимание прав участия встречается уже в XIX в. (Г.Ф. Шершеневич, Н.О. Нерсесов, другие видные цивилисты <1>).

<1> См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005. С. 20; Он же. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 392; Нерсесов Н.О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права (историко-догматическое исследование). М., 1889. С. 2, 7; Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса, 1911. С. 519; Максимов В. Законы о товариществах. Справочная книга для юристов, действующих и возникающих товариществ. М., 1911. С. 23 - 24.

В советский период четкое различие прав членства от обязательственных и вещных прав встречаем у М.М. Агаркова, в наши дни - у Д.В. Ломакина, В.А. Белова, Л.А. Новоселовой, К.И. Скловского, В.П. Мозолина <1>.

<1> См.: Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М., 1993. С. 9, 10, 35; Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 110 - 111; Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учебник. М., 2004. С. 573 - 574; Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 204; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М., 2002. С. 187; Мозолин В.П. О юридической природе внутрикорпоративных отношений // Государство и право. 2008. N 3.

Признание особого (корпоративного) характера прав участия встречается и в законодательстве. Наиболее четко это видно из соглашений об избежании двойного налогообложения, заключенных Россией с иностранными государствами. Так, в соответствии с п. 3 ст. 10 Соглашения от 5 декабря 1998 г. об избежании двойного налогообложения, заключенного с Республикой Кипр, под дивидендами понимаются доходы от акций или других прав, не являющихся долговыми требованиями, а также доходы от других корпоративных прав <1>. Как видно из буквального толкования данной нормы, Соглашение четко разграничивает права по акциям (корпоративные права) и долговые требования.

<1> См.: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Кипр от 5 декабря 1998 г. "Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал" // СЗ РФ. 1998. N 37. Ст. 4447.

Данное различие можно также проследить в законодательстве о бухгалтерском учете. Как известно, инвестиции организации учитываются на счете бухгалтерского учета 58 "Финансовые вложения". При этом субсчет, отражающий инвестиции в уставные капиталы других организаций (субсчет 58-1 "Паи и акции"), отделен от субсчетов, на которых отражаются вложения в долговые бумаги и займы (субсчета 58-2 "Долговые ценные бумаги", 58-3 "Предоставленные займы" <1>).

<1> См.: Приказ Минфина России от 31 октября 2000 г. N 94н "Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению" // Экономика и жизнь. 2000. N 46.

Упоминания о корпоративной "окраске" прав участника в редких случаях можно встретить в судебной практике. Так, для обозначения прав участника Президиум ВАС РФ в одном из своих Постановлений использует термин "корпоративный контроль" над обществом <1>.

<1> См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. N 5539/08; Постановление ФАС Поволжского округа от 22 марта 2007 г. по делу N А57-10549/06.

В чем же состоит ключевая особенность прав участия, отличающая их от обязательственных требований?

Прежде всего это особый объект корпоративных отношений - деятельность акционерного общества и обязанных лиц. В корпоративном отношении нет конкретного действия (бездействия) обязанного лица, как в обязательственном. Корпоративные права представляют собой возможность совершения участником общества (товарищества) собственных действий <1>. При этом данные собственные действия участника являются составной частью чужой деятельности <2>. А.И. Каминка видел особенность права участия в элементе господства компании как таковой над отдельными ее членами <3>.

<1> См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве: Учеб. пособ. по спец. курсу: В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 290.

<2> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учебник. С. 573.

<3> См.: Каминка А.И. Очерки торгового права. Вып. I. 1912. С. 353.

Вследствие особого объекта, регулируемые отношения отличаются от прав требования следующими особенностями:

- 1) отсутствует срочность исполнения требования;
- 2) объект корпоративных прав заранее не определен;
- 3) исполнение обязанности не погашает право требования;
- 4) зависимость (подчиненность) воли общества от воли участников.

При этом сторонники данной позиции утверждают, что права участия являются относительными правами <1>. Данный вывод обосновывается тем, что правовые последствия действий участника падают на иного субъекта - юридическое лицо <2>.

<1> См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 139; Гушин В.В. Указ. соч. С. 117; Богатырев Ф.О. Состав относительных неимущественных гражданских отношений // Журнал российского права. 2002. N 11. С. 90.

<2> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учебник. С. 573 - 576.

Соглашаясь в принципе с выделенными особенностями права участия, мы не можем согласиться с однозначным выводом о его относительном характере, поскольку данное право обладает также абсолютно-правовыми признаками. В этом смысле более обоснованной представляется позиция Д.В. Ломакина о том, что корпоративное правоотношение сочетает в себе и абсолютное, и относительное начала.

Для подтверждения этого вывода и раскрытия правовой природы прав участника обратимся к анализу отдельных правомочий, составляющих долю.

На относительную природу правомочия на участие в управлении делами общества (далее - правомочие на управление) указывает Л.А. Новоселова. Автор пишет, что право на участие в управлении характеризуется путем указания на конкретную обязанную сторону - общество <1>. При этом содержанием данного права, по мнению автора, являются положительные действия, совершения которых участник общества вправе требовать от общества, что характерно для относительных прав.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сб. статей. М., 2007. С. 202.

Эту позицию уточняет В.А. Белов: хотя возможность участвовать в управлении делами не является требованием, право участия является относительным правом <1>.

<1> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть. С. 573.

Отметим, что позиция сторонников относительного характера права на управление непоследовательна. С одной стороны, Л.А. Новоселова указывает, что праву участника общества противостоят обязанности общества <1>. С другой стороны, автор отмечает, что предметом права на управление являются не конкретные действия юридического лица, а его деятельность <2>. В итоге непонятно, что является объектом права на управление - конкретные действия либо деятельность общества. Между тем решение данного вопроса имеет принципиальное значение для характеристики рассматриваемого правомочия.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 202.

<2> См.: Там же. С. 204.

Противоречивость можно усмотреть и в позиции В.А. Белова. Так, при характеристике абсолютного характера права на предприятие (имущественный комплекс) автор пишет следующее: "Абсолютное субъективное гражданское право на предприятие (имущественный комплекс) включает в себя защищенные возможности своего субъекта **ПО СОБСТВЕННОМУ УСМОТРЕНИЮ...** (выделено нами. - Р.Ф.) осуществлять абсолютные права на каждый из элементов состава предприятия... а также **ТРЕБОВАТЬ ОТ ЛЮБЫХ ДРУГИХ ЛИЦ НЕ ЧИНИТЬ ПРЕПЯТСТВИЯ** (выделено нами. - Р.Ф.) в осуществлении вышеуказанных собственных действий. Данное право мы считаем возможным назвать **ПРАВОМ НА УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ** <1> (выделено нами. - Р.Ф.)".

<1> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть. С. 341 - 342.

В то же время В.А. Белов характеризует право на участие в управлении (право участия) в юридическом лице как относительное, а не как абсолютное право. Между тем праву на участие в управлении делами общества присущи все те признаки, которые ученый выделил при характеристике абсолютного права на предприятие: осуществление права по собственному усмотрению, запрет всем лицам чинить препятствия в осуществлении права на управление.

Итак, в чем же выражается абсолютный характер права на участие в управлении делами общества?

Основным объектом правомочия на управление является деятельность общества <1>. Из текста п. 2 ст. 6 Закона об ООО следует, что право участия предоставляет лицу "возможность определять решения, принимаемые обществом". Право на управление выражает юридическую власть участника над деятельностью общества. При этом данная власть отличается от власти кредитора над действиями должника, поскольку участник может реализовать свою власть непосредственно, своими собственными действиями, в то время как интерес кредитора реализуется в основном действиями должника <2>. Так, право голоса осуществляется участником общества самостоятельно, своими собственными действиями. Ценность этого правомочия состоит не в понуждении кого-либо к определенным действиям (бездействию), как в обязательстве, а в том, чтобы предоставить управомоченному лицу возможность самостоятельно и беспрепятственно реализовать свое правомочие, что характерно для абсолютных прав. Как отмечается в литературе, абсолютное право управомочивает своего субъекта предпринимать самостоятельные действия, дает возможность самому действовать в определенном направлении <3>.

<1> Под управлением в литературе понимают процесс целенаправленного воздействия на систему, в результате которого достигается ее упорядоченность и развитие в соответствии с поставленными перед ней общими целями. См.: Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект: Монография. М., 2001. С. 142.

<2> В связи с этим В.А. Белов совершенно верно отмечает, что возможность участвовать в управлении делами представляет собой возможность совершения участником общества собственных действий, направленных на участие в чужой деятельности. См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 290.

<3> См.: Зом Р. Институции. История и система римского гражданского права. Вып. 1. Сергиев Посад, 1916. С. 246; Агарков М.М. Ценность частного права // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М., 2002. С. 73; Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 440 - 441. М.М. Агарков отмечал, что абсолютные права преграждают всякому и каждому возможность вторжения в определенную сферу, предоставленную свободному усмотрению субъекта права. Ю.С. Гамбаров подчеркивал, что различие между вещными и обязательственными отношениями состоит в том, что действия, в которых осуществляется конечная цель права, лежат в одном случае на стороне правообладателя, а в другом - на стороне обязанного лица.

Правомочие на управление является выражением свободы экономической деятельности лица (ст. 34 Конституции РФ <1>). Конечная цель рассматриваемого правомочия состоит в том, чтобы обеспечить участнику общества сферу свободного усмотрения, позволить ему беспрепятственно осуществлять управление делами общества. Как собственник реализует предоставленную ему свободу усмотрения по использованию имущества, так и участник общества управляет обществом своей волей и в своем интересе.

<1> Конституция РФ // Российская газета. 1993. 25 дек. В этом смысле примечательна позиция Конституционного Суда РФ о том, что участие в коммерческой организации является видом экономической деятельности. См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. N 3-П, от 31 мая 2005 г. N 6-П.

При этом участнику общества как субъекту экономической деятельности противостоит всякий и каждый с пассивной обязанностью воздерживаться от нарушения правомочия на управление. В абсолютных отношениях управомоченному лицу в качестве обязанных противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку; на всех этих лиц возлагается пассивная функция - функция воздержания от действий, препятствующих удовлетворению юридически охраняемых интересов, в обязательственных же отношениях эта обязанность связывается с определенным лицом <1>. Поскольку конечная цель правомочия на управление состоит в беспрепятственной реализации участником предоставленной ему власти своими собственными действиями, на всякого и каждого возлагается обязанность воздерживаться от вторжения в сферу свободного усмотрения участника. Запрет нарушать правомочие на управление, таким образом, адресован всем лицам, что характеризует данное правомочие как абсолютное.

<1> См.: Тютрюмов М.И. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 120; Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права". 2-е изд. М., 2003. С. 617 - 618.

Нарушение третьим лицом права участника на управление может выражаться в физическом противодействии в осуществлении данного права, например путем блокирования доступа к помещению, в котором проводится общее собрание участников.

Используя терминологию Президиума ВАС РФ, можно сказать, что в подобных случаях нарушается право участника на корпоративный контроль над обществом.

Полагаем, что право участника на управление будет также нарушено, если третьими лицами создаются препятствия для деятельности исполнительных органов общества (отказ передать документы, печати, штампы компании, ключи от помещений и сейфов), поскольку исполнительные органы фактически лишаются возможности исполнить управленческие решения участников общества. В данном случае нарушаются почти все функции управления (организация, руководство, контроль) <1>. Для обозначения указанных ситуаций в литературе, посвященной корпоративным конфликтам, используется даже специальный термин - "перехват управления" <2>.

<1> Функция организации состоит в формировании организационной структуры и органов общества; функция руководства - в постановке задач перед объектом управления; функция контроля - в постоянном наблюдении (надзоре) за упорядоченностью системы. См.: Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект: Монография. М., 2001. С. 150 - 151.

<2> М.Г. Ионцев характеризует перехват управления в компании-цели как различные операции, связанные с физическим захватом власти на предприятии, эффективные действия, направленные на установление полного физического контроля над предприятием. При этом, как правило, используется мощный силовой ресурс для подавления сопротивления противоборствующей стороны. Зачастую этот силовой ресурс может быть подкреплён, например, определением суда об обеспечении иска. Однако возможны ситуации установления физического контроля и без какого-либо правового обоснования. См.: Ионцев М.Г. Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмэйл. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 152 - 156. См. также: Бабанов Э.В. Корпоративные войны // Закон. 2007. N 3. С. 91.

Многочисленные факты рейдерских захватов, в результате которых парализуется управление деятельностью общества, свидетельствуют о необходимости защиты правомочия участника на управление от любого третьего лица.

Здесь следует согласиться с Л. Лапачем, который отмечает, что право на участие в управлении делами общества реализуется участником как управомоченным лицом, которому никто без законных оснований не вправе чинить препятствия в осуществлении данного права <1>. Наличие у участника властного полномочия, близкого по своим экономическим возможностям к праву собственности, обоснованно отмечает также Н.Н. Пахомова <2>.

<1> См.: Лапач Л. Доля в уставном капитале как "иное имущество" в системе объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2006. N 12.

<2> См. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений: Монография. Екатеринбург, 2005. С. 83 - 87.

Можно возразить, что права кредитора в обязательстве также могут быть нарушены всяким и каждым. Так, третье лицо может своими действиями вызвать прекращение обязательства или невозможность его осуществления должником. Однако, как справедливо указывал М.М. Агарков, в данном случае необходимо строго различать два разных отношения:

а) отношение между кредитором и должником (нарушение возможно лишь со стороны должника);

б) отношение между кредитором и всяким и каждым (нарушение возможно со стороны всякого и каждого) <1>.

<1> См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М., 2002. С. 201.

Нарушение третьим лицом требования кредитора осуществляется путем воздействия на должника <1>. Право кредитора будет считаться нарушенным только в том случае, если должник не предоставит исполнения. Соответственно нарушение третьим лицом кредиторского права может быть произведено только путем воздействия на сторону должника. В отличие от этого при нарушении правомочия на управление третье лицо вторгается непосредственно в сферу свободного усмотрения управомоченного лица (участника общества). Как было сказано выше, сущность правомочия на управление состоит в реализации меры поведения собственными действиями и по своему усмотрению. Нарушение будет происходить путем вторжения в сферу управомоченного лица, а не в сферу должника (общества). В этом смысле нарушение правомочия на управление имеет тот же характер, что и нарушение иных абсолютных прав - права собственности, исключительных прав, личных неимущественных прав, т.е. во всех случаях нарушитель воздействует на сферу свободного усмотрения управомоченного лица.

<1> М.М. Агарков приводит в качестве примера убийство должника, вследствие чего кредитор не может получить платеж.

Отсутствие конкретной модели поведения - еще один абсолютно-правовой признак рассматриваемого правомочия. П.В. Степанов справедливо отмечает, что действия организации, которые связаны с реализацией прав участника на управление и на получение информации, нельзя конкретно определить <1>.

<1> См.: Степанов П.В. Корпоративные правоотношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 37.

Против наличия элементов абсолютного права в отношениях участия высказывается А.Б. Бабаев, указывая, что "пока никем не доказано, что возможности удовлетворения своих интересов собственными действиями могут составлять содержание только абсолютных прав" <1>. При этом автор в качестве доказательства своего вывода использует конструкцию вторичных прав, которые, по мнению автора, являются относительными и которым не соответствует чья-либо обязанность.

<1> Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 811.

Однако, во-первых, природа вторичных прав как субъективных остается очень спорной; во-вторых, даже если признать конструкцию вторичных прав в качестве субъективных, остается нерешенным вопрос и об их природе - относительной либо абсолютной <1>.

<1> Об абсолютной природе вторичного права, а именно права на принятие наследства, указывал О.С. Иоффе, мотивируя это тем, что наследнику как управомоченному лицу противостоят в качестве обязанных все другие лица, выполняющие пассивную функцию - функцию воздержания от совершения действий, которые могли бы воспрепятствовать осуществлению наследником принадлежащего ему права.

Таким образом, основой правомочия на управление является абсолютная власть участника.

Вместе с тем в отношениях по управлению делами общества присутствуют и относительно-правовые элементы (в этом мы согласны с Л.А. Новоселовой и В.А. Беловым).

Во-первых, правовые последствия действий участника по управлению делами общества, действительно, падают на само общество, что свидетельствует об особом статусе общества по сравнению со всеми третьими лицами. Во-вторых, без определенного содействия со стороны общества участник просто не сможет реализовать свое право. Если, например, собственник вещи реализует свои правомочия самостоятельно, без какого-либо содействия со стороны других лиц, то участник общества для полноценного осуществления права управления вынужден обращаться за содействием к обществу. Так, праву на участие в управлении соответствуют обязанности общества известить участника о проведении общего собрания участников, составить список участников, имеющих право на участие в общем собрании участников, включить в повестку дня дополнительные вопросы по предложению участников, обеспечить проведение общего собрания участников.

Однако подчеркнем, что данные обязанности призваны обеспечить осуществление участником своей абсолютной юридической власти над решениями общества. Вне реализации участником своей власти эти действия теряют свое значение, они далеко не исчерпывают функции управления обществом, поскольку создают лишь условия для такого управления. Кроме того, в некоторых случаях участники общества могут самостоятельно, без содействия общества, организовать проведение общего собрания участников <1>. В таких случаях абсолютный характер правомочия на управление проявляется в наиболее выраженной форме, так как участникам как управомоченным субъектам противостоят все третьи лица, а также само общество, с обязанностью не вмешиваться в сферу свободного усмотрения участников. Соответственно, конечная цель правомочия на управление состоит именно в собственных действиях участника по реализации предоставленной власти, что характерно для абсолютных прав <2>. В этом смысле абсолютный характер права на участие является главной составляющей, а относительно-правовой - второстепенной. При этом наличие определенных обязанностей у общества вовсе не умаляет абсолютно-правовую природу права на управление - так же, как, например, обязанность подрядчика выполнить работы по договору подряда не умаляет право собственника на ремонтируемую вещь. Абсолютное правоотношение, в котором участнику противостоят все третьи лица, и относительно-правое отношение, в котором участнику противостоит общество, существуют одновременно.

<1> В соответствии с п. 4 ст. 35 Закона об ООО внеочередное общее собрание участников общества может быть созвано лицами, требующими его проведения, в случае если исполнительный орган общества не принял решение о проведении такого собрания по требованию указанных лиц в установленный срок либо принял решение об отказе в его проведении.

<2> О реализации субъективного права собственными действиями как о конечной цели абсолютных прав см.: Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 441.

Таким образом, необходимо разграничивать две составляющие права на участие в управлении делами общества: абсолютную и относительную. Право на участие в управлении обществом по своей правовой природе является правом абсолютного характера, что выражается в осуществлении участником юридической власти (по своему усмотрению и собственными действиями) в отношении деятельности общества, и участнику противостоят все третьи лица. Данное право вместе с тем осложнено

относительно-правовыми элементами, что выражается в особом статусе общества при реализации участником общества своей власти.

В литературе разграничивают право на участие в распределении прибыли общества как обязательственное право и как корпоративное (членское) право.

Требование выплаты части распределенной прибыли (обязательственное право) возникает у участника только после принятия общим собранием участников решения о распределении прибыли <1>. Следовательно, решение общего собрания участников является юридическим фактом, с которым законодательство связывает возникновение обязательственного права (требования) на участие в распределении прибыли. В связи с этим принадлежность доли сама по себе не предоставляет участнику права требовать от общества выплаты части распределенной прибыли <2>.

<1> См.: Шевченко Г.Н. Правовое регулирование ценных бумаг: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 28; Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 38.

<2> См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 156. При характеристике прав, удостоверяемых акцией, В.А. Белов отмечает следующее: "Центральное различие между обыкновенными и привилегированными акциями состоит именно в природе предоставляемых ими прав на дивиденд: обыкновенная акция удостоверяет право корпоративное, привилегированная - обязательственное". Отсюда можно сделать вывод о том, что, по мнению ученого, обыкновенная акция сама по себе не удостоверяет обязательственное право на дивиденд. См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 283. См. также: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 335, 338.

До принятия решения о распределении прибыли рассматриваемое требование существует в качестве абстрактной возможности, как элемент право- и дееспособности лица, т.е. способности иметь гражданские права и обязанности, а также своими действиями приобретать и осуществлять их. При этом наличие такой способности само по себе не наделяет лицо конкретным субъективным правом, поскольку для его возникновения необходим еще юридический факт <1>.

<1> В литературе встречается разногласие относительно того, изменяется ли правосубъектность в зависимости от объема конкретных прав и обязанностей (М.М. Агарков) или это максимально полная возможность правообладания (М.В. Кротов). В данном случае под правосубъектностью следует понимать максимально полную, суммарно выраженную возможность правообладания. См.: Гражданское право: Учебник. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 96 - 100; Гражданское право: В 4 т. Т. I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 148; Мезрин Б.Н. Место гражданской правосубъектности в механизме правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925 - 1989: Сб. ст. М., 2001. С. 189 - 190; Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 7-е изд. СПб., 2006. С. 325 - 326.

Вместе с тем участник общества имеет возможность активно добиваться, настаивать на принятии общим собранием решения о распределении прибыли. Данная возможность реализуется участником посредством так называемого корпоративного (членского) права на участие в распределении прибыли, о котором упоминал еще В.Ю. Вольф <1>. В отличие от обязательственного права, корпоративное право на участие в распределении прибыли возникает в силу приобретения права участия и предоставляет участнику возможность совершать действия, направленные на проведение процедуры распределения прибыли общества <2>.

<1> См.: Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 132. Конструкция корпоративного права на дивиденды имеет сторонников и в наши дни. См.: Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 27; Он же. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 335, 337 - 338; Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 156; Степанов П.В. Корпоративные правоотношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 100 - 101.

<2> См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 338.

Раскрывая содержание данного корпоративного права, Е.В. Пестерева указывает следующие способы, которыми участник общества может настаивать на назначении дивидендов:

1) требование созыва и проведения общего собрания участников, имеющего право рассматривать вопрос о распределении прибыли, с включением в его повестку дня данного вопроса;

2) требование включения в повестку дня компетентного общего собрания участников данного вопроса;

3) участие в обсуждении данного вопроса на общем собрании участников;

4) требование распределения прибыли в соответствии с единым для всех участников принципом <1>.

<1> См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 160.

Законодатель и доктрина не ограничивают объем права на управление характером вопросов, выносимых на обсуждение общего собрания участников. Так, распределение прибылей и убытков общества между участниками регулируется ст. 91 ГК РФ "Управление в обществе с ограниченной ответственностью" и гл. IV Закона об ООО "Управление в обществе". В соответствии с пп. 7 п. 2 ст. 33 Закона об ООО вопрос о распределении чистой прибыли общества относится к компетенции общего собрания участников. Следовательно, участие в решении вопроса о распределении прибыли осуществляется участником в рамках реализации принадлежащего ему правомочия на управление. Иное означало бы, что требование созыва общего собрания участников общества для принятия решения о распределении прибыли, требование о внесении в повестку дня вопроса о распределении прибыли не входят в объем правомочия на управление.

По мнению самой Е.В. Пестеревой, правомочие на управление состоит из таких субправомочий, как право требовать проведения годового общего собрания участников, право принимать участие в его подготовке и проведении, право голоса. При этом возможность участвовать в подготовке общего собрания участников выражается в праве требовать созыва общего собрания участников, внесения предложений о включении в повестку дня общего собрания тех или иных вопросов <1>.

<1> См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 194.

Кроме того, нельзя исходить из предпосылки, что участник общества обязательно стремится к распределению прибыли общества. Наоборот, участники общества с такой же вероятностью могут быть заинтересованы в направлении прибыли общества на развитие бизнеса <1>. Следуя логике рассматриваемой концепции, ее авторы должны были бы также выделить корпоративное право на оставление прибыли общества, а не только право на распределение прибыли.

<1> Ярким примером в данном случае служит инвестиционная компания Berkshire Hathaway, возглавляемая одним из самых успешных инвесторов в мире Уорреном Баффетом. Данная компания не выплачивает дивиденды своим акционерам на протяжении более 30 лет. В результате вся полученная прибыль реинвестируется (направляется на развитие бизнеса) и приносит кумулятивный доход. При этом стоимость акций Berkshire Hathaway (тиккер - BRK) повышается каждый год в среднем на 23%, что компенсирует отсутствие дивидендов и делает их одним из самых привлекательных объектов финансовых вложений.

Направление прибыли на развитие бизнеса может существенно отражаться на делах общества (его финансовом состоянии), соответственно, данный вопрос напрямую относится к сфере управления обществом. Тем более что оставление прибыли в распоряжении общества увеличивает действительную стоимость принадлежащих участникам долей <1>. Следовательно, решение вопроса о распределении прибыли входит в содержание права на управление. В связи с этим обоснованным представляется мнение А.Б. Бабаева о том, что правомочия корпоративного права на участие в распределении прибыли логичнее рассматривать в качестве составных частей права на участие в общем собрании акционеров <2>.

<1> Как справедливо отмечает М.И. Кулагин, рост резервов влечет за собой по общему правилу повышение продажной цены акции. См.: Кулагин М.И. Указ. соч. С. 114. См. также: Шевченко Г.Н. Указ. соч. С. 30; Фомичева Л.П. Время выплачивать дивиденды // Законодательство. 2008. № 6; Пайк Р., Нил Б. Корпоративные финансы и инвестирование. 4-е изд. / Пер. с англ. СПб., 2006. С. 158.

<2> Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 815.

Таким образом, настаивая на распределении прибыли, участник общества реализует свое право на участие в управлении делами общества и, следовательно, корпоративное право на участие в распределении прибыли является составной частью права на управление.

С учетом сказанного выводы относительно природы правомочия на управление могут быть применимы к раскрытию природы корпоративного правомочия на участие в распределении прибыли. Во-первых, корпоративное право на участие в распределении прибыли имеет признаки абсолютного права (реализация права путем совершения участником собственных действий, запрет нарушения всем третьим лицам). Во-вторых, данное право реализуется посредством активного участия общества (организация общего собрания, информирование участника), что свидетельствует о наличии признаков относительного права. Следовательно, корпоративное право на участие в распределении прибыли характеризуется сочетанием признаков абсолютного и относительного права.

Особого внимания заслуживает позиция Г.Л. Адамовича о том, что получение дивиденда является законным интересом <1>. Автор обоснованно аргументирует свою позицию ссылкой на такие признаки законного интереса, как отсутствие способов обеспечения, мера определенности поведения заинтересованного лица.

<1> См.: Адамович Г.Л. Обеспечение интересов меньшинства акционеров в праве России и стран Европейского союза: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 35.

Данная позиция примечательна тем, что помогает объяснить наличие некоего притязания участника общества на получение части прибыли общества, которое в то же время не является обязательственным требованием. Кроме того, эта позиция позволяет выработать средства защиты миноритарных участников, которые не имеют возможности влиять на принятие решения о распределении прибыли (например, в силу

незначительного размера доли в уставном капитале). Известно, что в зарубежной практике отказ объявлять выплату дивидендов, при наличии возможности это сделать, может рассматриваться как несправедливое нарушение интересов участников компании и таким образом может создать основание для обращения в суд <1>.

<1> См.: Griffin S. Company Law. Fundamental Principles. Pearson Education Limited. 3rd ed. 2000. P. 175.

Конструкция законного интереса также позволяет объяснить природу отношений по распределению прибыли между вкладчиками в товариществах на вере. Вкладчики в таких товариществах не имеют права на участие в управлении делами товарищества. Другими словами, вкладчики не могут настаивать на распределении прибыли товарищества, т.е. не обладают корпоративным правом на участие в распределении прибыли. В связи с этим можно утверждать, что такие вкладчики обладают не более чем законным интересом в распределении прибыли товарищества.

Право на участие в распределении имущества общества после его ликвидации (право на ликвидационный остаток) по правовой природе близко к праву на участие в распределении прибыли. Соответственно, все, что было сказано применительно к праву на участие в распределении прибыли, относится и к праву на ликвидационный остаток.

Во-первых, принадлежность доли сама по себе не предоставляет обязательственного права (требования) на выплату ликвидационного остатка. Такое требование возникает только после ликвидации общества и расчетов с кредиторами общества (абз. 5 п. 1 ст. 67 ГК РФ). До принятия решения о ликвидации общества требование о выплате ликвидационного остатка существует лишь в качестве абстрактной возможности, элемента правоспособности участника общества. Кроме того, притязание участника на ликвидационный остаток может быть объяснено с помощью конструкции законного интереса, поскольку до ликвидации общества у участника общества имеется общая правовая дозволенность, не обеспеченная корреспондирующей обязанностью общества.

Во-вторых, участник общества может настаивать на выплате ему ликвидационного остатка путем реализации правомочия на управление, а именно: требовать созыва общего собрания участников общества для решения вопроса о ликвидации общества, голосовать по данному вопросу и проч. Данные правомочия входят в корпоративное право на ликвидационный остаток <1>. При этом, поскольку указанные действия осуществляются участником общества в рамках управления делами общества, полагаем, что природа корпоративного права на ликвидационный остаток может быть объяснена с помощью нашего вывода относительно права на управление, а именно о том, что данное право сочетает признаки абсолютного и относительного права.

<1> См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 318; Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 173 - 174.

В отношении правовой природы права на получение информации о деятельности общества также сложились различные взгляды. В.А. Лапач относит это право к числу прав абсолютного типа, поскольку общество, предоставляя истребуемую информацию участнику, действует не как должник в обязательстве, а как субъект, исполняющий публично-правовую обязанность, а также потому, что никто не может без законных оснований чинить препятствия в осуществлении участником общества данного права <1>.

<1> См.: Лапач В.А. Гражданско-правовые и налоговые проблемы обращения долей в уставном капитале хозяйственных обществ // Хозяйство и право. 2005. N 10.

С мнением ученого вряд ли можно согласиться. Общество действительно исполняет обязанность по предоставлению информации в силу прямого указания закона. Однако это

вовсе не означает, что право участника приобретает абсолютно-правовой характер. Поскольку праву участника противостоит (корреспондирует) обязанность именно общества, а не всякого и каждого по предоставлению информации, данное право является относительным. При этом неважно, как установлена данная обязанность: путем договора либо в законе. Аналогичным образом мы не признаем абсолютным право потребителя требовать от продавца возмещения убытков или выплаты неустойки только в силу того, что данная обязанность установлена законодательством о защите прав потребителей.

Кроме того, публично-правовая обязанность общества по раскрытию информации касается только одной группы информации, а именно безадресной информации. При этом право требовать такую информацию имеется у любого лица, а не только у участника общества, следовательно, данное право не входит в состав доли <1>.

<1> Как справедливо отмечает В.А. Белов, возможность ознакомления с публикуемой информацией принадлежит не только акционерам, но и всем вообще заинтересованным лицам, и является вовсе не содержанием и не следствием реализации им какого-либо субъективного права, а следствием исполнения акционерным обществом публично-правовой обязанности. См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 307.

В состав доли входит правомочие требовать от общества раскрытия адресной информации. При этом данному правомочию корреспондирует обязанность общества по ее раскрытию, что свидетельствует об относительном характере правомочия.

Аналогичной (относительной) природой обладает и право на ознакомление с документацией общества <1>. В силу п. 1 ст. 67 ГК РФ участник хозяйственного общества вправе ознакомиться, а общество обязано обеспечить ознакомление с документацией общества. Данному правомочию противостоит обязанность общества, что характерно для обязательственного отношения.

<1> Зачастую право на получение информации и право на ознакомление с документацией отождествляются. Между тем данные права являются разнородными. Право на информацию, как обоснованно отмечает В.А. Белов, включает в себя правомочие рассчитывать на инициативное предоставление обществом информации, а право на ознакомление с документацией заключается в требовании акционера к обществу о предоставлении существующих (а не специально подготавливаемых по запросу) документов. См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 308.

Иные правомочия участника общества. В числе прав участника общества с ограниченной ответственностью также выделяется право участника общества уступить свою долю. Данное право носит абсолютный характер, отражает господство лица над своим имуществом (долей), которое должно соблюдаться каждым третьим лицом, в том числе обществом. Поскольку данному праву не противостоит обязанность конкретного лица (общества, иных участников), данное право не является относительным.

Вместе с тем право на уступку характерно для любых имущественных прав (требований). В силу этого право на уступку доли не характеризует долю как особый объект гражданского оборота и не входит в состав доли. Здесь следует согласиться с В.А. Беловым, который при характеристике прав, вытекающих из акции, указывает, что право на отчуждение акций не является акционным, т.е. не удостоверяется акцией как ценной бумагой <1>.

<1> См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 244.

Необходимо также отметить право на выход из общества.

Характеризуя право на выход участника из общества, А.В. Урюжникова указывает на его абсолютный характер <1>. С таким мнением следует согласиться. Действительно, данному праву противостоит обязанность всякого и каждого соблюдать данное право.

<1> См.: Урюжникова А.В. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2006. N 1.

Право на выход является особенностью правового статуса участника общества с ограниченной ответственностью и отличает его от акционера. В связи с этим объем правомочий, входящих в состав права участия, принадлежащего участнику общества с ограниченной ответственностью, является более широким, нежели объем права участия акционера. Вместе с тем действие права на выход существенно ограничено новой редакцией Закона об ООО. По общему правилу участники общества лишены права на выход. Участники общества приобретают данное право, только если устав общества содержит соответствующее положение <1>.

<1> См.: пункт 1 ст. 94 ГК РФ, п. 1 ст. 26 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Право на выход из общества и право на уступку доли являются однопорядковыми правами в том смысле, что они направлены на прекращение участия в обществе. Более того, право на выход можно рассматривать в качестве права на уступку доли в пользу общества. Ведь подача заявления о выходе означает, по существу, переход доли к обществу, который влечет обязанность общества оплатить стоимость доли <1>.

<1> Более подробно природа перехода доли в случае выхода участника из общества исследуется в гл. 3 настоящей книги.

С правом на выход тесно связано право требовать выплаты действительной стоимости доли. Данное право возникает не только в случае выхода участника из общества, но также в иных случаях перехода доли к обществу. Как уже было указано выше, это право носит обязательственную природу и не свидетельствует о вещном праве участника на часть имущества общества.

К правомочиям участника относятся также преимущественное право на покупку доли (п. 4 ст. 21 Закона об ООО), право требовать исключения участника из общества (ст. 10 Закона об ООО), право на иск (право на обжалование решений общего собрания участников (п. 1 ст. 43 Закона об ООО), право на признание крупной сделки или сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, недействительной (ст. ст. 45, 46 Закона об ООО).

Устав общества может предусматривать дополнительные права участников. Однако, поскольку данные права не подлежат передаче в силу прямого указания закона (в отличие от германского законодательства, где дополнительные права также могут быть переданы), их исследование будет выходить за рамки рассматриваемой темы.

В литературе отмечается, что участники общества с ограниченной ответственностью также имеют права по отношению друг к другу. Так, В. Горлов указывает, что факт существования учредительного договора, подписанного участниками, подразумевает существование прав и обязанностей участников по отношению друг к другу на весь период функционирования общества <1>. С данной позицией нельзя согласиться на основании следующего. Цель учредительного договора состоит в создании общества, что вытекает уже из названия такого договора. После создания общества данный договор не определяет каких-либо прав участников по отношению друг к другу. При этом Закон об ООО не содержит указания на права и обязанности участников по отношению друг к другу.

<1> См.: Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Указ. соч. С. 105. См. также: Горлов В. Правовое положение участника общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2000. N 7.

Кроме прав, участники общества имеют по отношению к обществу определенные обязанности: вносить вклады, не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности общества. В связи с этим Л.А. Новоселова отмечает, что доля в уставном капитале - это совокупность не только имущественных прав, но и обязанностей участника <1>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 207.

Данная позиция требует существенного уточнения.

Что касается обязанности по неразглашению информации, то данная обязанность лежит на любом лице, получившем доступ к конфиденциальной информации, а не только на участнике общества. Соответственно, наличие данной обязанности обусловлено не принадлежностью доли, а иными юридическими фактами (фактом ознакомления с информацией, должностным положением), поэтому можно говорить о том, что данная обязанность не входит в состав доли.

Обязанность же по внесению вкладов не является безусловной, поскольку действует только в тех случаях, когда это предусмотрено уставом общества (п. 1 ст. 27 Закона об ООО), и для возникновения такой обязанности необходимо соответствующее решение общего собрания участников (п. 1 ст. 19, п. 1 ст. 27 Закона об ООО).

Таким образом, поскольку указанная обязанность возникает только в связи с определенными юридическими фактами, а принадлежность доли - только один из этих фактов, полагаем, что обязанность по внесению вкладов также не входит в состав доли.

Отметим, что против включения обязанностей участника в единый комплекс, именуемый долей, выступает Д.И. Ломакин. Ученый отмечает, что наличие юридических обязанностей является лишь следствием обладания правом участия (членства) <1>.

<1> См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 173.

Итак, на основе исследования отдельных правомочий, составляющих долю участника, перейдем в следующем параграфе к характеристике доли как объекта гражданского оборота.

§ 3. Доля в уставном капитале как субъективное право особого рода (sui generis)

Проведенный анализ показал, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой субъективное право (право участия), состоящее из комплекса правомочий участника общества. Основным в составе доли является правомочие на управление делами общества, поскольку корпоративные отношения возникают по поводу участия акционеров в управлении акционерным обществом <1>. При этом корпоративные права на участие в распределении прибыли и на получение ликвидационного остатка являются составной частью права на управление, поскольку решение вопросов о распределении прибыли (ликвидации общества) относится к сфере управления обществом и реализуется посредством участия в общем собрании участников.

<1> См.: Сердюк Е.Б. Акционерные общества и акционеры: корпоративные и обязательственные правоотношения. М., 2005. С. 36.

Правомочия на получение информации о деятельности общества и на ознакомление с документацией общества направлены на обеспечение надлежащего и эффективного участия в управлении делами общества и являются дополняющими правомочие на управление.

Правомочия на выход из общества и на уступку доли не характеризуют долю с точки зрения ее правового содержания, это скорее свойство доли быть предметом отчуждения (в виде отказа от доли), аналогичное праву на уступку.

Принадлежность доли является также юридическим фактом, влекущим, наряду с иными фактами, возникновение определенных обязательственных прав участника, таких как требование выплаты части распределенной прибыли, требование выплаты ликвидационного остатка, требование выплаты действительной стоимости доли.

Правомочия, составляющие содержание доли, носят сложный характер, отражая признаки как абсолютного, так и относительного права. Об абсолютно-правовых признаках доли в уставном капитале свидетельствуют следующие обстоятельства. Прежде всего, доля в уставном капитале предоставляет участнику юридическую власть над волей общества, которая выражена в правомочии на управление. Используя терминологию п. 2 ст. 6 Закона об ООО, можно сказать, что доля предоставляет возможность определять решения общества.

При этом удовлетворение интереса участника от участия в обществе происходит прежде всего непосредственно участником, а не посредством исполнения обществом конкретной обязанности. Д.В. Ломакин совершенно справедливо указывает, что свои членские права акционер реализует в основном своими собственными действиями, по аналогии с абсолютными правами <1>. Непосредственное же воздействие на объект характеризует абсолютную природу права <2>.

<1> См.: Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 27, 64.

<2> См.: Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 120.

Доле в уставном капитале противостоит пассивная обязанность всякого и каждого воздерживаться от нарушения правомочий участника. В абсолютных правоотношениях все пассивные субъекты обязываются к воздержанию от нарушения прав уполномоченного лица, такие права защищаются против всех, потому что нарушителем может быть каждый <1>. На одном полюсе отношений находится участник с его властью определять решения, принимаемые обществом, а на другом полюсе - все третьи лица с обязанностью уважать волю и решения участника. Рейдерские захваты, суть которых выражается в отстранении акционеров (участников) от управления компанией, говорят в пользу того, что нарушителем права участия может быть любое третье лицо. Поэтому участники общества нуждаются в защите своих прав от всякого и каждого.

<1> См.: Там же. См. также: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. С. 431.

Об абсолютной природе доли участия может свидетельствовать тот факт, что право участия реализуется лицом в рамках принадлежащей ему свободы экономической деятельности. Как известно, данная свобода защищается против всех и каждого (ст. 34 Конституции РФ), что свидетельствует о ее абсолютном характере <1>. М.М. Агарков указывал, что свободу промысла следует рассматривать, по аналогии с правом собственности, в качестве единого абсолютного права, обращенного против всех и каждого <2>. Поскольку доля в уставном капитале закрепляет право лица участвовать в

делах коммерческой организации и как таковая является выражением указанной свободы, доля в уставном капитале также должна защищаться против всех и каждого. В противном случае будет нарушена свобода лица заниматься экономической деятельностью (свобода промысла).

-
- <1> Об абсолютной природе личных прав см.: Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 432 - 433.
<2> См.: Агарков М.М. Ценность частного права. С. 84.

Аналогичным образом защищаются, например, имущественные права автора, вытекающие из права авторства как права личного. Право участия и имущественное право автора являются как бы проявлением реализации личных прав, в одном случае свободы экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ), в другом - свободы творчества (ст. 44 Конституции РФ) <1>. По аналогии с исключительными правами право участия обеспечивает субъекту "исключительную возможность совершения некоторых действий, запрещенных другим" (Г.Ф. Шершеневич), в данном случае - действий по управлению делами общества. В этом качестве право участия должно защищаться от нарушения любого третьего лица по аналогии с авторскими (и другими исключительными) правами.

<1> Как обоснованно отмечает Ю.С. Гамбаров, многие права личности могут быть и имущественными правами, которые тем не менее нельзя принимать за центр права и отделять этот центр как вполне самостоятельное право от господствующего над ним и здесь права личности. См.: Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 432 - 433. См. также: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. С. 431 - 432, 451 - 452.

Абсолютный характер связи участника со всеми третьими лицами обуславливает необходимость отражения сведений о долях участников в публично доступном документе. Практика отражения сведений об участниках товарищества имеет глубокие исторические корни и развивалась из требования о регистрации купцов. Сначала это требование действовало в отношении физических лиц, занимавшихся торговлей <1>. С появлением компаний требование о публикации распространилось и на участников компаний, поскольку в противном случае данного требования можно было бы легко избежать, создав компанию и тем самым прикрывшись ее "корпоративной вуалью". Как писал А.И. Каминка, "в торговом обороте необходимо знать, с кем имеешь дело... если это союз, что это за союз, ИЗ КОГО ОН СОСТОИТ (выделено нами. - Р.Ф.)" <2>. Сведения о товарищах подлежали обязательному отражению в так называемых торговых регистрах компании. В настоящее время сведения о долях участников отражаются в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) <3>.

<1> См.: Удинцев В.А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М., 2003. С. 65, 97. Как отмечает ученый, первое время такая регистрация была обусловлена взаимным контролем в узкокупеческих интересах, а затем превратилась в средство контроля и надзора как в интересах купцов, так и в интересах всего общества. Публичность торговли в смысле отметки фактов признавалась законодателями одним из лучших средств обеспечения общественных интересов.

<2> Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 214.

<3> В соответствии с пп. "д" п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" (далее - Закон о государственной регистрации юридических лиц) сведения об участниках юридического лица содержатся в Едином государственном реестре юридических лиц. При этом согласно п. 1 ст. 6 этого Закона сведения и документы, содержащиеся в ЕГРЮЛ, являются открытыми и общедоступными. См.: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // СЗ РФ. 2001. N 33. Ст. 3431.

Известность всем третьим лицам - один из характерных признаков абсолютных прав <1>. В абсолютных отношениях первостепенное значение имеет легитимация уполномоченного лица перед всеми третьими лицами. Напротив, в относительных правоотношениях для третьих лиц не имеет значения, кто является кредитором должника, а равно кредитору неважно, знают ли третьи лица о его кредиторском статусе, так как право кредитора требовать исполнения обязательства может нарушить только должник. Поэтому для относительных отношений первостепенное значение имеет легитимация кредитора по отношению к должнику, а не перед третьими лицами. Как отмечает В.А. Белов, в силу своего вхождения в состав относительных правоотношений требования и долги могут мыслиться исключительно ограниченным кругом лиц - участниками этих отношений <2>. Следовательно, по общему правилу закон не требует отражения сведений о кредиторе в публично доступных источниках.

<1> См.: Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть. С. 194.

<2> См.: Белов В.А. Проблемы общего учения об обязательствах // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 683.

Очевидно, что отражение сведений о долях участников в публично доступных регистрах предназначено для того, чтобы поставить всех третьих лиц в известность о действительном владельце доли. Тем самым книговая запись легитимирует владельца доли в качестве субъекта экономической деятельности, который уполномочен осуществлять управление делами общества и которому противостоит всякий и каждый с обязанностью воздерживаться от посягательства на сферу свободного усмотрения участника.

В пользу абсолютного характера доли говорит также бессрочность права участия. Как отмечает К.П. Победоносцев, во всяком обязательстве "предполагается нечто, имеющее совершиться; а сила обязательства, нерв его состоит в стремлении к этому совершению" <1>. Обязательственные права всегда имеют срочный характер. Напротив, собственник, как носитель абсолютного права, заинтересован в бессрочном существовании права на вещь, поскольку чем дольше существует это право, тем больше удовлетворяется экономический интерес собственника.

<1> Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. С. 190.

Лицо, приобретающее долю, ставит целью участвовать в выгодах общества, и поэтому такое лицо можно сравнивать с покупателем вещи, который также получает экономический интерес от владения вещью. С этой точки зрения доля как право участия носит бессрочный характер. Фактически данное право ограничено лишь существованием самого общества. Однако с юридической точки зрения участие в обществе может продолжаться сколько угодно. Как отмечают английские юристы, корпорация обладает законным бессмертием <1>. Именно поэтому очень сложно найти примеры обязательственных прав, которые возникли, например, в XIX в. и продолжают существовать сегодня. Между тем история знает немало примеров, когда компания существует более ста лет <2>.

<1> См.: Тютрюмов М.И. Гражданское право. С. 48.

<2> Например, по сегодняшний день продолжают действовать акционерные общества "Интурист" (образовано в 1929 г.) и "Ингосстрах" (образовано в 1973 г.), общественная организация "Русское географическое общество" (образована в 1845 г.),

аудиторская компания "Прайсуотерхаус" (после слияния - "ПрайсуотерхаусКуперс") (образована в 1850 г.).

Еще одним свидетельством абсолютной природы права участия (доли в уставном капитале) является то, что данное право выражает статику имущественных отношений. Известно, что закрепление статики имущественных отношений характерно для вещных прав, которые относятся к абсолютным, в то время как динамика имущественных отношений реализуется посредством конструкции обязательственных прав <1>. По существу, в основе права собственности и права участия лежат одни и те же экономические отношения по присвоению материальных благ, вследствие чего правовая природа отношений участия должна носить схожий (но при этом не тождественный) характер с отношениями собственности. Как обоснованно указывает П.В. Степанов, в основе корпоративных отношений лежат экономические отношения коллективной собственности, т.е. отношения по присвоению материальных благ группой лиц <2>. Можно сказать, что право участия является надстройкой над указанными отношениями присвоения, оформляет их юридически (прежде всего в виде правомочия на управление делами общества). Следовательно, право участия закрепляет статику отношений по присвоению материальных благ.

<1> См.: Гражданское право: В 4 т. Т. I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 133. Отметим, что речь идет об отличии именно от обязательственных отношений. Между тем следует помнить, что относительные отношения не исчерпываются обязательственными.

<2> См.: Степанов П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. N 6.

Таким образом, особенность доли в уставном капитале как разновидности права участия состоит в том, что данное субъективное право носит абсолютно-правовые признаки. На одном полюсе отношений участия находится участник общества с ограниченной ответственностью (управомоченное лицо), который осуществляет управление делами общества, а на другом полюсе - все третьи лица, обязанные воздерживаться от нарушения права на указанную деятельность участника.

Вместе с тем юридическое лицо является самостоятельным субъектом гражданских правоотношений (ст. ст. 2, 48 ГК РФ). Вследствие данной особенности участие как право абсолютного характера осложняется относительно-правовыми элементами. Это проявляется в том, что для реализации своего членского права участник общества вынужден обращаться за содействием к обществу, т.е. вступает с обществом в относительное правоотношение. В этом состоит главное отличие участника общества от собственника вещи или автора произведения, которые реализуют свою власть над объектом права в полной независимости от действий третьих лиц.

Важно подчеркнуть, что осложнение отношений участия обязательно-правовыми элементами обусловлено прежде всего необходимостью содействовать участнику в осуществлении своей абсолютной власти над волей общества (права участия). Обязанности общества по отношению к участнику носят относительный характер. Однако они обусловлены реализацией участником своего права участия, юридического господства над волей общества. Именно в данном смысле абсолютная природа права участия является первичной, преобладающей.

Законодатель установил обязательственную природу прав участника по отношению к обществу (п. 2 ст. 48 ГК РФ). Однако данное решение, как видим, не совсем точно отражает природу отношения участия, поскольку не учитывает властно-распорядительную природу права участника в отношении воли юридического лица. На это же указывал Д.В. Ломакин относительно акционерных обществ: акционерное

правоотношение имеет совершенно особый характер, включая в себя элементы абсолютного и относительного правоотношений <1>.

<1> См.: Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 29.

С одной стороны, отношение участия, выражением которого является доля в уставном капитале, складывается между участником и обществом и поэтому является относительным правоотношением. С другой стороны, участие выражает юридическую власть участника над деятельностью общества, признавать которую и воздерживаться от нарушения которой должны все третьи лица, и в этом смысле отношение участия приобретает характер абсолютного правоотношения. Получается, что участник общества одновременно состоит в двух правоотношениях - со всеми третьими лицами (абсолютное правоотношение) и с обществом (относительное правоотношение).

Здесь позволим себе не согласиться с мнением О.С. Иоффе о том, что зависимость права одного лица от совершения активных действий другим лицом, если бы даже обязанность воздержания была возложена на всех третьих лиц, свидетельствует о том, что это право лишено абсолютного характера <1>. Зависимость осуществления права участия от действий общества не прекращает абсолютных правоотношений участника со всеми третьими лицами, это самостоятельное отношение. Даже если общество исполнило свои обязанности, любое третье лицо может нарушить участие лица в деятельности общества.

<1> См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права". 2-е изд., испр. М., 2003. С. 620.

Таким образом, комплексная природа доли в уставном капитале обусловлена сочетанием признаков абсолютных и относительных прав. Следовательно, природа права участия (доли) не укладывается ни в рамки абсолютного, ни в рамки относительного правоотношения. Это субъективное право особого рода (*sui generis*).

Д.И. Мейер выделил три вида субъективных прав, а именно: право власти, право вещное и право обязательственное. При этом под правами власти ученый подразумевал такие права, в которых предметом господства выступает лицо <1>. Частные права власти выделял также М.М. Агарков <2>. Если придерживаться этой классификации, то право участия следует отнести к правам власти, поскольку право участия предоставляет его обладателю власть (господство) над волей общества.

<1> См.: Мейер Д.И. Указ. соч. С. 256 - 257. В качестве примеров права власти Д.И. Мейер приводит право государства на подданных, право государства на лиц военного звания, право мужа на жену, право родителей на детей. При этом ученый подчеркивает, что "никогда это господство не подавляет личности объекта, так что лицо, подлежащее личному праву другого лица, все-таки сохраняет способность к правам".

<2> См.: Агарков М.М. Ценность частного права. С. 79. В качестве примеров частных прав власти М.М. Агарков называет власть хозяина над рабом, власть хозяина предприятия над служащими и рабочими. При этом оба примера ученый рассматривал в качестве относительных прав. Однако в отношении власти хозяина над рабом сделана следующая оговорка: "Не надо, впрочем, при этом забывать, что по поводу раба его хозяин вооружен абсолютным правом в отношении всех и каждого, и поэтому институт все же имеет вещную окраску".

Полагаем, что здесь необходимо раскрыть вопрос о конструкции права на долю.

О необходимости проводить грань между правами из пая и правами на пай говорил В.В. Розенберг. При этом под правом на пай ученый понимал степень связанности лица с паем <1>. В наши дни четкое противопоставление этих двух видов прав проводят Г.

Чернышов <2> и Л.А. Новоселова <3>. Признать долю объектом права собственности (вещью) предлагают В.И. Добровольский <4>, А.В. Урюжникова <5>. При этом данные авторы исходят исключительно из потребностей делового оборота, в частности возможности защищать права законных невладелельцев путем виндикационных исков.

<1> См.: Розенберг В.В. Товарищество с ограниченной ответственностью. М., 1912. С. 160.

<2> См.: Чернышов Г. Оборот долей в уставном капитале // ЭЖ-Юрист. 2005. N 38.

<3> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 208.

<4> См.: Добровольский В.И. Анализ и комментарий корпоративного законодательства и судебной практики. М., 2007. С. 97.

<5> См.: Урюжникова А.В. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2006. N 1.

Понимание доли как объекта права собственности очень часто встречается в судебной практике, в том числе на уровне Президиума ВАС РФ: суды охотно используют формулировки типа "право собственности на долю", "право на долю" <1>, ссылаясь на ст. 209 ГК РФ "Содержание права собственности" <2>.

<1> См.: Постановления Президиума ВАС РФ от 1 декабря 1998 г. N 5478/97, от 17 мая 2005 г. N 16545/04, от 6 марта 2007 г. N 13999/06; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13 мая 2002 г. по делу N А13-7234/01-06; Постановление ФАС Московского округа от 2 июня 2003 г. по делу N КГ-А40/3527-03; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25 марта 2004 г. по делу N Ф08-980/2004; Постановление ФАС Центрального округа от 15 июля 2004 г. по делу N А54-5233/03-С16; Постановления ФАС Уральского округа от 20 марта 2007 г. по делу N Ф09-1809/07-С4, от 13 сентября 2007 г. по делу N Ф09-4737/06-С4.

<2> См.: Постановление ФАС Уральского округа от 17 декабря 2007 г. по делу N А60-3253/2007-С1.

Однако что интересно, суды почти единодушно отказывают в признании доли предметом виндикации <1>. Соответственно можно заключить, что конструкция "право собственности на долю" применяется судами исключительно с целью упрощения юридических формулировок, а не с целью концептуального признания какого-либо вещного права на долю.

<1> См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 30 ноября 2004 г. по делу N А74-2109/04-К1-Ф02-4948/04-С2; Постановление ФАС Московского округа от 24 октября 2005 г. по делу N КГ-А41/10135-05.

Необходимо отметить, что спор о правомерности конструкции права на право (а доля, как мы выяснили, является видом права) ведется давно. Одни авторы не признают права объектами гражданских прав (Г.Ф. Шершеневич, Ю.С. Гамбаров, В.А. Белов, М.А. Мирошникова). Другие предлагают рассматривать имущественные права объектами гражданских прав (Р. Саватье, Л. Эннексерус, М.И. Брагинский, Д.В. Мурзин, В.В. Байбак).

На спорность последней позиции указывают сами сторонники конструкции права на право, отмечая, что кредитор не имеет никакой возможности фактического господства над вещью. Вместо понятия владения В.В. Байбак предлагает конструкцию принадлежности права <1>.

<1> См.: Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М., 2005. С. 48.

Представляется, что субъективное право вообще и доля в частности не могут выступать объектом права собственности. Как справедливо отмечает В.А. Белов, специфика права собственности как вещного (абсолютного) права состоит в том, что объект этого права должен быть индивидуально определен, не будучи вещами бездокументарные ценные бумаги не могут быть объектом права собственности <1>.

<1> См.: Белов В.А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. № 7. Критика конструкции права на право достаточно обоснованно изложена В.А. Беловым и Р.С. Бевзенко. См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. 3-е изд., стереотип. М., 2002. С. 15 - 19; Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 329 - 331.

Доля в уставном капитале является неделимой совокупностью правомочий участника, которые мы рассмотрели выше. Переход к приобретателю этих правомочий означает переход самого комплекса правомочий, поскольку данные понятия (право участия и доля) неразрывны, обозначают один и тот же объект. Поэтому нельзя противопоставлять переход прав из доли и переход прав на долю.

Таким образом, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой субъективное право на участие в деятельности общества, состоящее из неделимого комплекса правомочий участника общества. Особая природа данного субъективного права состоит в сочетании признаков абсолютного и относительного права.

Проведенное исследование правовой природы доли в уставном капитале позволяет использовать следующие выводы для раскрытия правовой природы уступки доли (гл. 2 настоящей книги).

Во-первых, доля в уставном капитале является субъективным правом. Этот вывод важен тем, что доля в уставном капитале может рассматриваться в качестве оборотоспособного объекта, поскольку субъективное право может быть объектом гражданского оборота. Вместе с тем не все виды субъективных прав (например, личные неимущественные права) могут быть предметом отчуждения, поэтому наша следующая задача состоит в том, чтобы выяснить, является ли доля в уставном капитале отчуждаемым субъективным правом. Для ответа на данный вопрос обратимся к исследованию исторического развития оборота долей в уставном капитале в зарубежном и отечественном законодательствах, а затем проследим регулирование данного вопроса в нашем действующем законодательстве. Кроме того, необходимо будет выяснить, является ли доля свободно отчуждаемым объектом либо оборот данного объекта ограничен.

Во-вторых, доля в уставном капитале является субъективным правом особого рода (*sui generis*), которое не может быть объяснено с точки зрения требования (обязательственного права), сочетает признаки как абсолютного, так и относительного права. Данный вывод позволяет нам проанализировать правовую природу и юридический состав уступки доли в уставном капитале и на основе проведенного анализа определить место уступки доли в системе гражданских правоотношений.

Особая природа права участия также влияет на правовую квалификацию устава общества, поскольку устав утверждается и изменяется участниками общества в рамках реализации ими основного правомочия, выраженного долей, - правомочия на управление. Данная особенность устава поможет нам при квалификации положений устава о запрете уступки доли (согласии на уступку доли) и последствий их нарушения.

Кроме того, указанная особенность устава общества будет определять выводы при решении вопроса о том, целесообразно ли отражать в уставе общества сведения о долях участников.

В-третьих, помимо юридического значения, доля в уставном капитале может пониматься с экономической точки зрения, а именно как часть капитала общества (собственность на стоимость капитала общества). Данный вывод позволяет не ограничиваться анализом правового оформления отношений по передаче доли, но рассмотреть экономическую сущность данных отношений.

В-четвертых, некоторые правомочия участника общества могут быть объяснены с точки зрения конструкции законного интереса. Теоретически это означает, что уступка доли может влечь, помимо перехода правомочий участника, также переход законных интересов. Данное предположение побуждает нас провести исследование относительно того, действительно ли законные интересы могут быть переданы при уступке доли и в случае положительного ответа, в чем состоит правовая природа такого перехода.

Глава II. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСТУПКИ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ

§ 1. Зарубежный и российский опыт правового регулирования уступки доли в уставном капитале

Уступка доли участия встречается уже на самых ранних стадиях развития коммерческих объединений. По словам П.А. Писемского, право отчуждать свои доли (*partes, pars*) имели члены римских публиканорий <1> (I в. до н.э.). С.А. Муромцев также отмечал, что *pars* "ходили на рынке, подобно нашим акциям, повышаясь и понижаясь в курсе" <2>. И.Т. Тарасов, однако, возражал, что институт отчуждения долей участия появился позднее, в XII в., и связан с германскими *Gewerkschaften* <3>. В.В. Долинская указывает, что в XII в. наблюдалось настолько сильное развитие торговли куксами (доли в *Gewerkschaften*. - Р.Ф.), что это привело к появлению особых посредников, распространению спекуляции и вмешательству государства <4>. При этом отчуждение куксов производилось по правилам отчуждения недвижимого имущества.

<1> См.: Писемский П.А. Указ. соч. С. 6.

<2> Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 602.

<3> См.: Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 84.

<4> См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 30.

Свободный оборот долей участия (паев) в XII в. наблюдался также на юге Франции и связан с развитием мукомольных объединений.

Дальнейшее развитие уступки прав участия связано с упоминавшимися *lusa* в итальянских объединениях *маонае* (товарищества с торговыми целями). При этом *lusa* отчуждались по распоряжению собственника путем внесения в книги *маонов* соответствующей записи <1>.

<1> См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 31.

Генуэзский банк (XV в.) менял своих владельцев путем продажи долей участия (*lusa*). При этом *lusa* были свободно отчуждаемы <1>.

<1> См.: Писемский П.А. Указ. соч. С. 8.

Эволюция юридической и торговой мысли привела к дальнейшему упрощению передачи прав участия. В начале XVII столетия в Европе произошло бурное развитие

оборота акций таких компаний, как английская и голландская Ост-Индская компании, а также британской торговой компании в Южных морях.

С появлением товариществ с ограниченной ответственностью (Германия, 1892 г.) вопрос о возможности передачи долей участия в этих товариществах также решался положительно. В соответствии с параграфом 15 Закона Германии 1892 г. доля участия могла быть свободно отчуждена третьему лицу.

Признание права на отчуждение доли в обществах с ограниченной ответственностью было логическим развитием представления об этих обществах как о промежуточной форме между полным товариществом и акционерным обществом, для которых характерно право участника отчуждать свою долю (в меньшей степени для товариществ, в большей - для акционерных компаний).

А.И. Каминка связывал необходимость признания отчуждаемости долей с тем, что товарищества с ограниченной ответственностью были капиталистическими организациями и их уставный капитал не мог быть произвольно уменьшен <1>.

<1> См.: Каминка А.И. Очерки торгового права М., 2002. С. 419.

По общему правилу германский Закон не требовал согласия остальных участников на отчуждение доли, что свидетельствует о большом влиянии акционерного законодательства (где акции отчуждаются свободно). В связи с этим С.Н. Ландкоф отмечал, что германский подход, допускающий абсолютно свободное отчуждение долей, может привести к таким результатам, которых не делал и сам законодатель <1>. Необходимость в получении данного согласия тем не менее могла быть прописана в учредительных документах товарищества (диспозитивный характер регулирования). Устав германского общества может также предусматривать случаи, когда в отношении уступки доли действует преимущественное право участников на приобретение доли.

<1> См.: Ландкоф С.Н. Указ. соч. С. 20.

В наши дни, однако, германские юристы отмечают, что доли в обществах с ограниченной ответственностью могут быть переданы лишь с согласия общества либо остальных участников <1>.

<1> См.: Wendler M., Tremml B., Buecker B. The Key Aspects of German Business Law. Springer; Berlin; Heidelberg. 3rd ed. 2006. P. 31.

Австрийский закон занял более жесткую позицию: на отчуждение доли требовалось получить согласие товарищества. При этом закон предписывал, что в случае отказа дать согласие на отчуждение доли участник мог обратиться в суд с требованием разрешить ему продать свою долю. По решению суда и при отсутствии серьезных к тому оснований доля могла быть отчуждена иным лицам.

Французское законодательство также допускало отчуждение доли (пая) третьим лицам только с согласия остальных участников, представляющих не менее 3/4 паев <1>.

<1> См.: Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник: В 2 т. Т. I. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М., 2004. С. 255.

Наиболее реакционным оказалось швейцарское законодательство начала XX в., которое полностью запрещало свободное отчуждение долей третьим лицам и не допускало вмешательства суда в область частных дел товарищества <1>.

<1> См.: Ландкоф С.Н. Указ. соч. С. 19.

Впрочем, швейцарское право отличалось таким ограничительным подходом не только в отношении оборота долей в обществах с ограниченной ответственностью. Так, устав акционерной компании по швейцарскому законодательству может предусматривать уступку акций только с согласия компании. Как отмечают швейцарские ученые, ранее передача именных акций вообще могла быть запрещена без объяснения причин, что диктовалось стремлением к эффективной защите от поглощений <1>. Полагаем, что в случае наличия такого запрета различие между природой уступки долей и акций стирается, поскольку одна из главных причин появления обществ с ограниченной ответственностью - не допустить в бизнес нежелательных участников.

<1> См.: Нобель П. Швейцарское финансовое право и международные стандарты / Пер. с англ. М., 2007. С. 821.

Кроме прямого запрета, требования о согласии и действия преимущественного права на уступку доли, спекуляция долями устранялась посредством запрета документирования долей в виде акций. В тексте австрийского и германского законов содержалось прямое указание на то, что право участия не может быть закреплено в форме документа, а также на то, что права участия не могут передаваться путем индоссамента <1>. Принадлежность пая устанавливалась исключительно по записям в книгах товарищества.

<1> См.: Розенберг В.В. Указ. соч. С. 167.

Уступка доли должна была также совершаться в письменной форме либо быть нотариально удостоверена. Эта мера также существенно отличала отчуждение долей от акций, где всякий держатель акции считался акционером.

В.В. Розенберг связывал сложность отчуждения доли (пая) также с тем, что пай (доли участия) были неравны между собой <1>.

<1> См.: Там же. С. 162.

Американское законодательство о компаниях с ограниченной ответственностью допускало передачу долей третьим лицам с самого начала развития компаний данной формы (1977 г.). В соответствии с параграфом 18-702 Закона штата Делавэр участник компании вправе уступить свою долю в целом либо ее часть. При этом значительная часть правил об уступке доли в компаниях с ограниченной ответственностью была заимствована из законодательства о партнерствах <1>.

<1> См.: Gazur W.M. The Limited Liability Company. Experiment: Unlimited Flexibility, Uncertain Role. Law and Contemporary Problems. 1995. P. 145.

По американскому праву доля участника (members' interest) состоит из двух элементов: имущественного права (на участие в распределении прибылей) и неимущественных прав (на участие в управлении компанией и осуществление контроля). При этом только имущественное право, именуемое distributional interest (уступаемая доля), подлежит свободному отчуждению. Что касается остальных прав, входящих в состав доли (право на участие в управлении компании, право на информацию), то данные права не передаются. Вследствие этого уступка доли сама по себе не наделяет приобретателя доли правом на участие в управлении компанией (assignee shall have no right to participate in the management) и не влечет приобретение лицом статуса участника общества (does not entitle the assignee to become a member) <1>. Однако уступка доли прекращает статус участника, отчуждающего долю (параграф 18-702 (b) Закона).

<1> См.: Параграф 18-702 (а) Закона штата Делавэр "О компаниях с ограниченной ответственностью" // <http://delcode.delaware.gov/title6/c018>.

Возникновение у приобретателя доли статуса участника обусловлено иными фактами. Статья 503 Модельного закона подчеркивает, что права на управление компанией и права на получение информации и доступа к документам возникают у приобретателя доли только путем принятия в компанию в качестве участника (only by admitting as a member), которое осуществляется остальными участниками компании <1>.

<1> См.: Модельный закон США "О компаниях с ограниченной ответственностью" (1996) // <http://www.assetprotectionbook.com>.

Законодательство штата Монтана содержит аналогичные положения. Участником компании является только то лицо, которое было принято в число участников компании в установленном порядке <1>. Приобретение имущественной доли само по себе не влечет возникновения статуса участника компании.

<1> См.: Статья 35-8-102 (20) Закона штата Монтана "О компаниях с ограниченной ответственностью" // <http://data.opi.state.mt.us/bills/billhtml/SB0435.htm>.

Данное различие в статусах отчетливо прослеживается в законодательстве о партнерствах, которое разграничивает понятия "приобретатель доли" (transferee) и "партнер" (partner). Передаче подлежит только economic interest - имущественная доля в партнерстве, которая включает в себя право на участие в распределении прибыли <1>. Остальная часть доли (partnership interest) (право на управление и на информацию) передаваться не может. Соответственно, приобретатель доли автоматически не становится партнером, поскольку для приобретения статуса партнера необходимо согласие всех партнеров.

<1> См.: пункт 13 параграфа 17-101 Закона штата Делавэр "О партнерствах с ограниченной ответственностью" // <http://www.delcode.state.de.us/title6/c017>.

Кстати, аналогичное регулирование можно встретить в нашем дореволюционном законодательстве. Как отмечал А. Квачевский, товарищ, не имея права присоединять третье лицо к товариществу, имеет несомненное право свободно располагать и передавать третьему лицу свою имущественную долю в товариществе, свой пай, свою прибыль <1>. Однако отчуждение товарищем своей имущественной доли не влекло прекращения статуса товарища, тогда как американское право устанавливает, что при отчуждении участником компании имущественной доли статус участника прекращается.

<1> См.: Квачевский А. О товариществах вообще и акционерных товариществах в особенности. М., 1880. С. 115.

Таким образом, американское законодательство четко различает два статуса у лица, приобретающего долю: статус приобретателя доли (assignee) и статус участника общества (member). Помимо права на участие в распределении прибыли, приобретение доли предоставляет лицу возможность быть участником общества. Однако данная возможность, строго говоря, не является субъективным правом, поскольку участники общества не обязаны принимать приобретателя доли в состав компании - это их право. Соответственно, приобретение имущественной доли - один из юридических фактов, влекущих принятие лица в компанию.

Как было указано в гл. 1 книги, правомочие на участие в управлении делами общества является центральным правомочием, входящим в состав доли в уставном

капитале. По существу, американское законодательство устанавливает переход доли с согласия участников компании. В этом смысле американское регулирование аналогично австрийскому, где также требуется согласие участников общества на уступку доли.

Право Великобритании также признает возможность передачи доли (interest is transferable) <1>. При этом прослеживается регулирование, аналогичное американскому. Так, Закон Великобритании 1890 г. "О партнерствах" говорит о том, что сам факт уступки доли не наделяет приобретателя доли правом вмешиваться в управление делами партнерства (ст. 31) <2>. Приобретенная доля, говорит далее Закон, уполномочивает лишь на получение части прибыли, на которую имел право уступивший долю партнер.

<1> См.: пункт 1 ст. 182 Закона Великобритании "О компаниях" 1985 г. // <http://www.lp.ru/library/companies-act-1985.htm>.

<2> См.: Закон Великобритании от 1890 г. "О товариществах" // <http://www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72505.htm>.

С. Джадж отмечает, что уступка доли не влечет передачу права на участие в управлении компанией, а также права на ознакомление с документацией компании. Уступка доли дает приобретателю лишь право на участие в распределении прибыли <1>. При этом право на дивиденд может быть передано только в том случае, если директора компании решают его выплатить <2>.

<1> См.: Judge S. Business Law. Macmillan Press Ltd. 1995. P. 159.

<2> См.: Полковников Г.В. Английское право о компаниях: закон и практика: Учеб. пособие. М., 1999. С. 78.

Такое регулирование позволяет Г.В. Полковникову разделять понятия "пайщик компании" и "член компании". Автор подчеркивает, что при уступке права на пай лицо, получающее фондовые бумаги, становится лишь пайщиком компании. Ее членом он станет только после того, как его имя будет включено в журнал членов компании <1>. Для возникновения данного права необходимо приобрести статус участника компании, что требует одобрения остальных участников.

<1> См.: Там же. С. 70.

Таким образом, несмотря на то что уступка долей допускалась иностранными законодательствами, такая уступка была существенно ограничена различными препятствиями: согласием участников общества, запретом на уступку доли, преимущественным правом на приобретение доли.

В дореволюционной России в силу отсутствия формы общества с ограниченной ответственностью в законодательстве прямое регулирование продажи доли в данной организационно-правовой форме не встречается. Вместе с тем свидетельства о продаже участия в общем предприятии присутствуют уже в XIII в. Так, по словам Н.Н. Дебольского, члены товариществ на паях, действовавших в северо-западных русских городах, могли продать свое право другим членам товарищества. При этом выходящий пайщик соглашался не продавать "свое право никому, кроме других членов товарищества" <1>.

<1> Дебольский Н.Н. Указ. соч. С. 328.

Допустимость уступки прав участия в простых товариществах в XIX в. была закреплена в проекте Гражданского Уложения. По смыслу ст. 692 проекта принадлежащие товариществу права по товарищескому договору могут быть уступаемы другому лицу, однако лишь с согласия всех остальных товарищей. Без согласия

товарищей, как было сказано выше, могло быть уступлено право на получение прибыли, причитающейся на долю товарища <1>.

<1> См.: Квачевский А. Указ. соч. С. 115.

Возможность уступки участия в простых товариществах, безусловно, повлияла на признание данного права в товариществах по участкам и товариществах на паях (предшественники обществ с ограниченной ответственностью).

Начало полноценного оборота правами участия в юридических лицах связано с появлением в России акционерных компаний, прежде всего "Российской в Константинополе торгующей компании". Права акционеров этой компании, удостоверенные "билетом", подлежали свободному отчуждению <1>.

<1> См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 50.

Вместе с тем передача участия акционеров была неразрывно связана с документом - акцией. Это обстоятельство не позволяет говорить о безоговорочном признании в XVIII в. доли как "голого" субъективного права в качестве объекта гражданского оборота. Данное право как бы замещалось документом - ценной бумагой. При этом, однако, юристы единогласно признавали положение о том, что акция КАК ПРАВО (выделено нами. - Р.Ф.) может быть передана одним лицом другому <1>.

<1> См.: Тютрюмов И.М. Указ. соч. С. 375.

Передача "голого" права участия была прямо урегулирована в нашем законодательстве в XIX в. (Манифест 1807 г.) применительно к паям торговых товариществ. Возможность отчуждения пая допускалась в силу того, что пай признавался движимым имуществом, несмотря на его нематериальную природу. А в силу прямого указания ст. 514 т. X ч. 1 Свода Законов лицо вправе отчуждать имущество в пределах, законом дозволенных, посредством всякого рода договоров <1>.

<1> См.: Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Указ. соч. С. 8.

В полных товариществах уступка участия допускалась (при наличии согласия всех товарищей), однако в силу лично-доверительных отношений полных товарищей передача доли полным товарищем мыслилась исключительной мерой, которая вела к разрушению самого товарищества <1>.

<1> См.: Федоров А.Ф. Указ. соч. С. 451.

Свободное отчуждение пая было характерно для коммандитных товариществ. Уступка пая в коммандитном товариществе чем-то похожа на уступку доли в американских компаниях - в обоих случаях происходит передача лишь имущественной доли (право на получение дивидендов), но не права на участие в управлении делами компании.

В товариществах на паях отчуждение пая допускалось только среди учредителей товарищества <1>. В товариществах же с переменным капиталом передача участия одним лицом другому вообще не допускалась.

<1> См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 63.

Передача права участия была характерна также для производственных кооперативов и трудовых артелей. Согласно законопроекту Министерства финансов Российской

империи о производственных кооперативах (конец XIX в.) каждый член кооперативного товарищества имел право передать свои права и обязанности по товариществу другому лицу <1> (§ 23 законопроекта). Согласно ст. 995 проекта Гражданского Уложения право участия в трудовой артели может быть уступлено лицу, которое будет принято в артель <2>.

<1> См.: Законопроект о кооперативных товариществах. Типография редакционного периодического издательства Министерства финансов. С. 15.

<2> Цит. по: Добровольский А.А., Ципкин П.С. Указ. соч. С. 267.

Таким образом, право участия, разновидностью которого является доля в уставном капитале, являлось объектом гражданского оборота задолго до появления формы общества (товарищества) с ограниченной ответственностью.

В советский период, несмотря на законодательное закрепление формы общества с ограниченной ответственностью (ГК РСФСР 1922 г.), институт уступки прав участия в обществах с ограниченной ответственностью не сразу получил прямое регулирование. Как уже отмечалось, регулирование новой формы юридического лица в то время было весьма скудным. Однако указание на возможность отчуждения долей можно было найти в примерных уставах товариществ с ограниченной ответственностью, разработанных государственными органами. Так, в примерном уставе, приведенном в книге В.А. Краснокутского, допускался переход доли, при этом на такой переход необходимо было получить согласие правления общества <1>. Кроме того, передача доли участия допускалась в полных и командитных товариществах, что было логичной рецепцией воззрений дореволюционной доктрины на возможность отчуждения долей в таких товариществах.

<1> См.: Краснокутский В.А. Указ. соч. С. 37.

В течение 70 лет после принятия ГК РСФСР 1922 г. какого-либо положительного регулирования уступки долей не наблюдалось, что объясняется отсутствием участия частных коммерческих объединений в хозяйственной жизни советского государства.

Развитие оборота долей участия возрождается в начале 1990-х гг. Довольно детально урегулировало уступку доли Постановление N 590 (п. 67). Уступка доли допускалась с согласия всех участников общества. При этом согласие требовалось независимо от того, в чью пользу осуществлялась уступка - участникам общества или третьих лиц. Постановление N 590 также предусматривало преимущественное право участников на приобретение доли (п. 67). Следовательно, действовало сразу два ограничения на уступку доли - согласие участников и преимущественное право. При этом участники общества могли договориться лишь о порядке осуществления преимущественного права (пропорционально долям либо в ином порядке), но не о его отмене.

Передаче вклада участника были посвящены и нормы Закона о предприятиях 1991 г. (ст. 11).

Действующее отечественное законодательство закрепляет право каждого участника общества продать или иным образом уступить свою долю в уставном капитале другим участникам общества или, если иное не предусмотрено уставом общества, третьим лицам (ст. 93 ГК РФ, ст. 21 Закона об ООО).

Доля может быть уступлена в пользу участников общества, а также в пользу третьих лиц. Доля может перейти также от участника в пользу общества (ст. 23 Закона об ООО). Кроме того, Закон предусматривает случаи уступки обществом принадлежащих ему долей в пользу участников общества либо третьих лиц (ст. 24 Закона об ООО).

В отличие от ранее действовавшего законодательства, уступка доли по общему правилу допускается без согласия участников, в том числе уступка третьим лицам. Это правило, однако, может быть изменено уставом общества. При этом в случае продажи

доли третьим лицам действует преимущественное право остальных участников общества на приобретение доли <1>. Действие указанных ограничений позволяет сделать вывод о том, что оборот долей в уставном капитале существенно ограничен по сравнению, например, с оборотом акций <2>. В связи с этим участник общества зачастую лишен возможности продать долю на выгодных условиях. Поэтому особое значение приобретают нормы о компенсации участнику стоимости доли в случае запрета уступки доли либо отказа в предоставлении согласия на уступку доли <3>.

<1> Более детальный анализ ограничений уступки доли будет проведен в гл. 3.

<2> В литературе указывается, что в силу действия преимущественного права доля участия является объектом, ограниченным в обороте. Полагаем, что этот вывод можно распространить и на такие ограничения, как запрет уступки доли и требование о согласии на уступку доли. См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 21.

<3> Вопрос о размере возмещения действительной стоимости доли исследуется в гл. 3.

Таким образом, право участия, разновидностью которого является доля в уставном капитале, является объектом гражданского оборота уже более двух тысячелетий. Вместе с тем, в отличие от оборота акций, оборот долей в уставном капитале существенно ограничен, что обусловлено лично-доверительным характером отношений между участниками общества с ограниченной ответственностью.

§ 2. Доктринальное и правоприменительное толкование правовой природы уступки доли в уставном капитале

В соответствии с п. 6 ст. 21 Закона об ООО (в редакции, действующей до 1 июля 2009 г.) к приобретателю доли в уставном капитале общества переходят все права и обязанности участника общества. Аналогичный подход был закреплен и ранее. В соответствии с п. 67 Постановления № 590 при передаче доли третьему лицу происходит одновременный переход к нему всех прав и обязанностей, принадлежащих участнику, уступающему долю. Как следует из нормы, при уступке доли к приобретателю переходят права и обязанности в совокупности.

Это положение безоговорочно разделяется учеными. Так, В.В. Долинская применительно к акциям указывает, что с передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности <1>. В.А. Горлов отмечает, что уступка части доли не означает передачу отдельных полномочий (например, права на управление в обществе). Статус участника означает обладание одинаковым перечнем прав. Поэтому передача части доли означает передачу того же перечня правомочий, каким обладает участник, передающий долю, но в меньшем объеме <2>.

<1> См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 181.

<2> См.: Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Указ. соч. С. 140.

Как следует из вышеизложенного, сущность уступки доли состоит в переходе прав участника. Однако нужно отметить, что в литературе ставится под сомнение сама возможность перехода субъективных прав. Так, С.А. Муромцев указывал, что преемство в правах есть абсурд, так как отношение как таковое не есть какой-либо конкретный предмет, который мог бы переноситься свободно <1>. В.А. Рясенцев отмечал, что права и обязанности как категории идеологические не способны передвигаться в пространстве, а потому переходить от одного лица к другому они не могут <2>. Ученый полагал, что в действительности происходит прекращение права у одного лица и возникновение его у другого в том или ином объеме.

<1> См.: Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 562, 601 - 602.

<2> См.: Рясенцев В.А. Советское гражданское право: Учеб. пособие ВЮЗИ. Ч. I. М., 1960. С. 254. Цит. по: Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 311 - 312.

Аналогичного мнения придерживался В.П. Грибанов <1>. В наши дни указанная позиция защищается, в частности, В.А. Беловым <2>, Д.В. Ломакиным <3>. Так, В.А. Белов подчеркивает, что с юридической точки зрения оборот обязательств есть не "передача прав и долгов", а перемена активного и (или) пассивного субъекта обязательственного правоотношения <4>.

<1> См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 388.

<2> См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 13.

<3> См.: Ломакин Д.В. Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. N 2; Он же. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 174 - 175.

<4> См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 684.

Противоположной позиции придерживался Б.Б. Черепяхин, который подчеркивал, что переход права на вещь, действительно, не тождественен переходу фактического владения вещью. Однако это означает лишь то, что понятие перехода субъективного права и правовой обязанности является специальным юридическим понятием <1>.

<1> См.: Черепяхин Б.Б. Указ. соч. С. 312.

Компромиссную позицию занимал Е.В. Васьковский, отмечавший, что передаваемость прав основывается на фикции, приравнивающей их к материальным объектам <1>. Переход права представляет собой, по существу, уничтожение права одного лица и возникновение нового права у другого лица. Но так как оба этих права тождественны по предмету и по объему, то удобнее и проще рассматривать их как одно и то же право, поочередно принадлежащее разным лицам <2>. Собственно сам С.А. Муромцев признавал, что в условно юридическом или техническом смысле надо допустить передачу субъективных прав <3>.

<1> См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. С. 135.

<2> См.: Там же. С. 136.

<3> См.: Муромцев С.А. Указ. соч. С. 605.

Этой же позиции в наши дни придерживается М.А. Мирошникова. С одной стороны, автор соглашается с тем, что переход права должен означать одновременное прекращение права одного субъекта и возникновение у другого субъекта на основании одного и того же юридического факта <1>. С другой стороны, М.А. Мирошникова признает такую трансформацию права правопреемством.

<1> См.: Мирошникова М.А. Сингулярное правопреемство в авторских правах: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 6.

Последняя позиция представляется наиболее приемлемой. Бесспорно, субъективное право не способно перемещаться в пространстве подобно вещи. Однако правовые последствия перехода права и прекращения-возникновения права, по существу,

идентичны: объем и характер права, которое перешло к приобретателю, являются такими же, как если бы право прекращалось у отчуждателя и возникало у приобретателя. В любом случае действует принцип, что лицо, отчуждающее право, не может передать больше прав, чем имеет само, и соответственно, у приобретателя права не может возникнуть больше прав, чем у лица, отчуждающего право.

В литературе отсутствуют энергичные споры относительно правовой природы уступки доли, как это имеет место, например, в отношении определения природы доли участника. Вместе с тем отдельные высказывания ученых, разъяснения судебной практики и правовые нормы позволяют говорить о неоднозначном понимании данного явления. Очевидно, это связано с тем, что такой спорный объект гражданского оборота, как доля в уставном капитале, не может не вызывать разночтений и по поводу уступки доли. С учетом этого можно собрать (классифицировать) и проанализировать существующие позиции по данному вопросу. Некоторые из нижеизложенных позиций более-менее четко высказаны учеными, другие же вытекают из судебной практики.

Всеми признано, что уступка доли является переходом субъективного права, что в принципе соответствует п. 6 ст. 21 Закона об ООО. Однако мнения расходятся в отношении того, право какого рода переходит: вещно-правовое, обязательственное либо корпоративное.

Уступка доли как передача части имущества (капитала) общества (стоимостная концепция). Эта позиция вытекает из понимания доли как части имущества общества (см., например, ст. 216 Германского Торгового Уложения, ст. 11 Закона о предприятиях, п. п. 3, 4 ст. 9 Закона о производственных кооперативах). Получается, что переход доли при таком понимании должен влечь изменение субъектного состава в отношениях собственности.

Такое понимание уступки доли представляет ценность с экономической точки зрения. Как уже говорилось в гл. 1, необходимо проводить четкую грань между понятием доли в экономическом (стоимостном) смысле и понятием доли в юридическом смысле. В экономическом значении доля представляет собой собственность на стоимость капитала общества, и в этом отношении передача доли есть перераспределение этой собственности. Сущность уступки доли в этом случае состоит в передаче части чистых активов общества (притязания на часть активов), соответствующих размеру доли.

Однако юридическое оформление такого перераспределения осуществляется отличным от передачи вещи путем. С юридической точки зрения имущество (чистые активы) общества принадлежит обществу. Как было показано в предыдущей главе, прямое господство лица над имуществом преобразуется в правомочие на управление делами общества: лицо лишается права собственности на имущество (вклад в уставный капитал), но взамен приобретает право определять волю общества, в том числе в отношении имущества, переданного обществу. С точки зрения права передача доли не влечет перехода части чистых активов общества к приобретателю доли, и изменения в правоотношениях собственности на имущество общества не происходит.

Перераспределение коллективной собственности находит свое юридическое оформление в виде перехода правомочий участника, прежде всего правомочия на управление делами общества. Однако, поскольку в литературе не сложилось единого мнения относительно природы этих полномочий, разногласия возникают по поводу природы перехода этих правомочий.

Довольно сильно представлено в отечественной доктрине мнение, что уступка доли осуществляется по правилам цессии (обязательно-правовая концепция). П.В. Степанов отмечает, что права участия следует передавать в порядке цессии <1>. Это же встречаем у И.В. Елисеева <2>.

<1> См.: Степанов П.В. Корпоративные правоотношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 132.

<2> См.: Гражданское право: Учебник. Т. 1. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 154.

А.С. Яковлев указывает, что уступка корпоративных прав будет подпадать под действие норм гл. 24 ГК РФ с учетом специальных правил относительно их оборота, имеющих в данном случае приоритетное применение <1>.

<1> См.: Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005. С. 119.

К.П. Беляев также подчеркивает, что доля участия в ООО как право может быть передана только посредством уступки прав (цессии). Независимо от возмездности или безвозмездности договор - это всегда договор об уступке требования. Оформляется он в соответствии с нормами обязательственного права <1> (ст. ст. 382 - 392 ГК РФ).

<1> См.: Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Указ. соч. С. 104; См. также: Горлов В. Правовое положение участника общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2000. N 7.

С.А. Бобков указывает, что доля участника общества - это комплекс прав, поэтому их передача должна осуществляться в соответствии с гл. 24 ГК РФ "Перемена лиц в обязательстве" <1>. Аналогичного мнения придерживается А.А. Стус <2>, А.А. Маковская <3>.

<1> См.: Бобков С.А. Указ. соч. С. 66.

<2> См.: Стус А.А. Становление и развитие обществ с ограниченной ответственностью: историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 8.

<3> См.: Маковская А.А. Различия в правовом регулировании отношений между акционером и закрытым акционерным обществом и отношений между участником и обществом с ограниченной ответственностью // Корпорации и учреждения: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 75.

Данная позиция находит поддержку в судебной практике. Суды прямо указывают, что на передачу доли распространяются правила об уступке требования <1>. Интересно отметить, что, с одной стороны, суды часто используют конструкцию "право на долю", т.е. признают долю объектом права собственности, но, с другой стороны, применяют к уступке доли правила о передаче обязательственных прав. Явное свидетельство отсутствия единообразного понимания сущности доли.

<1> См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12 апреля 2007 г. по делу N Ф04-3920/2006(32878-А03-13); Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23 сентября 2003 г. по делу N А11-2060/2003-К2-Е-1291.

Взгляд на уступку доли как на цессию вытекает из понимания доли как обязательственного права, т.е. из буквального толкования ст. 49 ГК РФ, в соответствии с которой отношения между участниками общества и обществом являются обязательственными.

С точки зрения судебной практики такое решение является оптимальным. ГК РФ не знает конструкции корпоративных прав, поэтому передачу таких прав легче регулировать

по правилам уже известного института цессии. Однако с доктринальной точки зрения этот вывод должен быть подвергнут критике, несмотря на его приемлемость для практики.

Как было указано в гл. 1, доля в уставном капитале выражает прежде всего правомочие участника своими собственными действиями влиять на деятельность общества, что свидетельствует об особом (необязательственном) характере данного правомочия. При этом доля в уставном капитале сама по себе не предоставляет участнику права требовать выплаты части прибыли (ликвидационного остатка), поскольку данные требования возникают только после принятия общим собранием участников соответствующего решения. Значит, доля в уставном капитале и право требования являются разнородными объектами, несмотря на то что доля включает в свой состав права относительного характера (на получение информации, на ознакомление с документацией общества). Соответственно передача указанных прав может существенно отличаться от уступки требований.

Заслуживает особого внимания тот факт, что институты цессии и уступки доли исторически развивались самостоятельно, причем передача прав участия встречается намного раньше уступки требований. Как было сказано выше, уступка доли (*partes, pars*) встречается уже в I в. до н.э. Между тем в Риме передача обязательственных прав не допускалась. Римские юристы не представляли обязательство как нечто самостоятельное, независимое от лиц, которые его создали <1>. Институт цессии развивался косвенно - через институты новации (делегации) и процессуального представительства (мандат) <2>. Взгляд на цессию как на передачу требования остался чуждым и римской юриспруденции классической эпохи <3>. Недопустимость цессии также прослеживается в средневековой Европе. Как отмечал Н.О. Нерсесов, во Франции до XIII в. передача обязательств на предъявителя (так же, как и в Риме) мыслилась "только в связи с представительством на суде, но нигде не обращается внимание именно на момент облегчения передачи прав требований" <4>. Влияние римской конструкции судебного представителя (*procurator in rem suam*) для обоснования возможности перехода прав требований прослеживается вплоть до XVI в. В связи с этим цессия тяготела больше к процессуальному праву <5>. Свободная циркуляция обязательств встречается лишь в XVI - XVII вв. посредством оборота *billets en blanc* (французские долговые расписки).

<1> См.: Боголепов Н.П. Учебник истории римского права. М., 2004. С. 423.

<2> Об историческом развитии цессии см. подробнее: Вавин Н.Г. Природа и понятие договорной цессии в современных законодательствах // Юридический вестник. 1916; Нерсесов Н.О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права (историко-догматическое исследование). М., 1889; Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 346 - 348; Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. 3-е изд. М., 2002. С. 43 - 61; Дождев Д.В. Римское частное право: Учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2006. С. 536. Н.О. Нерсесов указывал, что бумаги, закреплявшие денежные обязательства, циркулировали в Индии еще до Рождества Христова, а также у древних евреев (см.: Там же. С. 19). Отсюда можно заключить, что в Индии обязательства участвовали в обороте. Вместе с тем уступка прав происходила в связи с передачей материального носителя - бумаги (у древних евреев - *matge*). Поэтому нельзя однозначно говорить о том, что в то время уступка требований встречалась как идеальная конструкция.

<3> См.: Вавин Н.Г. Указ. соч. С. 1.

<4> Нерсесов Н.О. Указ. соч. С. 31.

<5> См.: Там же. С. 40.

В отличие от требований право участия в Риме и Европе не мыслилось как строго личное отношение. Во-первых, праву участия противостояло не конкретное физическое лицо, как праву требования, а лицо коллективное, существующее независимо от его

членов <1>. Это позволяло говорить об отсутствии личной связи должника и кредитора, которая могла быть прервана только смертью должника. Во-вторых, право участия вообще не давало какого-либо конкретного требования к общему предприятию, соответственно, не было долга (Shuld), неразрывно связанного с должником. В силу сказанного у римских и европейских юристов отсутствовали принципиальные препятствия для признания оборотоспособности прав участия, что и было сделано применительно к partes, куksam, loca. Тем самым право участия стало объектом гражданского оборота почти на шестнадцать столетий раньше, чем право требования, что обусловлено в том числе различной правовой природой уступки права участия и требований.

<1> Мы сознательно не называем эти коллективные образования юридическими лицами, поскольку данный вопрос остается дискуссионным. Однако ученые все же сходятся во мнении, что коллективные образования, например publicanogium, были независимы от состава входящих в них членов (см., например: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 48). Соответственно, данные образования обладали некоторой правоспособностью, отличной от правоспособности их членов.

В отечественном дореволюционном законодательстве также прослеживается независимый характер регулирования уступки доли от регулирования института цессии. Каких-либо положений о цессии в гражданских законах не содержалось, что восполнялось в основном правоприменительной практикой Сената. Сам факт того, что нормы об уступке доли (пая, вклада) получили, в отличие от цессии, прямое законодательное регулирование, говорит в пользу самостоятельной природы рассматриваемых отношений. Кроме того, уступка обязательственных требований в то время сводилась большей частью к передаче документов, воплощающих это право, - закладных писем и т.д. <1>. Между тем право участия являлось отчуждаемым субъективным правом, не представленным каким-либо документом (за исключением акционерного).

<1> См.: Яковлев А.С. Указ. соч. С. 87.

В силу указанных недостатков обязательственной (цессионной) теории в литературе высказывается мнение о том, что уступка членских прав является передачей прав, отличающейся от цессии (корпоративная концепция). Так, Л.А. Новоселова указывает, что уступка права возможна только в отношении прав требования, возникающих из обязательств. В связи с этим в порядке уступки не могут быть переданы корпоративные права <1>. Такого же мнения придерживается В.А. Белов <2>. При этом В.А. Белов указывает, что, хотя корпоративные права являются правами относительными, необходимо очень аккуратно прикладывать к ним те законоположения, которые касаются обязательственных прав <3>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2004. С. 16 - 17; Она же. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 210.

<2> См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. 3-е изд., стереотип. М., 2002. С. 8.

<3> См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 140.

С.В. Тарнопольская также отмечает, что при заключении договоров, направленных на передачу такого рода прав (долей в уставном капитале, исключительных прав. - Р.Ф.) следует учитывать, что их передача не подпадает под действие правового режима

обращения обязательственных прав, установленного нормами гл. 24 ГК РФ, и регулируется исключительно специальными нормами соответствующего отраслевого законодательства <1>.

<1> См.: Тарнопольская С.В. Право требования в гражданском обороте // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 151.

Д.В. Ломакин указывает, что к отчуждению доли участия применимы далеко не все нормы, регламентирующие порядок уступки прав <1>. Правда, свой вывод автор обосновывает несколько иной аргументацией, а именно тем, что отчуждение права участия влечет прекращение самого правоотношения участия <2>.

<1> См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 174.

<2> См.: Там же.

Особая позиция по данному вопросу у П.В. Степанова. Ученый обосновывает самостоятельную по отношению к обязательствам природу корпоративных прав. Вместе с тем он утверждает, что к передаче доли возможно применение правил о переходе прав в обязательственных отношениях (цессии) <1>.

<1> См.: Степанов П.В. Корпоративные правоотношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 43.

Позиция об уступке доли как об особой передаче прав является наиболее приемлемой, поскольку направлена на выявление особенностей перехода прав участия. В то же время сущность перехода корпоративных прав до сих пор не раскрыта, не ясно, в чем состоит принципиальное отличие такого перехода от цессии. Это служит обстоятельством, побуждающим к попытке раскрыть правовую природу уступки доли в уставном капитале.

§ 3. Уступка доли как переход субъективного права особого рода (*sui generis*)

Высказывания сторонников корпоративной теории права участия об относительном характере данного права (В.А. Белов, Л.А. Новоселова, П.В. Степанов и др.) должны логически приводить к выводу о том, что уступка доли влечет относительное правопреемство.

Однако в гл. 1 было обосновано, что доля в уставном капитале имеет признаки и абсолютного, и относительного права. Отсюда следует, что уступка доли, которая должна отражать признаки преемства как в абсолютных, так и в относительных правах, не может охватываться каким-либо одним из указанных видов правопреемства. Соответственно, уступка доли - это не только перемена лица в относительном правоотношении между участником и обществом, это также перемена субъектного состава в правоотношениях между участником общества как носителем юридической власти и всеми третьими лицами, обязанными не нарушать интересы участника (абсолютное правоотношение). Раскроем, в чем выражается сочетание абсолютных и относительных признаков уступки доли.

Как известно, относительное правопреемство возможно как на стороне управомоченного (цессия), так и на стороне обязанного лица (перевод долга). В отличие от этого, абсолютное правопреемство возможно только на стороне управомоченного лица. Б.Б. Черепяхин отмечал, что в абсолютном правоотношении изменение субъектного

состава может касаться только смены активного субъекта (субъекта права) <1>. При этом на обязанной стороне остается все та же безликая фигура "всякого и каждого", на которой лежит обязанность воздерживаться от вторжения в круг правомочий, закрепленных за субъектом абсолютного права. Невозможно перевести обязанность, которая лежит на всех.

<1> См.: Черепахин Б.Б. Указ. соч. С. 310.

В корпоративных отношениях изменение субъектного состава возможно только на стороне участника общества, т.е. на стороне управомоченного лица. Как было указано в гл. 1, право участия предоставляет прежде всего юридическую власть над волей общества, которая реализуется участником в рамках правомочия на управление. При этом данному правомочию противостоит пассивная обязанность всех третьих лиц не чинить препятствий участнику в осуществлении управления обществом - верный признак абсолютного права. Поскольку запрет нарушать право участника адресован всякому и каждому, постольку отсутствует смысл переводить такую обязанность от одного должника на другое лицо, которое и так уже обязано к определенному поведению (бездействию). Отсюда вытекает объяснение того, что общество не может заменить себя другим обществом в отношениях по управлению, что говорит о наличии признака абсолютного правопреемства.

Доля также закрепляет некоторые права относительного (обязательственного) характера, которым противостоит соответствующая обязанность общества, например право на получение информации, на ознакомление с документацией общества. Поэтому теоретически общество может передать свою обязанность, что говорило бы о возможности изменения субъектного состава корпоративных правоотношений на обязанной стороне и о наличии признаков относительного правопреемства. Однако поскольку доля в уставном капитале представляет собой неделимый комплекс правомочий, указанные обязанности всегда возлагаются на то общество, в отношении которого участник реализует правомочие на управление. В связи с этим общество не вправе передать свои обязанности перед участником другому обществу. Следовательно, изменение субъектного состава в отношениях участия допускается только на стороне управомоченного лица (участника общества).

Можно возразить, что в некоторых обязательствах также не допускается изменение субъектного состава на стороне обязанного лица, в частности в отношениях, где личность должника имеет существенное значение. Однако данное возражение не выдерживает критики, так как даже в сугубо личных отношениях возможно изменение на стороне должника, если на это есть согласие кредитора. В корпоративных же отношениях изменение субъектного состава на стороне общества невозможно в принципе. Это объясняется тем, что праву участия не соответствует какая-либо равнозначная обязанность общества. Иными словами, общество вообще не является должником участника; преемство же на стороне должника, где его нет, невозможно.

В качестве возражения может быть указано и на то, что при реорганизации общества происходит изменение субъектного состава корпоративного правоотношения на стороне компании. Вместе с тем такое изменение не аналогично перемене лиц в обязательстве на обязанной стороне (переводу долга). При реорганизации, по существу, происходит прекращение прежнего правоотношения участия и возникновение нового. Право участия, которое приобретает лицо в результате реорганизации общества, не тождественно прежнему праву участия, это уже новый (иной) объект. При переводе долга, напротив, объект (долг) остается прежним, в правоотношении меняется только обязанная сторона (должник). Таким образом, поскольку реорганизация общества ведет к смене объекта (права участия), следует вести речь о прекращении одного правоотношения участия и

возникновении нового, а не об изменении субъектного состава корпоративного правоотношения.

Можно также возразить тем, что общество вправе передать долг по выплате распределенной части прибыли с согласия участника, т.е. будет иметь место перемена лиц на пассивной стороне. Однако данная обязанность не является в узком смысле корпоративной, поскольку ее наличие связано прежде всего с принятием общим собранием участников решения о распределении прибыли <1>. Передача такого требования будет происходить по правилам цессии, а не по правилам передачи корпоративных прав.

<1> См.: Белов В.А., Пестерева Е.В. Указ. соч. С. 156.

Наличие некоторых обязанностей у участника общества (по внесению вкладов в имущество общества) также не может опровергнуть вывода о возможности изменения субъектного состава в правоотношениях участия только на активной стороне (на стороне участника) <1>. При передаче права собственности на вещь, обремененную залогом или иным обязательством, также происходит изменение пассивной стороны в обязательстве, и данный факт не умаляет значения абсолютного правопреемства при передаче права собственности.

<1> При этом, как было указано в гл. 1, данные обязанности не являются безусловными в том смысле, что они возникают только при наступлении определенных юридических фактов, а именно решения общего собрания о внесении вкладов.

Таким образом, в корпоративных отношениях изменение субъектного состава возможно только на стороне управомоченного лица (участника общества).

В этом смысле изменение субъектного состава в корпоративных отношениях обладает признаком абсолютного правопреемства.

Абсолютное правопреемство отличается от относительного также порядком извещения заинтересованных лиц о переходе права. Поскольку осуществление относительного права зависит от действий (бездействия) обязанного лица, извещение должника об уступке требования имеет принципиальное значение для надлежащей реализации передаваемого права. Как отмечает М.А. Мирошникова, особенность порядка замены кредитора в обязательственном правоотношении, в котором интерес кредитора удовлетворяется активными действиями обязанного лица, выражается в необходимости извещения обязанного лица об изменении субъекта, которому должно быть произведено исполнение <1>.

<1> См.: Мирошникова М.А. Указ. соч. С. 36.

В абсолютном же правоотношении права реализуются уполномоченным лицом самостоятельно, своими собственными действиями, а все третьи лица обязаны воздерживаться от нарушения данного права. По этой причине для легитимации управомоченного лица значение приобретает извещение всех третьих лиц о переходе абсолютного права.

В порядке извещения обязанных лиц при уступке доли в уставном капитале можно обнаружить признаки и абсолютного, и относительного правопреемства. Обусловлено это тем, что передача прав участия неразрывно связана с внесением сведений о новом участнике в книги товарищества - процедурой, получившей название трансферта.

Трансферт встречается уже в XII в. в итальянских объединениях *маонае*, в которых передача пая осуществлялась по распоряжению собственника путем внесения в эти книги соответствующей записи <1>. Данный порядок использовался и в первых акционерных компаниях (начало XVII в.). Так, в голландской Ост-Индской компании сделки о продаже

акций совершались обыкновенно при посредничестве маклера, и продавец, делая передачу, подписывал квитанцию в присутствии одного из директоров компании, который приказывал секретарю регистрировать эту передачу <2>. Хартия Англо-Африканской компании предписывала, что каждая передача доли капитала должна была быть зарегистрирована <3>.

<1> См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 31.

<2> См.: Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 85.

<3> См.: Там же. С. 88.

Процедура передачи прав участия путем трансферта не изменилась и с появлением обществ с ограниченной ответственностью. Австрийское и германское законодательства считали участником общества с ограниченной ответственностью только лицо, указанное в книге товарищества <1>. Швейцарское законодательство также предписывало, что передача доли действительна только тогда, когда она внесена в долевую книгу <2>.

<1> См.: Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 404.

<2> См.: Ландкоф С.Н. Указ. соч. С. 19.

Правило о передаче прав участия по книгам товарищества было прямо закреплено в российском дореволюционном законодательстве. Так, ст. 2167 Свода Законов Гражданских гласила, что акция может быть переведена в другие руки не иначе, как посредством передаточной надписи, отмечаемой каждый раз в правлении компании. Правительствующий Сенат отмечал, что для перехода акций требуется лишь письменная форма, однако для перехода прав по акциям необходим еще трансферт (Постановление Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената от 1901 г. N 8) <1>. Передача доли в товариществах на паях также проводилась по книгам товарищества <2>.

<1> Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Сост. И.М. Тютрюмов. Кн. IV. М., 2004. С. 501. См. также: Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 367. Д.И. Мейер связывал передачу акций по передаточным записям с тем обстоятельством, что таким способом законодательство пытается противодействовать приобретению акциями денежного свойства, поскольку такая передача затрудняет оборот акций. См.: Мейер Д.И. Указ. соч. С. 680.

<2> См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 238.

Трансфертный порядок передачи прав участия характерен для действующего российского законодательства. Так, для перехода прав по акции необходимо внесение имени нового владельца акций в реестр акционеров <1>. При этом основанием для совершения записи в реестре акционеров служит передаточное распоряжение, которое содержит указание регистратору внести в реестр запись о переходе права собственности на ценные бумаги <2>.

<1> В соответствии с абз. 8 ст. 29 Закона о РЦБ права, закрепленные эмиссионной ценной бумагой, переходят к приобретателю с момента перехода прав на эту ценную бумагу. При этом моментом перехода прав на акцию является внесение приходной записи по лицевому счету (счету депо) приобретателя в реестре акционеров.

<2> См.: пункт 3.4.2 Постановления ФКЦБ России от 2 октября 1997 г. N 27 "Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг" // Вестник ФКЦБ России. 1997. N 7.

В действующей редакции Закона об ООО указано, что общество должно быть уведомлено о состоявшейся уступке доли в уставном капитале (п. 6 ст. 21). При этом сведения о долях участников должны быть отражены в уставе общества (п. 2 ст. 12). Поэтому применительно к уступке доли трансферт совершается в уставе общества (по законодательству, действующему до 1 июля 2009 г.).

Новая редакция Закона об ООО содержит иное правило - сведения о долях участников отражаются не в уставе общества, а в Едином государственном реестре юридических лиц <1>. Кроме того, данные сведения отражаются в так называемых списках участников общества (ст. 31.1, п. 4 ст. 35, п. 1 ст. 36 Закона об ООО) <2>.

<1> См.: пункт 13 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

<2> Данные списки не имеют правоустанавливающего значения, т.е. не удостоверяют принадлежность доли участнику. При этом сведения списков должны соответствовать данным государственного реестра. На основании информации, содержащейся в таких списках, осуществляется уведомление участников о проведении общего собрания участников.

Взгляд на запись в книгах (реестре) как на необходимый элемент перехода прав участия энергично поддерживается как в дореволюционной, так и в современной литературе <1>.

<1> См.: Нерсесов Н.О. Указ. соч. С. 9; Барац С.М. Техника обращения именных процентных бумаг. СПб., 1913. С. 3; Максимов В. Указ. соч. С. 12; Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М., 1993. С. 13; Гушин В.В. Корпоративное право: Учеб. для юрид. вузов. М., 2006. С. 189; Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2002. С. 184.

Трансферт производится на основании так называемого трансфертного объявления, под которым понимается письмо, адресованное правлению общества, смысл которого сводится к тому, что бывший владелец акций заявляет обществу о переходе акций к другому лицу <1>. В действующем акционерном законодательстве роль трансфертного объявления играет передаточное распоряжение, в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью - уведомление общества об уступке доли. Новая редакция Закона об ООО предусматривает, что трансфертное объявление совершается прежде всего в адрес регистрирующего органа, ведущего государственный реестр (ЕГРЮЛ), на основании чего регистрирующий орган вносит запись о новом участнике в реестр. Кроме того, об изменении принадлежности доли должно быть уведомлено общество <2>. Таким образом, юридический состав перехода прав участия состоит из трех фактов: сделка по передаче права участия, трансфертное объявление и совершение трансферта <3>.

<1> См.: Барац С.М. Указ. соч. С. 8. В данном случае проблема трансфертного объявления обсуждается данным автором применительно к акциям. Однако выводы ученого могут быть распространены и на передачу иных прав участия. При этом трансфертное объявление может исходить как от имени отчуждателя (система трансферта отчуждателя), так и от имени приобретателя (система трансферта приобретателя). См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 154.

<2> См.: Пункты 14, 15 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

<3> Детальное исследование порядка совершения сделки уступки доли, трансфертного объявления и трансферта проводится в гл. 3 настоящей книги.

Отчуждение прав участия по системе трансферта развилось, вероятно, из института регистрации купцов. Как было указано в гл. 1, записи в книгах товарищества (торговых регистрах) направлены на ознакомление всех третьих лиц с персональным составом товарищества. В этом качестве книговая запись легитимирует участника как субъекта экономической деятельности перед всяким и каждым. Соответственно, любое изменение в составе товарищества должно находить отражение в книгах товарищества.

Из вышеизложенного следует, что совершение трансферта направлено на легитимацию участника общества перед всеми третьими лицами в качестве управомоченного лица. В этом смысле трансфертный порядок передачи доли в уставном капитале обусловлен абсолютно-правовыми элементами доли в уставном капитале.

Вместе с тем трансферт, как правило, представляет собой действие, совершаемое при активном участии общества <1>. В этом смысле общество обладает особым статусом по сравнению со всеми третьими лицами. Это и понятно: ведь общество исполняет определенные обязанности перед участником (организация общего собрания участников, информирование участников и проч.). При этом нужно отметить наличие значительного императивного начала в осуществлении прав участия. Исполнение компанией своих обязательств лицу, не указанному в книгах компании (например, направление уведомления о проведении общего собрания), не освобождает ее от исполнения данных обязательств лицу, поименованному в таких книгах. Поэтому в переходе прав участия всегда активно задействовано само общество (товарищество). Можно сказать, что уступка права участия не может пройти незамеченной для общества (товарищества). В связи с этим трансферт направлен на легитимацию участника не только перед третьими лицами, но также и перед обществом.

<1> По законодательству, действующему до 1 июля 2009 г., трансферт осуществляется самим обществом - путем изменения устава общества в части сведений о долях. Согласно новой редакции Закона об ООО трансферт совершается без участия общества - путем регистрации сведений о долях уполномоченным государственным органом, ведущим реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Вместе с тем общество должно быть извещено об уступке доли, и соответствующие изменения должны быть внесены в списки участников общества (п. 15 ст. 21, ст. 31.1 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ)).

Таким образом, для правопреемства при уступке доли в уставном капитале характерен особый, по сравнению со всеми третьими лицами, статус общества, что проявляется в обязательном уведомлении общества об уступке доли. В этом смысле изменение субъектного состава в корпоративных отношениях обладает признаком относительного правопреемства.

Необходимо отметить, что в силу действия системы трансферта переход прав участия существенно отличается от перехода обязательственных прав (требований). После совершения трансферта общество не может заявлять приобретателю доли (уже ставшему участником общества) какие-либо возражения, которые оно имело против прежнего участника, т.е. ст. 386 ГК РФ, характерная для цессии, в данном случае подлежит ограниченному применению <1>. Совершение трансферта здесь аналогично активному участию должника в уступке требования (например, путем подписания договора, дачи согласия на уступку требования и проч.). Как отмечает В.А. Белов, такое участие лишает должника права на заявление цессионарию возражений, которые он имел против cedenta <2>. В этой связи примечательна также позиция А.А. Маковской о том, что конструкция, воплощенная в акции, мало совместима (а скорее вообще несовместима) с конструкцией передачи прав по цессии <3>. Запись в реестре акционеров обладает легитимирующим значением, что исключает возможные возражения должника против требований нового кредитора, которые должник имел против первоначального кредитора <4>. Полагаем, что

данный вывод можно распространить и на доли в уставном капитале, поскольку они также передаются по системе трансферта, и запись в реестре является достаточным основанием для легитимации нового участника.

<1> В соответствии со ст. 386 ГК РФ должник вправе выдвигать против требования нового кредитора возражения, которые он имел против первоначального кредитора.

<2> См.: Белов В.А. Уведомление должника об уступке требования и его юридическое значение.; Он же. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 183.

<3> См.: Маковская А.А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. N 10. С. 58.

<4> В этом смысле, как отмечает А.А. Маковская, система трансферта является проявлением принципа публичной достоверности применительно к именованным ценным бумагам. См.: Маковская А.А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. N 10. С. 62.

Вместе с тем общество может заявить приобретателю доли свои возражения, основанные на отношениях с отчуждателем, до совершения трансферта. Такое правило характерно и для передачи именных ценных бумаг. Как отмечается в литературе, до учинения трансферта должник по именной ценной бумаге может заявлять новому приобретателю все те возражения, которые он мог бы заявить, явись к нему за исполнением отчуждатель. Свойство публичной достоверности ценной бумаги в данном случае ограничивается <1>.

<1> См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. С. 152; Он же. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 241.

Однако правило о возможности предъявления возражений до учинения трансферта в корпоративных отношениях имеет весьма ограниченное действие. Во-первых, законодательство обычно устанавливает жесткие сроки для внесения записи о передаче права участия. Так, в соответствии со ст. 9 Закона Великобритании 1907 г. "Об ограниченных партнерствах" об изменении в составе партнеров должно быть сообщено в регистрирующий орган по месту нахождения партнерства в течение семи дней с момента соответствующего изменения <1>. Российское законодательство устанавливает, что сведения о владельцах акций должны быть изменены в течение трех дней с момента представления регистратору всех необходимых документов <2>. Сведения о новых участниках общества с ограниченной ответственностью должны быть представлены в регистрирующий орган в течение трех дней с момента изменения таких сведений <3>. Стало быть, общество имеет довольно ограниченное время для предъявления новому участнику своих возражений. Кроме того, новая редакция Закона об ООО оставляет еще меньше возможностей для предъявления обществом каких-либо возражений против приобретателя доли, поскольку согласно новому порядку трансферт совершается не самим обществом, а государственным органом, ведущим реестр юридических лиц (п. 14 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции).

<1> Закон Великобритании от 1907 г. "Об ограниченных партнерствах" // <http://www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72515.htm>.

<2> См.: пункт 10.3 Постановления ФКЦБ РФ от 2 октября 1997 г. N 27.

<3> См.: пункт 5 ст. 5 Закона о государственной регистрации юридических лиц; п. 14 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Во-вторых, некоторые возражения, которые обычно доступны для должника на основании ст. 386 ГК РФ, не применимы для отношений участия. Так, общество вряд ли сможет заявить новому участнику возражение (требование) о зачете либо об истечении

срока исковой давности права участия. Как было указано в гл. 1, право участия - это субъективное право, сущность которого не сводится к требованию о предоставлении долга. В связи с этим правила о зачете требований (ст. 410 ГК РФ) к праву участия не применимы. Право участия также не может потерять свойство судебной защиты вследствие истечения срока исковой давности (ст. 195 ГК РФ), поскольку для данного права не характерна срочность исполнения. Исковая давность может истечь применительно к праву участника на обжалование решения общего собрания участников (ст. 43 Закона об ООО) или к требованию о выплате распределенной прибыли общества (ст. 28 Закона об ООО). Однако, как уже отмечалось, право участия далеко не исчерпывается указанными требованиями. Среди возражений, которые может предъявить общество, можно указать, например, на возможность ссылаться на недействительность уступки доли (в силу запрета такой уступки, предусмотренного в уставе общества и проч.).

Таким образом, поскольку права участия передаются по системе трансферта, порядок перехода доли в уставном капитале существенно отличается от передачи требований (цессии). Юридический состав преемства в правах участия включает три юридических факта - совершение уступки права участия, трансфертное объявление и совершение трансферта.

Еще одна особенность уступки доли, как указывает Л.А. Новоселова, связана с тем, что сделка, направленная на передачу "доли в уставном капитале", приводит к передаче не только прав, но и обязанностей участника <1>. Соответственно, в тех случаях, когда уступка доли не требует согласия остальных участников (а по общему правилу такого согласия не требуется), по существу, имеет место переход долга без согласия кредитора (п. 1 ст. 391 ГК РФ), что отличает уступку доли от перевода долга. Об этом же пишет В. Горлов <2>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. М., 2007. С. 210.

<2> См.: Горлов В. Правовое положение участника общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2000. N 7.

Следует согласиться с данной мыслью, однако со следующей существенной оговоркой. Как было сказано в гл. 1, в состав доли по общему правилу не входят какие-либо обязанности участника. Так, обязанность не разглашать конфиденциальную информацию (п. 1 ст. 9 Закона об ООО) лежит на всех лицах, а не только на участниках общества. Исходя из сказанного, передача доли не влечет перехода данной обязанности к приобретателю доли, поскольку эта обязанность и так уже лежит на приобретателе.

Что касается обязанности по внесению дополнительных вкладов (п. 1 ст. 9 Закона об ООО), то данная обязанность возникает только при наступлении определенных юридических фактов, а именно при условии принятия общим собранием участников решения о внесении дополнительных вкладов. До решения общего собрания обязанности по внесению вкладов просто не существует, следовательно, такая обязанность не может быть передана (отсутствует предмет передачи). Полагаем, что передача доли влечет переход обязанности по внесению вклада только в том случае, если до уступки доли принято соответствующее решение общего собрания о внесении дополнительных вкладов и вклад не был внесен первоначальным участником.

В отношении обязанности по внесению вклада в уставный капитал (оплата доли в уставном капитале) следует сказать, что передача доли не влечет перехода данной обязанности, потому что передача неоплаченной доли вообще запрещена (п. 3 ст. 21 Закона об ООО).

Переход обязанностей по общему правилу имеет место, например, при передаче пая в производственном кооперативе. Поскольку каждый пайщик обязан участвовать в

деятельности кооператива личным трудом (п. 2 ст. 8 Закона о производственных кооперативах), передача пая влечет также переход данной обязанности.

Особенность уступки доли связана также с тем, что участник общества имеет не только права, но и законные интересы, в частности интерес в получении части прибыли общества и ликвидационного остатка. Следовательно, при уступке доли происходит передача законных интересов участника общества.

Как следует из ст. 128 ГК РФ, законный интерес не входит в число объектов гражданских прав. При этом в доктрине права проблема перехода законного интереса не исследовалась, тем не менее наука гражданского права пришла к некоторым выводам относительно природы законного интереса, которые можно косвенно использовать для решения вопроса о возможности перехода законного интереса.

В гл. 1 данной книги было раскрыто понятие законного интереса как социальной потребности субъекта, защищаемой (гарантируемой) государством с помощью процессуальных средств защиты (обращения в суд). Исходя из приведенного определения законный интерес - это не просто потребность, он гарантирован государством. Данная гарантия выражается в возможности носителя законного интереса обратиться за защитой нарушенной потребности к уполномоченным органам, т.е. владелец законного интереса имеет право на защиту интереса. Именно благодаря данному элементу интерес приобретает характер законного. При этом право на защиту является самостоятельным субъективным правом. Так, В.П. Грибанов отмечает, что данное право представляет собой меру возможного поведения управомоченного лица, относя такое право к числу субъективных прав <1>.

<1> См.: Грибанов В.П. Указ. соч. С. 299.

Возможность принудительной защиты является неотъемлемым элементом субъективного права <1>. Л.А. Новоселова справедливо заключает, что, если бы право на обращение в суд носило процессуальный характер и соответственно не входило в объем субъективного права, следовало бы считать, что право на обращение в суд также необходимо передавать новому кредитору особым соглашением <2>. Данный вывод подтверждается также судебной практикой. Президиум ВАС РФ указал, что предъявление иска в защиту нарушенных прав входит в содержание права требования, перешедшего к новому кредитору <3>. О продаже права на иск упоминается также в дореволюционной литературе. Так, Н. Вавин указывает, что продать свою *res incorporales* значит продать свой иск <4>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. С. 141.

<2> См.: Там же. С. 141.

<3> См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 17 июня 1997 г. N 1533/97.

<4> См.: Вавин Н. Указ. соч. С. 7.

Таким образом, из данных рассуждений следует, что право на судебную защиту обладает признаком передаваемости.

Наличие такого общего элемента, как правомочие на защиту, на наш взгляд, является принципиальным для решения вопроса о возможности перехода законного интереса. Раз признак субъективного права (права на защиту) обнаруживается и в законном интересе, можно сделать вывод о передаваемости законного интереса. Так как в состав законного интереса в качестве неотъемлемой части входит право на защиту нарушенного интереса, а право на защиту способно к передаче, можно утверждать, что сущность перехода законного интереса состоит в передаче правомочия на защиту этого интереса.

Таким образом, особенность перехода права участия заключается в наличии признаков как абсолютного, так и относительного правопреемства, что является основанием для выделения особого правопреемства в системе гражданских правоотношений - преемства в правах участия.

В данной главе следует обратить внимание на следующую проблему. Как было отмечено в гл. 1, некоторые ученые (например, В.И. Добровольский) и арбитражные суды по некоторым делам распространяют на долю вещно-правовой режим. Такого понимания придерживается англо-американская доктрина, поскольку доля является вещью, пусть и бестелесной (private property, personal estate). Однако данная позиция является неприемлемой для российского законодательства. Доля представляет собой субъективное право, т.е. объект оборота, не имеющий материального воплощения. Поэтому к передаче доли не могут быть применены правила о передаче вещей (традиция).

В гл. 1 было отмечено, что доля и акция являются однородными объектами, выступают разновидностью права участия. Отличаются они лишь формой выражения: акция является ценной бумагой, доля таковой не признается. Вместе с тем действующее законодательство устанавливает для акции бездокументарную форму, значит, права участия акционера также не представлены в каком-либо материальном виде (документе), а закрепляются специальной записью в реестре акционеров. В связи с этим в литературе обоснованно отмечается, что бездокументарные ценные бумаги не являются ценными бумагами, а представляют собой субъективные имущественные права, имеющие особенную форму фиксации <1>.

<1> См.: Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. М., 1996. С. 123 - 134; Степанов П.В. Корпоративные правоотношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 131.

Тем не менее ст. 143 ГК РФ относит акцию к ценной бумаге, что в системной связи со ст. 128 ГК РФ является формальным основанием для признания акции вещью. Так, А.А. Маковская отмечает, что ГК РФ для целей регулирования оборота ценных бумаг уравнивал документарную и бездокументарную формы ценных бумаг <1>. Судебная практика, используя буквальное толкование законодательства, признает, что акция является движимой вещью <2>. Получается, что применительно к акции право участия, не выраженное в каком-либо материальном виде (документе), получило режим вещи <3>.

<1> См.: Маковская А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. N 10.

<2> См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 17 ноября 1998 г. N 2208/98. См. также: проект информационного письма Президиума ВАС РФ "О заключении договоров займа бездокументарных именных акций" // <http://www.arbitr.ru/presidium/prac/17105.html>.

<3> См.: Добровольский В.И. Анализ и комментарий корпоративного законодательства и судебной практики. М., 2007. С. 95.

Таким образом, акция и доля, будучи одинаковыми по своему содержанию объектами гражданского оборота, получили в законодательстве различный правовой режим. Такое регулирование ведет к различным налоговым и гражданско-правовым последствиям отчуждения акций и долей <1>.

<1> В соответствии со ст. 220 НК РФ продажа акции давала право налогоплательщику на имущественный вычет в размере 125000 рублей. Однако продажа доли в уставном капитале ООО такого права не предоставляла. Налогоплательщик вправе лишь в общем порядке уменьшить доход от продажи доли на расходы, связанные с ее приобретением. Кроме того, акции, в отличие от долей, могут выступать предметом

договора займа, поскольку признаются вещами, определяемыми родовыми признаками (см.: Постановление Президиума ВАС РФ от 5 сентября 2006 г. N 4375/06; Постановления ФАС Московского округа от 26 июня 2006 г. N КГ-А40/6122-06, от 4 декабря 2006 г. N КГ-А40/11615-06).

Судебная практика пытается самостоятельно решить данную несправедливость, признавая доли в уставном капитале объектами права собственности. Так, признавая уступку доли недействительной, суд подчеркнул, что доля может быть возвращена с помощью механизмов, применяемых при возврате имущества из чужого незаконного владения <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 9 января 2007 г. по делу N КГ-А40/11459-06-2.

Однако, как было указано выше, право участия не является требованием, это субъективное право особого рода. Значит, применение к переходу этого права правил об уступке требования является ошибочным.

С учетом сказанного отметим, что единый режим оборота акций и долей в уставном капитале не означает согласия на применение к уступке доли правил о цессии. Для перехода прав участия необходима выработка особых правил уступки, которые касаются, например, формы уступки прав участия, порядка перехода прав участия, статуса общества при уступке доли, последствий признания уступки прав участия недействительной.

Таким образом, поскольку доля в уставном капитале и акция представляют собой однородные объекты гражданского оборота (право участия, не оформленное в виде документа), оборот данных объектов должен получить одинаковый правовой режим. При этом передача данных субъективных прав влечет особое правопреемство (преемство в правах участия), для которого свойственно сочетание признаков как абсолютного, так и относительного правопреемства.

Проведенное исследование правовой природы уступки доли в уставном капитале позволяет использовать следующие выводы для анализа практических проблем, возникающих при уступке доли в уставном капитале (гл. 3).

Во-первых, доля в уставном капитале является отчуждаемым субъективным правом и выступает в качестве объекта гражданского оборота. Вместе с тем оборот данного объекта существенно ограничен, вследствие чего участник общества зачастую лишен возможности продать свою долю на выгодных условиях. В таких случаях законодательство предусматривает компенсацию участнику стоимости доли. В связи с этим одной из следующих задач является анализ порядка и размера возмещения стоимости доли участнику общества.

Во-вторых, переход прав участия осуществляется по системе трансферта, что обусловлено особой природой этих прав и что существенно отличает их переход от порядка уступки требований. Данный вывод позволяет перейти к исследованию элементов трансфертного порядка перехода доли (сделки уступки доли, трансфертного объявления, трансферта) и на основе проведенного анализа определить момент перехода доли в уставном капитале.

Глава III. ПОРЯДОК УСТУПКИ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ

§ 1. Правовые ограничения уступки доли в уставном капитале

В отношении распоряжения долей в уставном капитале изначально существовали более жесткие ограничения, нежели в отношении распоряжения акциями. Ограничения эти объясняются тем, что в "товариществах личность товарищей имеет весьма важное

значение" <1>, право членства (как в кооперативе, так и в товариществе) всегда связано с личным участием кредитора в делах организации <2>. В предыдущей главе уже затрагивались вопросы ограничений на уступку доли в исторической ретроспективе. Здесь рассмотрим некоторые проблемы теоретического и практического свойства, возникающие в связи с действием данных ограничений.

<1> См.: Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права (из журнала Министерства юстиции, октябрь, ноябрь и декабрь 1915 г.). Петроград, 1915. С. 22.

<2> См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 145.

Одним из ограничений уступки доли является преимущественное право участников на приобретение доли. Суть преимущественного права состоит в том, что участники общества имеют возможность приобрести долю при намерении какого-либо участника продать свою долю третьему лицу.

Необходимо отметить, что преимущественное право характерно не только для обществ с ограниченной ответственностью. Так, по общему правилу английского права акции (доли) частных компаний могут свободно отчуждаться, однако большинство частных компаний ограничивают свободное отчуждение акций путем включения в устав нормы о действии преимущественного права участников компании на приобретение отчуждаемых акций <1>.

<1> См.: Judge S. Business Law. Macmillan Press Ltd. 1995. P. 146.

Действующее российское законодательство в императивном порядке предусматривает, что участники общества и (или) само общество, если это предусмотрено уставом общества, обладают преимущественным правом на приобретение доли при ее продаже (п. 4 ст. 21 Закона об ООО). При этом уступка преимущественного права не допускается. Данное правило сохраняется и в новой редакции Закона об ООО.

Преимущественное право не действует, если в обществе один участник, поскольку в этом случае ничье преимущественное право при отчуждении единственным участником доли не нарушается. Преимущественное право распространяется только на случаи отчуждения доли третьим лицам. Соответственно, при отчуждении доли участнику общества другие участники не могут использовать преимущественное право.

Соблюдение преимущественного права обязательно только в случае продажи доли. Преимущественное право не действует в случаях безвозмездной уступки доли. Кроме того, действие преимущественного права не распространяется на иные случаи возмездного отчуждения доли, помимо продажи. Так, внесение доли в качестве вклада в уставный капитал не ограничено преимущественным правом иных участников, несмотря на то что данная сделка является возмездной.

Спорным является вопрос о том, действует ли преимущественное право в случае мены доли. С одной стороны, мена подчиняется правилам о купле-продаже, следовательно, на мену доли распространяется правило о преимущественном праве при продаже доли. Данная позиция находит поддержку в судебной практике <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 16 января 2007 г. по делу N А55-28305/2005-40.

С другой стороны, если по договору мены встречным представлением является индивидуально-определенная вещь, то перевод прав и обязанностей по договору на участника общества, чье преимущественное право было нарушено, представляется затруднительным, поскольку такой участник заведомо не сможет исполнить обязанность по передаче встречного представления.

На практике можно встретить следующие случаи обхода преимущественного права:

- 1) дарение минимальной части доли с последующей продажей оставшейся доли;
- 2) внесение доли в уставный капитал юридического лица с последующей продажей доли в уставном капитале этого юридического лица приобретателю;
- 3) передача доли в качестве отступного по ранее полученному займу.

Суть первого способа заключается в дарении минимальной части доли. На данную сделку (дарение) преимущественное право не распространяется, что безоговорочно поддерживается судебной практикой. После того как одаряемый становится участником общества (в результате приобретения части доли), он имеет право купить остальную часть доли, при этом преимущественное право действовать на такую куплю-продажу уже не будет.

Существует два способа предотвратить такой обход преимущественного права:

- 1) признать договор дарения мнимой сделкой;
- 2) предусмотреть в уставе общества запрет либо требование о получении согласия остальных участников на безвозмездное отчуждение доли третьим лицам.

Суть второго способа заключается в том, что первоначально доля вносится участником-продавцом в уставный капитал некоего юридического лица. На данную сделку правило о преимущественном праве не распространяется, поскольку внесение вклада в уставный капитал, как уже было сказано, не является продажей доли. В результате данной сделки участник общества приобретает долю в указанном юридическом лице. Далее он продает вновь приобретенную долю потенциальному покупателю. В итоге покупатель фактически приобретает контроль над долей в обществе (посредством участия в ином юридическом лице).

Единственный способ ограничить такой переход доли и не допустить вхождения посторонних лиц в общество состоит в прямом запрете устава общества на уступку доли третьим лицам либо требование о необходимости получения согласия остальных участников общества на такую уступку (в том числе на дарение, внесение в уставный капитал и проч.).

Третий способ также довольно часто можно встретить на практике. Его суть состоит в том, что участник общества, желающий продать долю, выдает потенциальному покупателю вексель под денежную сумму, которая равна стоимости доли. Позднее между векселедателем (участником общества) и векселедержателем (приобретателем доли) заключается соглашение об отступном, в соответствии с которым обязательство по возврату суммы займа прекращается путем передачи векселедержателю доли в уставном капитале <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 5 июня 2007 г. по делу N Ф03-А51/07-1/1597.

Противопоставить этому способу можно опять-таки требование устава о необходимости получения согласия всех участников на уступку доли третьему лицу любым способом, в том числе путем отступного.

Действие преимущественного права обеспечивается обязанностью участника общества, желающего уступить свою долю, направить письменное извещение о своем намерении продать долю иным участникам общества и самому обществу (п. 4 ст. 21 Закона об ООО) <1>. При этом действие преимущественного права на приобретение доли прекращается по истечении месяца со дня такого извещения, если участники общества не изъявили желания на приобретение доли.

<1> См.: пункт 5 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Отметим, что новая редакция Закона об ООО рассматривает направляемое участникам общества письменное извещение в качестве оферты (п. 5 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции).

Правовые последствия нарушения преимущественного права на приобретение доли. Зарубежные законодательства предусматривают различные последствия нарушения преимущественного права. Например, по английскому праву передача акций третьему лицу без предварительного уведомления участников компании, если такое уведомление предусмотрено уставом компании, влечет недействительность сделки (invalid) <1>.

<1> См.: Дело Tett v. Phoenix Property Inv. Co Ltd (1986). Цит. по: Judge S. Business Law. Macmillan Press Ltd. 1995. P. 200.

Российское законодательство занимает иную позицию - такое нарушение не влечет недействительности сделки уступки доли <1>. Учитывая, что ст. 168 ГК РФ допускает иные (нежели ничтожность сделки) последствия несоответствия сделки требованиям правовых актов, Закон об ООО предусматривает, что продажа доли с нарушением преимущественного права порождает право требовать перевода на участника, чье преимущественное право было нарушено, прав и обязанностей покупателя.

<1> В связи с этим высказывание В. Горлова о том, что в случае нарушения преимущественного права участники общества могут требовать признания сделки по уступке доли недействительной, является необоснованным (см.: Горлов В. Правовое положение участника общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2000. N 7).

Неприменимость норм о ничтожности уступки доли при нарушении преимущественного права поддерживается судебной практикой <1>. При этом интересно отметить, что суды иногда ссылаются на п. 3 ст. 250 ГК РФ, регулирующий действие преимущественного права при продаже доли в праве общей собственности <2>. Очевидно, что данное обоснование является несостоятельным и продиктовано неправильным представлением о правовой природе доли. Доля не закрепляет право собственности на имущество общества.

<1> См.: пункт 12 Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 9 декабря 1999 г. N 90/14; Постановления ФАС Московского округа от 2 мая 2007 г. N КГ-А40/3226-07, от 29 января 2007 г. N КГ-А41-13727/06. Тем не менее в судебной практике встречаются споры, по которым заявляются и удовлетворяются требования о признании сделки ничтожной как нарушающей преимущественное право участника. См.: решение Арбитражного суда Хабаровского края от 11 октября 2006 г. по делу N Ф03-А73/06-1/5553 (отменено Постановлением ФАС Дальневосточного округа от 6 февраля 2007 г. по делу N Ф03-А73/06-1/5553).

<2> См.: Постановление ФАС Московского округа от 29 января 2007 г. по делу N КГ-А41-13727/06.

Другими ограничениями в распоряжении долей могут выступать требование о согласии участников или самого общества на уступку доли либо запрет на уступку доли. Полный запрет на уступку доли использовался не только в обществах с ограниченной ответственностью. Даже в голландской Ост-Индской компании (1595 г.), которая считается прообразом современных акционерных обществ, уступка доли участия какое-то время была под запретом.

Запрет на уступку доли либо требование о согласии на уступку доли характерны также для товариществ (партнерств). Так, в соответствии с пп. 5 (b) ст. 6 Закона

Великобритании 1907 г. "Об ограниченных партнерствах" уступка доли возможна при наличии согласия полных партнеров <1>.

<1> Закон Великобритании 1907 г. "Об ограниченных партнерствах" // www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72515.htm.

В России уступка доли в товариществе по общему правилу допускалась только с согласия всех товарищей, что нашло отражение в практике Правительствующего Сената, который отмечал, что передача одним товарищем своих прав без согласия товарищей не может быть признана для последних и их наследников (Постановления Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената от 20 января 1894 г. N 64, от 17 марта 1905 г. N 515) <1>.

<1> См.: Добровольский А.А., Ципкин П.С. Устав Торговый (ч. 2 т. XI Свода Законов, изд. 1903 г. по сводному продолжению 1912 г.). 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1914. С. 222.

Согласно Проекту Гражданского Уложения принадлежащие товарищу права по товарищескому договору не могут быть уступаемы другому лицу без согласия всех остальных товарищей <1>.

<1> Цит. по: Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Сост. И.М. Тютрюмов. Кн. IV. М., 2004. С. 464.

Требование о согласии на уступку доли было прямо предусмотрено в Постановлении N 590. При этом п. 67 этого Постановления в императивном порядке требовал получения согласия на все случаи уступки - как участникам, так и третьим лицам. Аналогичное положение содержалось в ст. 11 Закона о предприятиях.

Постановление N 590 устанавливало, что запрет может быть предусмотрен только на случаи уступки доли третьим лицам. Соответственно уступка доли участникам общества не могла быть запрещена.

Действующее законодательство (до 1 июля 2009 г.) использует более либеральный подход к регулированию данного вопроса. По общему правилу уступка доли участникам и третьим лицам допускается без согласия остальных участников. Однако участники общества вправе оговорить в уставе, что для уступки доли необходимо получить согласие всех участников. При этом согласие может требоваться при уступке доли как участникам общества, так и третьим лицам (п. п. 1, 5 ст. 21 Закона об ООО).

Новая редакция Закона об ООО прямо оговаривает возможность установления требования о согласии только в отношении уступки доли другим участникам общества. При этом Закон не содержит прямой нормы о том, что устав общества может предусматривать согласие на уступку доли третьим лицам, как это сформулировано в действующей редакции. Отдельные нормы лишь косвенно упоминают о такой возможности (например, п. 10 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции). Полагаем, что такое регулирование может вызвать разногласия в судебной практике, в связи с чем рекомендуется внести изменение в новую редакцию Закона об ООО и указать, что устав общества может предусматривать необходимость получения согласия участников общества либо самого общества на уступку доли третьим лицам.

Кроме требования о согласии, устав общества может предусматривать полный запрет уступки доли. При этом действующее законодательство (до 1 июля 2009 г.) и новая редакция Закона об ООО регулируют данный вопрос по-разному. Согласно действующей редакции Закона устав общества может предусматривать запрет на уступку доли как третьим лицам, так и другим участникам общества. Новая редакция Закона об ООО указывает, что запрет может быть установлен на уступку доли третьим лицам. В

отношении запрета уступки доли другим участникам новая редакция Закона об ООО ничего не говорит (см. п. 2 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции). При этом, однако, новая редакция предусматривает, что участники общества вправе заключить договор об осуществлении прав участников общества, по которому они обязуются осуществлять определенным образом свои права и (или) воздерживаться от осуществления указанных прав, в том числе воздерживаться от отчуждения доли до наступления определенных условий (п. 3 ст. 8 Закона об ООО в новой редакции).

Итак, существенная особенность уступки доли выражается в определенных ограничениях такой уступки. Данные ограничения могут принимать форму полного запрета на уступку доли, необходимости получения согласия общества либо участников, преимущественного права остальных участников либо самого общества на приобретение доли.

Данная особенность отличает уступку корпоративных прав от уступки прав требования, поскольку уступка права требования совершается без согласия должника. В тех случаях, когда стороны оговаривают между собой, что уступка требования совершается с согласия должника (п. 2 ст. 382 ГК РФ), такое согласие будет исходить от должника. Однако для уступки доли требуется согласие лиц, которые не являются должниками участника (согласие участников общества либо самого общества). Участники общества не состоят друг с другом в обязательственных отношениях. С появлением нового субъекта права - общества - права участников по отношению друг к другу преобразуются в права участия, которым, как было уже указано в гл. 1, не корреспондирует равнозначная обязанность общества либо участников общества. Вследствие этого уступка доли отличается от цессии тем, что на такую уступку оказывают влияние лица, не состоящие в обязательственном отношении к лицу, уступающему право (долю).

Правовые последствия нарушения положений устава относительно запрета уступки доли либо получения согласия участников общества на уступку доли. Действующее законодательство (до 1 июля 2009 г.) прямо не регулирует правовые последствия нарушения запрета уступки доли (требования о согласии на уступку), как это имеет место в отношении нарушения преимущественного права. Новая редакция Закона об ООО устраняет данную неопределенность и предусматривает, что в случае уступки доли с нарушением положений устава о согласии на уступку доли либо запрета на уступку доли участник общества либо само общество вправе потребовать передачи доли обществу <1>.

<1> См.: абзац 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Отсутствие прямого положения о последствиях нарушения запрета уступки доли (требования о согласии) в действующем законодательстве зачастую приводит к разногласиям в правоприменительной практике. Арбитражные суды исходят из того, что уступка доли, совершенная с нарушением запрета либо без согласия участников, будет недействительной. Однако вопрос о характере недействительности сделки (ничтожном либо оспоримом) является неоднозначным и зависит от определения правовой природы устава общества.

Относительно природы устава существует несколько точек зрения. Одна из них заключается в признании устава нормативным правовым актом <1>. Такой взгляд вытекает из того, что корпорации создают особые правовые нормы. Эта позиция была впервые высказана О. Гирке, который отмечал, что всякий корпоративный статут создает не только правоотношения, но также правоположения, предназначенные действовать как объективное право <2>.

<1> См.: Гражданское право: Учебник. Ч. I. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. С. 127. См. также: Комментарий к Федеральному

закону "Об обществах с ограниченной ответственностью". 4-е изд., доп. и перераб. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007. С. 90; Юкша Я.А. Указ. соч. С. 58; Мейер Д.И. Указ. соч. С. 676

<2> См.: Gierke O. Deutsches Privatrecht. P. 151. Цит. по: Таль Л.С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия // Юридический вестник. 1915. N 9. С. 25.

Такое понимание природы корпоративных актов нашло отклик в российской дореволюционной литературе. Так, Л.С. Таль отмечал следующее: "Если частноправовыми актами создаются абстрактные нормы, то к таким актам уже не приложимы мерки, обычно предъявляемые к частноправовым волеизъявлениям. Установленный ими порядок есть нечто большее, чем комплекс индивидуальных правоотношений. Он приобретает характер объективного правопорядка" <1>. При этом ученый признавал, что нормы частного правопорядка (в частности, уставы организаций) занимают как бы среднее положение между договором и законом <2>.

<1> Таль Л.С. Указ. соч. С. 20.

<2> См.: Там же. С. 27.

Согласно такому пониманию устав общества следует рассматривать как правовой акт, наряду с законом и подзаконными актами. Соответственно, нарушение положений устава о запрете уступки доли является нарушением нормативного правового акта. Занимая эту позицию, приходится прийти к заключению, что уступка доли, совершенная с таким нарушением, является ничтожной в силу ст. 168 ГК РФ.

Данная позиция встречается в судебной практике <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 22 марта 2007 г. по делу N КГ-А41/1835-07; Постановления ФАС Дальневосточного округа от 23 января 2007 г. по делу N Ф03-А04/06-1/4979, от 2 мая 2007 г. по делу N Ф03-А51/07-1/975.

Отметим также, что вопрос квалификации устава в качестве правового акта был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, однако суд не высказал каких-либо суждений по существу вопроса <1>.

<1> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. N 550-О.

Указанное понимание устава представляется необоснованным. Как справедливо подчеркивает Г. Цепов, ГК РФ не предусматривает права граждан и юридических лиц создавать нормы гражданского права, не известно ему и понятие локального нормативного акта <1>.

<1> См.: Цепов Г. Договор или обязательство? // Журнал для акционеров. 1999. N 1.

Л. Эннекцерус отмечал, что корпорации создают не объективное право, а только правоотношения, непосредственное действие которых ограничивается корпорацией и ее членами <1>.

<1> См.: Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М., 1949. С. 157.

Нормы устава, действительно, создают положения, которые могут применяться неоднократно. Однако утверждение устава является частноправовым действием и не

исходит от публичного образования. Поэтому по своей юридической силе устав является таким же актом, как и любая гражданско-правовая сделка.

Понимание устава как нормативного акта не может быть принято и в силу толкования норм законодательства, а также в силу прямых разъяснений, содержащихся в судебной практике. Отрицание природы устава как нормативного акта можно проследить на примере ст. 43 Закона об ООО. В соответствии с п. 1 данной статьи решение общего собрания участников, принятое с нарушением Закона об ООО, иных правовых актов, устава, может быть признано недействительным. Как следует из буквального толкования данной нормы, устав не относится законом к числу правовых актов - в противном случае норма была бы сконструирована следующим образом: "...с нарушением Закона об ООО, иных правовых актов, в том числе устава".

Кроме того, в Приказе Министерства юстиции РФ от 4 мая 2007 г. N 88 <1> содержится следующее определение нормативного правового акта - это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. При этом под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение <2>. Данное определение было заимствовано Минюстом России из Постановления Государственной Думы РФ от 11 ноября 1996 г. N 781-II ГД <3>.

<1> Российская газета. 2007. 24 мая.

<2> См.: пункт 2 Приказа Министерства юстиции РФ от 4 мая 2007 г. N 88 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. N 23.

<3> Постановление Государственной Думы РФ от 11 ноября 1996 г. N 781-II ГД "Об обращении в Конституционный Суд РФ" // СЗ РФ. 1996. N 49. Ст. 5506.

Такое понимание правового акта безоговорочно принято в судебной практике на уровне ВАС РФ <1>. Нижестоящие суды также справедливо указывают, что устав не является законом или правовым актом, следовательно, сделки, совершенные с нарушением положений устава, не могут быть признаны недействительными на основании ст. 168 ГК РФ <2>.

<1> См.: Постановления Президиума ВАС РФ от 9 октября 2007 г. N 7526/07, от 16 января 2007 г. N 12547/06.

<2> См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 3 апреля 2007 г. по делу N А33-6183/06-Ф02-932/07; Постановления ФАС Уральского округа от 13 февраля 2007 г. по делу N Ф09-12238/06-С4, от 14 февраля 2007 г. по делу N Ф09-673/07-С4, от 27 августа 2007 г. по делу N Ф09-7610/06-С4.

Полагаем, что такое толкование правоприменительной практикой природы правовых норм является обоснованным. С учетом изложенного устав общества нельзя признать нормативным правовым актом, нарушение которого влечет последствия, предусмотренные для нарушения правового акта (ст. 168 ГК РФ).

Другая точка зрения заключается в том, что в основе устава лежит гражданско-правовой договор. Эта позиция была разработана еще в дореволюционной доктрине. Так, П.Н. Гуссаковский со ссылкой на практику Сената отмечал, что в акционерных обществах устав имеет такое же значение, какое имеет товарищеский договор в других видах товарищества <1>.

<1> См.: Гуссаковский П.Н. Указ. соч. С. 49.

Это же мнение встречаем у С.П. Никонова, который пишет, что акционерное товарищество образуется посредством договора, с той лишь разницей, что договор этот носит название устава <1>.

<1> См.: Никонов С.П. Юридическая природа торговых и промышленных предприятий. Петроград, 1917. С. 81.

А. Квачевский указывал, что устав акционерного товарищества есть договорный акт между акционерами; он не есть особый закон, устанавливаемый верховной властью; поэтому постановления устава в случае неполноты и неясности их должны быть толкуемы по тем же правилам, как и договоры <1>. Аналогичная позиция у В. Максимова <2>.

<1> См.: Квачевский А. Указ. соч. С. 43 - 44.

<2> См.: Максимов В. Указ. соч. С. 62.

В зарубежной литературе данное мнение поддерживается Л. Эннекцерусом <1>, в отечественной современной литературе - Н.В. Козловой <2>.

<1> См.: Эннекцерус Л. Указ. соч. С. 373, 403.

<2> См.: Козлова Н.В. Учредительный договор о создании коммерческих товариществ и обществ. М., 1994. С. 73. Однако данная позиция была уточнена автором позднее. См. об этом ниже.

В судебной практике этот подход наиболее явно выражен Президиумом ВАС РФ в Постановлении от 10 апреля 2007 г. N 13104/06 <1>, где сказано, что в основании устава лежит соглашение участников, которое носит гражданско-правовой характер.

<1> Вестник ВАС РФ. 2007. N 7.

Рассмотрение устава как договора встречается также в практике нижестоящих арбитражных судов. Так, суд подчеркнул, что устав общества основан на учредительном договоре, соответственно на него распространяются положения о сделках <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14 февраля 2006 г. по делу N Ф03-А59/05-1/3682.

Полагаем, что с данной позицией следует согласиться, но с определенными оговорками.

Во-первых, устав устанавливает абстрактные нормы, которыми руководствуются участники общества. Во-вторых, в отличие от классической конструкции гражданско-правового договора, устав изменяется большинством участников (путем голосования). В-третьих, как справедливо указывает Н.В. Козлова, устав создает корпоративное правоотношение, круг участников которого гораздо шире, чем круг участников сделки <1>.

<1> См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 257-259; Она же. Правосубъектность юридического лица // Законодательство. 2003. N 12.

Данные особенности позволяют Н.В. Козловой квалифицировать устав в качестве корпоративной сделки (односторонней либо многосторонней) <1>. При этом данная сделка является гражданско-правовой <2>.

<1> Под корпоративной сделкой понимается действие одного или нескольких учредителей (участников) юридического лица, а также одного или нескольких лиц,

исполняющих функции его единоличного либо члена коллегиального органа, направленное на установление, изменение либо прекращение корпоративного отношения. См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 115.

<2> См.: Там же. С. 256.

Против рассмотрения устава в качестве гражданско-правовой сделки выступает Д. Степанов, который доказывает, что сделка является одноактовым поведением лица, что не соответствует природе устава <1>.

<1> См.: Степанов Д. Правовая природа устава юридического лица // Хозяйство и право. 2000. N 6.

Такая аргументация представляется спорной. Сам устав как документ является формой данной сделки, выражающей содержание прав и обязанностей, на возникновение которых направлено утверждение устава. Действием же, или, по терминологии Д. Степанова, одноактовым поведением, является утверждение устава, которое соответствует ст. 153 ГК РФ для признания данного действия сделкой.

Второй довод Д. Степанова против признания устава в качестве сделки состоит в том, что устав ориентирован на оформление структуры юридического лица, которое в принципе должно существовать бессрочно <1>. Однако этот аргумент также несостоятелен, поскольку ГК РФ не ограничивает цели гражданско-правовых сделок по их сроку. Следовательно, целью сделки может быть возникновение любого, в том числе бессрочного, правоотношения (например, аренда на неопределенный срок (п. 2 ст. 610 ГК РФ)).

<1> См.: Там же. С. 47.

Кроме того, учредительный договор в хозяйственном товариществе играет роль, аналогичную уставу в обществе с ограниченной ответственностью, т.е. также направлен на оформление структуры юридического лица (п. 2 ст. 52 ГК РФ). Между тем природа учредительного договора как гражданско-правовой сделки не вызывает у Д. Степанова сомнений.

С этим, кстати, связан дополнительный довод в пользу признания договорного характера устава - необходимость признания равного подхода к регулированию последствий нарушения учредительных документов в товариществах и обществах. Как было отмечено выше, хозяйственные товарищества и общества имеют одни исторические корни. Поэтому вполне логично, чтобы вопросы, вытекающие из договорного характера этих объединений, решались единообразно. Между тем отрицание договорного характера устава может повлечь различный подход к решению вопросов о последствиях нарушения учредительных документов товариществ и обществ. Поскольку единственным учредительным документом товарищества является учредительный договор, нарушение такого договора будет влечь гражданско-правовые последствия, предусмотренные для договорных нарушений. Отрицание же договорной природы устава автоматически ставит под сомнение применение к таким нарушениям норм о нарушении договоров. Следовательно, одни и те же нарушения в товариществах и обществах получают различное регулирование, что представляется необоснованным.

Еще один довод Д. Степанова состоит в том, что договорная теория не может объяснить природу устава в случае, если у общества один участник и, соответственно, договор заключать не с кем <1>.

<1> См.: Степанов Д. Правовая природа устава юридического лица // Хозяйство и право. 2000. N 6.

Действительно, в обществах с одним участником затруднительно говорить об уставе как о договоре между участниками. Однако это не умаляет природы устава как сделки. В основе такого устава лежит волеизъявление одного лица - единственного участника. Следовательно, в этом случае правовая природа устава (точнее, утверждения такого устава) носит не договорный характер, а характер односторонней сделки.

Есть еще один аргумент в пользу договорного характера устава в части установления запрета уступки доли. Даже если признать, что устав формирует организационную структуру юридического лица, данное допущение не будет распространяться на положения устава относительно запрета уступки доли. Ведь запрет на уступку доли касается отношений между участниками общества и не относится к структуре юридического лица. Следовательно, такое положение устава в любом случае носит характер гражданско-правового соглашения, даже если согласиться с позицией Д. Степанова.

Концепция Д. Степанова, предлагающая рассматривать устав в качестве правоприменительного акта, обоснованно подвергается критике в литературе <1>.

<1> См.: Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 249 - 250.

Таким образом, в основе положений устава общества о запрете уступки доли (требования о согласии на уступку) лежит гражданско-правовая сделка (соглашение). Следовательно, нарушение ограничений устава относительно запрета уступки доли либо согласия на уступку не может влечь ничтожность уступки доли на основании ст. 168 ГК РФ. Поскольку в основе положений устава общества о запрете уступки доли лежит гражданско-правовое соглашение, нарушение этих положений следует квалифицировать в качестве выхода за пределы ограничений, установленных договором.

Следовательно, уступку доли, совершенную с нарушением положений устава о запрете (согласии) уступки доли, следует квалифицировать как оспоримую сделку (по законодательству, действующему до 1 июля 2009 г.). В соответствии со ст. 174 ГК РФ, если полномочия лица на совершение сделки ограничены договором и при ее совершении такое лицо вышло за пределы этих ограничений, сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения.

Отметим, что в Определении ВАС РФ от 16 февраля 2007 г. N 13104/06 о передаче дела в Президиум ВАС РФ судьи (в частности, Л.А. Новоселова) отметили, что обход положения устава о запрете отчуждения доли без согласия других участников общества следует рассматривать как нарушение закона, а сделку, совершенную вопреки этому запрету, как ничтожную, а не оспоримую. Данный вывод был обоснован также тем, что доля в уставном капитале наряду с правами включает в себя и обязанности, а замена обязанной стороны без согласия управомоченного лица противоречит природе правоотношений.

Аргументация данного определения очень интересна, однако не менее спорная. Данный подход можно понять более глубоко, обратившись к научной работе Л.А. Новоселовой <1>. Не оспаривая договорную природу устава общества, Л.А. Новоселова указывает, что обход положения устава о запрете уступки доли без согласия общества можно квалифицировать как нарушение закона, поскольку "в этом случае невозможность уступки права без согласия должника определяется законом" <2>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 217.

<2> См.: Там же. С. 217.

Представляется, что такой подход является необоснованным, поскольку положениям договора, по существу, придается сила правового акта. Само по себе упоминание закона о возможности установить запрет распоряжаться объектом не может свидетельствовать о

том, что сделка, совершенная в обход такого запрета, является нарушением закона. Ведь запрет установлен не прямо в законе, а волеизъявлением частных лиц (договором, уставом). Между тем суть требования ст. 168 ГК РФ в том, чтобы признавать ничтожными только те сделки, которые напрямую противоречат правовым актам. В противном случае можно говорить о том, что нарушение любого договорного положения, установленного в рамках диспозитивной нормы, есть нарушение закона, поскольку закон допускает установление таких положений договором (уставом). Однако данный вывод несостоятелен. Вследствие этого представляется, что Президиум ВАС РФ обоснованно занял позицию, противоположную указанной в Определении, признав нарушение устава основанием для применения норм о нарушении договора.

Второй аргумент Л.А. Новоселовой состоит в том, что на участнике общества лежат определенные обязанности, а именно обязанность не разглашать конфиденциальную информацию <1>. Вместе с тем эта обязанность лежит не только на участнике общества с ограниченной ответственностью, но также и на акционере. Между тем продажа акции не требует согласия иных акционеров.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 206.

Л.А. Новоселова отмечает, что ничтожность уступки в данной ситуации представляется излишне строгим правовым последствием, а признание уступки доли - оспоримой сделкой на основании ст. 174 ГК РФ и имеет ряд преимуществ <1>. В итоге не совсем понятно, какую недействительность (относительную либо абсолютную) влечет, по мнению автора, уступка доли, совершенная с нарушением устава.

<1> См.: Там же. С. 218.

Таким образом, нарушения положений устава о запрете уступки доли либо о получении согласия на уступку доли являются основанием для признания уступки доли оспоримой сделкой в соответствии со ст. 174 ГК РФ (по законодательству, действующему до 1 июля 2009 г.).

Как было указано выше, новая редакция Закона об ООО предусматривает, что в случае уступки доли с нарушением соответствующих положений устава любой участник общества либо само общество вправе потребовать передачи доли обществу <1>. В целом предлагаемое изменение представляется положительным, поскольку устраняет правовую неопределенность в отношении последствий нарушения положений устава, ограничивающих уступку доли.

<1> См.: абзац 3 п. 18 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Запрет уступки неоплаченной доли в уставном капитале. Еще одно ограничение уступки доли связано с ее оплатой, а именно: уступка неоплаченной доли (части доли) запрещена.

Данное ограничение введено для того, чтобы не допустить в оборот объекты, формально существующие, но не имеющие реального имущественного содержания <1>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 214.

Это правило было известно до вступления в силу ГК РФ и Закона об ООО. Так, в соответствии с п. 67 Постановления N 590 передача доли третьим лицам была возможна только после полного внесения вклада уступающим ее участником. Отметим, что по

смыслу нормы уступка неоплаченной доли иным участникам (а не третьим лицам) допускалась.

Действующее законодательство так определяет данное правило: участник общества не может уступить долю, если она не оплачена (либо неоплаченную часть доли) (п. 3 ст. 21 Закона об ООО). Соответственно, независимо от того, кто приобретает долю (участник, третье лицо, общество), такая уступка не допускается. Новая редакция Закона об ООО также содержит данное правило <1>.

<1> См.: пункт 3 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Последствие нарушения данного положения состоит в том, что такая уступка будет недействительной (ничтожной) сделкой, поскольку противоречит требованиям закона. При этом каких-либо разногласий по этому поводу в судебной практике нет <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15 мая 2007 г. по делу N А19-22993/06-Ф02-2688/07; Постановление ФАС Поволжского округа от 22 марта 2007 г. по делу N А57-10549/06.

§ 2. Сделка уступки доли в уставном капитале

Первым фактом в юридическом составе перехода права участия является сделка по отчуждению права <1>. Применительно к передаче субъективных прав в литературе подчеркивается необходимость разграничивать сделку-основание и собственно передачу субъективного права. Так, Г.Ф. Шершеневич указывал, что акт передачи права (цессия) отличен от сделки, служащей ему основанием, хотя чаще оба акта сливаются в одно. Но, по существу, они также отличны, как передача материальных вещей и лежащий в основе ее договор <2>. Н.Г. Вавин также подчеркивал, что уступка черпает свою силу безотносительно к тому основанию, на почве которого она возникла <3>. Л.А. Новоселова указывает, что сделки уступки не сливаются с договорами, лежащими в их основании <4>. Также сделка уступки права (требования) - это сделка распорядительная, т.е. сделка, приводящая к передаче имущества в виде права требования, возникшего из обязательства <5>. Аналогичное мнение встречаем у А.В. Вошатко <6>, С.В. Тарнопольской <7>.

<1> Как было указано в гл. 2 книги, вторым фактом является трансфертное объявление, а третьим - совершение трансферта, которые обсуждаются нами ниже.

<2> См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005. С. 42.

<3> См.: Вавин Н. Указ. соч. С. 24.

<4> См.: Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. С. 43.

<5> См.: Там же. С. 11.

<6> См.: Вошатко А.В. Договор уступки и каузальная сделка. С. 33.

<7> См.: Тарнопольская С.В. Право требования в гражданском обороте // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 149.

Этот же принцип Л.А. Новоселова применяет и к уступке доли, говоря, что передача имущества, не имеющего телесной формы, возможна только посредством совершения юридических действий. Таким распорядительным действием и должна считаться сделка уступки доли, совершение которой приводит к переходу доли как имущества от одного лица к другому <1>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 213.

Согласно этой позиции уступка доли в уставном капитале является сделкой, отличной от сделки, служащей основанием для такой уступки. Другими словами, необходимо различать договор купли-продажи доли (договор дарения, мены и проч.) и собственно передачу доли по данному договору. При этом сторонники данной позиции также указывают на абстрактный характер уступки доли. Из этого следует, что признание недействительным, например, договора купли-продажи доли не влечет недействительности самой уступки доли.

Эта позиция обоснованно подвергается критике. Так, М.И. Брагинский полагает, что сделки цессии должны рассматриваться в тесной связи с договором, лежащим в их основе, и недействительность этого договора, следовательно, должна приводить к недействительности цессии <1>.

<1> См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1. С. 465 - 466.

А.С. Яковлев справедливо отмечает, что право нельзя, в отличие от вещи, вручить, отправить по почте или сдать для перевозки в силу его нематериальности. Поэтому неверным является вывод об абстрактном характере сделки по передаче права - такой сделки просто не существует <1>.

<1> См.: Яковлев А.С. Указ. соч. С. 94.

Согласно этой позиции абстрактный характер сделки по передаче вещи (традиция) не может быть распространен на передачу имущественных прав, поскольку для передачи прав достаточно лишь соглашения сторон.

По существу, договор о передаче субъективного права не порождает каких-либо прав и обязанностей сторон по передаче предмета договора (субъективного права), поскольку сам факт заключения договора автоматически влечет такой переход. Этим договор о передаче права похож на так называемые вещные договоры, которые, в отличие от обязательственных, влекут переход предмета в силу заключения договора (классическим примером вещного договора является дарение).

Полагаем, что последняя позиция представляется более убедительной. Доля является нематериальным объектом, а уступка доли отождествляется с договором (сделкой), который лежит в основании уступки доли. Соответственно, совершение каких-либо действий по передаче данного права, в частности составление акта приема-передачи доли, не требуется. Сам факт заключения договора (например, купли-продажи) является достаточным основанием для перехода доли (при условии уведомления общества об уступке и учинения трансферта). Отсюда следует, что вопрос о признании передачи доли недействительным также не возникает, поскольку признание договора, на основании которого совершена уступка доли, недействительным является основанием для недействительности самого перехода доли.

Если иное не предусмотрено договором, обязанность продавца по передаче доли считается исполненной в момент заключения договора. При этом обязанность продавца в чистом виде отсутствует, поскольку факт заключения договора о передаче доли влечет такую передачу, а не возникновение обязанности по передаче доли.

Непонимание распорядительной природы сделки уступки доли довольно часто приводит к неправильным выводам на практике.

Так, по одному делу было установлено заключение двух договоров дарения доли между одними и теми же лицами (с промежутком в два месяца). По условиям первого договора он (договор) считается заключенным с момента передачи дара. Арбитражный

суд указал, что наличие двух договоров может свидетельствовать о том, что доля не была передана по первому договору и, следовательно, первый договор дарения сторонами не был заключен <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 3 апреля 2007 г. по делу N А33-6183/06-Ф02-932/07.

В данном деле суд ошибочно сделал вывод о незаключении первого договора дарения. Непонятно, какие действия должны совершить стороны для передачи имущественного права (доли), ведь сам факт заключения договора дарения доли подтверждает передачу доли (после совершения трансферта).

По обстоятельствам другого дела договор купли-продажи доли был заключен в 2005 г., акт передачи доли был составлен лишь в 2006 г. На этом основании суд указал, что исполнение договора в части передачи доли было осуществлено в 2006 г. <1> Данное решение также представляется ошибочным, поскольку для передачи доли не требуется совершение отдельных сделок, как, например, передача вещей. Имущественное право переходит в силу самого факта заключения договора.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 5 марта 2007 г. N КГ-А41/953-07-2.

Такое неправильное понимание встречается и на уровне ВАС РФ (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2007 г. N 13999/06 <1>). По обстоятельствам дела продавец и покупатель заключили договор купли-продажи доли с отлагательным условием (исполнение продавцом заемного обязательства, обеспеченного залогом доли). После того как отлагательное условие наступило, покупатель направил продавцу уведомление о намерении купить долю и перечислил денежные средства на расчетный счет продавца в счет оплаты доли. Поскольку продавец оставил данное уведомление без удовлетворения, покупатель обратился в суд с требованием признать право собственности на долю.

<1> Вестник ВАС РФ. 2007. N 5.

Суд первой инстанции удовлетворил требование. ВАС РФ отменил решение и указал, что для перехода доли продавец должен предварительно осуществить необходимые, в соответствии с законодательством и уставом общества, действия для перехода к покупателю права собственности на долю <1>.

<1> Президиум ВАС РФ направил дело на новое рассмотрение для определения допустимости использования истцом такого способа защиты, как признание права собственности на долю.

Однако осталось непонятным, какие действия продавца, необходимые для перехода доли, имел в виду ВАС РФ. Представляется, что в данном случае обязанность по передаче доли покупателю считается исполненной с момента наступления отлагательного условия.

Таким образом, договор, на основании которого происходит уступка доли, является распорядительной сделкой, т.е. сделкой, влекущей переход доли к приобретателю (после изменения сведений о принадлежности доли - трансферта). Совершения каких-либо действий со стороны продавца по передаче доли не требуется.

Возмездный и безвозмездный характер уступки доли. Сделка уступки доли может носить как возмездный, так и безвозмездный характер, поскольку такая уступка происходит в рамках гражданско-правовых договоров, из которых передаваемые права и обязанности возникли. При этом в случае отсутствия в договоре указания на возмездный

либо безвозмездный характер передачи доли договор в силу п. 3 ст. 423 ГК РФ предполагается возмездным.

Если передача доли осуществляется за плату, к такому договору подлежат применению положения о купле-продаже (п. 4 ст. 454 ГК РФ). Эта позиция правомерно поддерживается судебной практикой. Так, суд при рассмотрении спора исходил из консенсуального характера договора уступки доли, поскольку по всем признакам он соответствовал договору купли-продажи <1>.

<1> См.: Постановления ФАС Московского округа от 13 июня 2007 г. по делу N КГ-А40/5148-07, от 13 марта 2007 г. по делу N КГ-А41/953-07-2.

Если встречным представлением по договору о передаче доли будут не денежные средства, а иное имущество, то к данному договору будут применяться положения о мене <1>.

<1> Нужно отметить, что судебная практика отрицает возможность применения положений о мене в отношении имущественных прав.

Если доля передается на безвозмездной основе, применяются правила о дарении. В силу прямого указания ст. 572 ГК РФ предметом договора дарения может быть имущественное право. Следовательно, к безвозмездной передаче доли, являющейся по своей природе имущественным правом, применяются положения гл. 32 ГК РФ.

Вместе с тем применительно к цессии некоторые авторы полагают, что передача прав требований осуществляется на основании особого договора (В.В. Витрянский), отличного от договоров купли-продажи, мены, дарения. Эта позиция основана на особом (нематериальном) характере предмета договора. Поскольку доля, как и требование, является субъективным правом, можно предположить, что доля передается также на основании особого договора уступки.

Однако представляется, что веских оснований для выделения специального договора о передаче нематериальных предметов нет. Как справедливо отмечает Л.А. Новоселова, для целей регулирования оборота вид имущества имеет второстепенное значение. На первый план выходит регулирование взаимных прав и обязанностей сторон, которые, по существу, однотипны в обоих рассматриваемых случаях <1>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. С. 34.

Существенные условия договора об уступке доли определяются в главах ГК РФ о соответствующих договорах (купля-продажа, мена, дарение) <1>. А поскольку существенным условием любого договора является его предмет (п. 1 ст. 432 ГК РФ), в договоре должно быть согласовано условие о передаваемой доле. Данное условие можно считать согласованным, если указаны:

<1> См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12 апреля 2007 г. по делу N Ф04-3920/2006(32878-А03-13).

- 1) общество, доля в уставном капитале которого подлежит уступке;
- 2) участник, которому принадлежит уступаемая доля;
- 3) размер и номинальная стоимость доли.

Кроме того, в договоре следует указать действительную стоимость доли. Действующее законодательство не требует включать данное условие в договор. Однако наличие указания на действительную стоимость доли, подтвержденное документально, обеспечит достоверное представление сторон об экономическом состоянии общества и,

соответственно, о реальной экономической ценности доли. Отсутствие же такой информации может привести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных продавцов, в частности для признания уступки доли недействительной на основании ст. 179 ГК РФ, что встречается в судебной практике <1>. В данном случае должна присутствовать та же логика, что и при продаже предприятия, требующая составлять акт инвентаризации и бухгалтерский баланс (ст. 561 ГК РФ).

<1> См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 12 апреля 2007 г. по делу N А79-9413/2004-СК2-8784.

Для подтверждения действительной стоимости доли к договору следует прилагать бухгалтерский баланс общества за последний отчетный период. Желательно также определить рыночную стоимость чистых активов общества, соответствующих размеру доли. Такая стоимость может подтверждаться заключением эксперта <1>.

<1> Более подробно соотношение действительной стоимости доли и рыночной стоимости чистых активов будет обсуждаться далее.

Необходимо отметить, что законодательство не определяет цену доли в качестве существенного условия. Однако цена обязательно должна быть указана в договоре, если доля уступается третьему лицу. Это объясняется тем, что при такой продаже остальные участники общества имеют преимущественное право на покупку доли по цене предложения. Соответственно, если участник не указал цену доли в договоре с третьим лицом, остальные участники вправе потребовать перевода на себя прав по такому договору, поскольку доля была продана на иных условиях, нежели были предложены таким участникам.

В случае если в договоре цена не предусмотрена, стоимость доли определяется по правилам п. 3 ст. 424 ГК РФ. Вместе с тем данное положение сложно применить к субъективным правам, в том числе к доле в уставном капитале. А.С. Яковлев обоснованно отмечает, что стоимость права требования является субъективной, поскольку зависит от состояния должника <1>. Полагаем, стоимость доли должна быть в любом случае не ниже ее действительной стоимости, т.е. приходящейся на долю стоимости чистых активов <2>. Причем стоимость чистых активов следует определять не по бухгалтерскому балансу, а исходя из рыночной стоимости имущества.

<1> См.: Яковлев А.С. Указ. соч. С. 144.

<2> При этом продажа доли по цене ниже действительной стоимости доли расценивается налоговыми и финансовыми органами как обстоятельство для доначисления налогов на основании ст. 40 НК РФ (см. письмо Минфина России от 31 января 2006 г. N 03-05-01-04/14).

Продавец доли обязан передать долю, свободную от прав третьих лиц. Действующее законодательство устанавливает возможность залога доли. Кроме того, обременения могут быть связаны с уступкой доли. В случае когда в отношении доли заключен договор об отчуждении, но эта доля еще не перешла к приобретателю (например, если договор предусматривает переход доли после наступления определенного срока либо иного условия), такая доля является обремененной правами приобретателя. Соответственно, уступка такой доли не допускается. Если продавец передал обремененную долю, покупатель вправе воспользоваться правами, предусмотренными абз. 2 п. 1 ст. 460 ГК РФ.

Форма договора об уступке доли в уставном капитале. В отношении совершения сделки действующее законодательство (до 1 июля 2009 г.) устанавливает простую письменную форму, несоблюдение которой влечет недействительность сделки (п. 6 ст. 21 Закона об ООО). Такой подход в отношении формы сделки характерен для большинства

зарубежных законодательств. Новая редакция Закона об ООО предусматривает, что сделка уступки доли должна совершаться в нотариальной форме <1>. Нотариальная форма уступки доли характерна для некоторых иностранных законодательств (например, для Германии).

<1> См.: пункт 11 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Письменная форма договора об уступке доли объясняется нематериальной природой доли. Единственный способ легитимации нового участника перед обществом с ограниченной ответственностью - представление доказательства уступки доли. При этом с точки зрения гражданского оборота целесообразно, чтобы такие доказательства были письменными, чтобы общество могло удостовериться в совершении сделки. Отметим, что дореволюционной судебной практике было известно правило, согласно которому именная акция или пай могли переходить не иначе, как по совершении письменного акта <1>.

<1> Цит. по: Добровольский А.А., Ципкин П.С. Указ. соч. С. 243.

Введение с 1 июля 2009 г. нотариальной формы уступки доли представляется обоснованной мерой, поскольку позволит сократить число мошеннических сделок с долями в уставном капитале и, соответственно, количество корпоративных конфликтов. Как показывает практика, для того чтобы похитить долю, достаточно подать соответствующее заявление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, приложив к нему липовый договор купли-продажи <1>. Проверка сделки по уступке доли лицом, имеющим соответствующие квалификационные навыки (нотариусом), позволит избежать данной ситуации <2>.

<1> См.: Ионцев М.Г. Указ. соч. С. 64.

<2> Привлечение нотариусов к проверке юридических действий в корпоративных правоотношениях является одной из законодательных инициатив в борьбе с корпоративными захватами. См.: Плигин В. Способы борьбы с корпоративными конфликтами // Закон. 2007. N 3.

При этом нотариальная форма уступки доли отвечает специфике оборота рассматриваемого объекта. Напомним, что европейские законодательства с самого начала устраняли спекуляцию долями, что обусловлено лично-доверительным характером отношений между участниками общества с ограниченной ответственностью. Нотариальная форма уступки доли сохранилась по сегодняшний день, в частности в Германии.

§ 3. Уведомление об уступке доли в уставном капитале (трансфертное объявление)

Как было указано в гл. 2, вторым фактом в юридическом составе передачи прав участия является трансфертное объявление - извещение компании и (или) иного уполномоченного лица, ведущего реестр участников (регистратора), об уступке права участия. Согласно действующему законодательству об обществах с ограниченной ответственностью (до 1 июля 2009 г.) трансфертное объявление осуществляется путем извещения общества об уступке доли (п. 6 ст. 21 Закона об ООО). Новая редакция Закона об ООО предусматривает направление трансфертного объявления в адрес государственного органа, ведущего реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), а также в адрес общества (п. п. 14, 15 Закона об ООО в новой редакции).

Однако и действующая, и новая редакции имеют серьезные недостатки в регулировании трансфертного объявления, поскольку не учитывают особый (трансфертный) порядок передачи прав участия.

Напомним, что юридический состав передачи права участия включает три факта - сделку, трансфертное объявление и трансферт. При этом отсутствие хотя бы одного из этих элементов означает, что право участия не переходит к приобретателю. Согласно действующей редакции Закона об ООО приобретатель доли осуществляет права и несет обязанности участника общества с момента уведомления общества об уступке доли (п. 6 ст. 21 Закона об ООО). Как следует из нормы, для перехода доли достаточно двух фактов - сделки уступки доли и трансфертного объявления (уведомления общества) <1>. Данный подход обусловлен, вероятно, сложностью совершения трансферта в связи с уступкой доли. В соответствии с действующей редакцией абз. 6 п. 2 ст. 12 Закона об ООО сведения о долях участников отражаются в уставе общества. Соответственно, для внесения сведений об уступке доли необходимо изменить устав общества. Однако это может занять довольно продолжительное время, поскольку изменение устава общества является исключительной компетенцией общего собрания участников (пп. 2 п. 2 ст. 33 Закона об ООО), и, следовательно, потребуются созыв общего собрания участников и принятие соответствующего решения. В связи с этим законодатель установил, что переход доли происходит не с момента внесения сведений в устав общества, а с момента уведомления общества об уступке доли.

<1> Аналогичное регулирование встречаем в германском праве. В соответствии со ст. 16 Закона Германии "О товариществах с ограниченной ответственностью" приобретателем по отношению к обществу в случае отчуждения доли считается лицо, о приобретении которого обществу заявлено с подтверждением перехода доли. Как отмечает С. Айгнер-Хегер, по законодательству Германии для перехода права участия необходим договор о передаче, а также сообщение самой компании. См.: Айгнер-Хегер С. Указ. соч. С. 85.

Вместе с тем такое регулирование вызывает серьезные разногласия в литературе и правоприменительной практике относительно момента перехода доли, поскольку, с одной стороны, сведения о долях отражаются в уставе общества, а с другой стороны, в силу прямого указания закона доля переходит к приобретателю с момента уведомления общества об уступке доли. Одни авторы считают, что для третьих лиц приобретатель доли становится участником с момента государственной регистрации изменений в учредительных документах (В.А. Горлов, Н.Н. Пахомова, Л.А. Новоселова, Д.В. Мурзин) <1>. Данный подход основан главным образом на п. 3 ст. 52 ГК РФ, в соответствии с которым изменения учредительных документов приобретают силу для третьих лиц с момента государственной регистрации. Соответственно, до регистрации изменений в уставе общества (т.е. до совершения трансферта) приобретатель доли не является обладателем доли.

<1> См.: Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Указ. соч. С. 143; Пахомова Н.Н. Спорные вопросы возникновения статуса участника общества с ограниченной ответственностью, статуса акционера // Актуальные вопросы налогового, гражданского, корпоративного права: Сб. статей. М., 2004. С. 130; Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 222; Мурзин Д.В. Указ. соч. С. 61.

Другие авторы подчеркивают, что применительно к обществам с ограниченной ответственностью значение государственной регистрации не следует преувеличивать. Так, А.В. Валуйский отмечает, что учредительные документы общества с ограниченной ответственностью не являются абсолютным и бесспорным подтверждением права лица на

долю в уставном капитале общества <1>. Д. Степанов указывает, что лицо, приобретающее долю, может быть некоторое время участником общества и без внесения соответствующих изменений в устав и учредительный договор общества <2>.

<1> См.: Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на долю в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. - март 2006 г.).

<2> См.: Степанов Д. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика // Хозяйство и право. 2000. N 12.

В.И. Добровольский занял промежуточную, однако противоречивую позицию. С одной стороны, автор говорит: для того чтобы третьи лица рассматривали нового участника общества в качестве надлежащего, необходима государственная регистрация изменений в устав общества <1>. С другой стороны, встречаем противоположное мнение автора: при взаимоотношениях с третьими лицами участник вправе сослаться на факт уведомления общества о состоявшейся уступке доли <2>. При этом далее В.И. Добровольский указывает, что третьи лица вправе не признавать лицо, не указанное в уставе, участником общества <3>. В итоге не понятно, с какого момента происходит переход доли и приобретатель доли становится участником общества.

<1> См.: Добровольский В.И. Анализ и комментарий корпоративного законодательства и судебной практики. М., 2007. С. 135.

<2> См.: Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М., 2006. С. 61.

<3> См.: Там же. С. 61.

Разночтения встречаются и в судебной практике. С одной стороны, суды указывают, что доля переходит к приобретателю с момента уведомления общества, при этом ссылка на п. 3 ст. 53 ГК РФ признается ошибочной <1>. Суд отметил, что переход права на долю произошел в момент уведомления общества об уступке доли, одновременно у участника возникло право отчуждения доли иным участникам общества <2>.

<1> См.: Определение ВАС РФ от 20 августа 2008 г. N 10678/08; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29 июня 2006 г. по делу N А39-6522/2005-253/8. См. также: Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. N 5539/08.

<2> См.: Постановление ФАС Центрального округа от 17 ноября 2006 г. по делу N А35-3174/05с4.

С другой стороны, встречаются дела, в которых суды игнорируют значение уведомления при решении вопроса о переходе доли. Так, в одном деле суд указал, что уведомление общества об уступке доли не может подтверждать тот факт, что участник действительно намеревался передать свою долю, о наличии такой воли достоверно свидетельствует государственная регистрация изменений в учредительные документы <1>. В другом деле суд не исследовал вопрос о факте уведомления общества по первой сделке уступки доли, установив переход доли на основании данных государственной регистрации в ЕГРЮЛ <2>. В третьем деле суд отметил, что лицо не имело права отчуждать кому-либо долю до регистрации его в качестве участника <3>.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 17 мая 2007 г. N КГ-А41/13461-06.

<2> См.: Постановление ФАС Московского округа от 26 июня 2007 г. по делу N КГ-А40/4328-07.

<3> См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14 июля 2005 г. по делу N А29-10329/2004-2э.

Таким образом, действующая редакция Закона об ООО в части регулирования уведомления общества об уступке доли вызывает серьезные разногласия в литературе и судебной практике, что не может не сказываться на защищенности участников общества и приобретателей долей.

Новая редакция Закона об ООО предусматривает еще более серьезное отступление от общего правила перехода прав участия. В соответствии с п. 12 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции доля в уставном капитале переходит с момента нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли. Таким образом, из юридического состава перехода доли исключен не только трансферт, как в действующей редакции, но и трансфертное объявление.

Нужно отметить, что достаточность сделки для перехода доли находит серьезную поддержку в литературе и правоприменительной практике. Так, Л.А. Новоселова указывает, что между сторонами уступки переход доли определяется моментом совершения соглашения о передаче доли <1>. Применительно к переходу акций такую позицию поддерживал Г.Ф. Шершеневич, который указывал, что переход прав, соединенных с акцией, происходит с момента передачи документа. Заявление товариществу о переходе акции имеет только то значение, что само товарищество с этого момента признает приобретателя акционером. В отношении третьих лиц заявление не имеет никакого значения <2>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 220.

<2> См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 399.

Данная позиция подтверждается действующей правоприменительной практикой. Так, истцы, оспаривая действительность доверенности ответчика, ссылались на то, что к моменту выдачи доли ответчик еще не являлся владельцем доли и, соответственно, не мог передавать несуществующие полномочия поверенному. Однако суд отверг указанный довод и отметил, что в день выдачи доверенности была заключена сделка, в соответствии с которой ответчик стал владельцем доли <1>. Таким образом, суд по рассмотренному делу исходил из того, что достаточным доказательством перехода доли является договор купли-продажи доли; уведомления общества о заключении договора не требуется.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 19 января 2006 г. N КГ-А40/13646-05.

Аналогичными доводами руководствовался Президиум ВАС РФ в Постановлении от 6 декабря 2005 г. N 9688/05 <1>. Президиум указал, что истец не имел права оспаривать действительность крупной сделки, поскольку материалами дела установлен факт отчуждения им доли в обществе, что подтверждается имеющейся в материалах дела копией договора дарения доли. Суд, таким образом, не указывает на уведомление общества как на факт, подтверждающий переход доли. По мнению суда, достаточным доказательством перехода доли считается сделка по отчуждению доли (договор дарения).

<1> См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 6 декабря 2005 г. N 9688/05 // Вестник ВАС РФ. 2006. N 5.

Министерство финансов России также указывает, что началом участия в коммерческой организации считается момент уступки доли <1>. Исходя из формулировки ответа, уведомление общества об уступке не требуется для перехода доли.

<1> См.: письмо Минфина России от 21 декабря 2007 г. N 03-11-04/2/311.

Вероятно, что указанная позиция базируется на аналогии с порядком перехода прав требования в цессии, тем более что мнение о регулировании уступки доли по правилам цессии довольно сильно распространено в научных и судебных кругах. Как известно, для перехода обязательственного права (требования) извещение должника не имеет значения правотворящего факта <1>. Цессия действительна с того момента, когда стороны достигли соглашения по всем существенным условиям данного типа договора безотносительно к обращению за содействием к третьему лицу <2>. При этом значение извещения в цессии заключается в риске неблагоприятных последствий, который ложится на нового кредитора в случае неуведомления должника о состоявшейся уступке <3>.

<1> См.: Вавин Н.Г. Указ. соч. С. 14, 15.

<2> См.: Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 183.

<3> См.: Белов В.А. Уведомление должника об уступке требования и его юридическое значение. Основным неблагоприятным последствием неуведомления является возлагаемое на нового кредитора бремя регрессного иска к цеденту (прежнему кредитору), получившему исполнение после передачи им прав.

Однако применение данного подхода к передаче прав участия вообще и доли в уставном капитале в частности является неприемлемым. Как уже отмечалось, для перехода прав участия решающее значение имеет внесение сведений о новом участнике в книги товарищества (трансферт). Поскольку принадлежность доли подтверждается записью в книгах товарищества, то совершения одной лишь сделки недостаточно для перехода доли. В противном случае теряется юридическое значение книговой (реестровой) записи. Так, согласно новой редакции Закона об ООО принадлежность доли устанавливается на основании сведений ЕГРЮЛ <1>. Следовательно, до внесения записи о новом участнике в реестр (трансферт) доля не может считаться принадлежащей и перешедшей к приобретателю.

<1> См.: п. 13 ст. 21, п. 5 ст. 31.1 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Здесь можно провести аналогию с порядком перехода прав на недвижимое имущество. Поскольку эти права также регистрируются в государственном реестре, совершение сделки по отчуждению недвижимого имущества само по себе не способно перенести права на отчуждаемое недвижимое имущество к приобретателю. Для перехода этих прав необходимо совершение соответствующей записи в государственном реестре (см. п. 2 ст. 223 ГК РФ). В отличие от этого сделка уступки права требования (цессия) является достаточным основанием для перехода требования, поскольку в обязательственных отношениях книговая запись по общему правилу не имеет решающего значения для подтверждения принадлежности требования.

Нужно также отметить, что положение новой редакции Закона об ООО о переходе доли с даты совершения сделки уступки (п. 12 ст. 21) противоречит другим нормам закона. Переход доли с момента совершения сделки должен означать, что приобретатель доли становится участником общества и пользуется соответствующими правами, в том числе правом на уступку доли. Однако согласно п. 13 ст. 21 Закона об ООО полномочие лица на отчуждение доли подтверждается нотариально удостоверенным договором, а также выпиской из государственного реестра. Следовательно, до внесения записи о

принадлежности доли (трансферте) в реестр лицо не сможет уступить долю, поскольку его полномочия не будут подтверждены. Получается, что п. п. 12 и 13 ст. 21 Закона об ООО противоречат друг другу в части момента перехода доли. Полагаем, что правильным является подход п. 13 ст. 21 Закона об ООО, подразумевающий переход доли с момента совершения трансферта. Пункт 12 ст. 21 Закона об ООО не учитывает особый (трансфертный) порядок перехода прав участия.

Таким образом, трансфертное объявление (уведомление регистрирующего органа и общества об уступке доли) является юридическим фактом, необходимым для перехода доли к приобретателю. Следовательно, совершения сделки уступки доли не достаточно для перехода доли к приобретателю, требуется также трансфертное объявление и совершение трансферта.

Вместе с тем нельзя игнорировать юридический эффект, который имеет место после сделки уступки доли до трансфертного объявления и трансферта. В этом смысле следует только поддержать попытки И.М. Тютрюмова и Л.А. Новоселовой связать стороны сделки до момента уведомления общества о состоявшейся уступке и совершения трансферта.

Поскольку между совершением сделки и возникновением статуса участника имеется временной разрыв, сделка по уступке доли должна влечь правовые последствия для сторон такой сделки уже до уведомления общества об уступке. Как обоснованно подчеркивал И.М. Тютрюмов, в отношении продавца именной акции покупатель приобретает имущественные права с момента совершения сделки. В отношении товарищества, для приобретения личного участия, покупатель вступает в права с момента произведенного трансферта <1>. То же самое находим у В. Максимова <2>. Эта точка зрения, таким образом, разграничивает правовые последствия передачи доли для сторон договора и для третьих лиц, включая общество: моментом перехода прав является уведомление об уступке, однако до этого момента права отчуждателя в отношении доли ограничены.

<1> См.: Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 375.

<2> См.: Максимов В. Указ. соч. С. 34.

Указанный юридический эффект выражается в том, что участник общества, уступивший долю, до уведомления общества не вправе осуществлять права и обязанности участника против интересов приобретателя доли или распоряжаться долей. Следует согласиться с Л.А. Новоселовой в том, что, осуществляя права на управление обществом, первоначальный участник должен действовать в интересах лица, которому доля отчуждена <1>.

<1> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 221.

Продавец доли не может после заключения договора купли-продажи доли направить в общество заявление о выходе из общества и, соответственно, получить действительную стоимость доли. В данном случае заявление участника о выходе будет являться недействительной сделкой, а все полученное - неосновательным обогащением <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Уральского округа от 8 мая 2007 г. по делу N Ф09-5696/06-С4.

Представляется, что в данном случае действует правило, аналогичное норме п. 2 ст. 551 ГК РФ о том, что исполнение договора купли-продажи недвижимого имущества до государственной регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. Как отметил Пленум ВАС РФ, до регистрации перехода права собственности продавец, оставаясь собственником вещи, не

вправе распоряжаться этой вещью, поскольку последняя служит предметом исполненного продавцом обязательства <1>.

<1> См.: пункт 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. N 8 "О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // Вестник ВАС РФ. 1998. N 10.

Представляется весьма справедливым подход германского законодательства, в соответствии с которым приобретатель доли обязан признать юридические действия, которые совершены обществом по отношению к отчуждателю или отчуждателем по отношению к обществу до подачи заявления (уведомления) об уступке доли (п. 2 ст. 16 Закона "О товариществах с ограниченной ответственностью").

Как было указано выше, новая редакция Закона об ООО отличается от действующей в части порядка совершения трансфертного объявления. Прежде всего, согласно новой редакции трансфертное объявление делается в адрес регистрирующего органа, ведущего государственный реестр (ЕГРЮЛ), поскольку сведения о долях отражаются в данном реестре. Такое трансфертное объявление осуществляется нотариусом, удостоверившим сделку уступки доли. Кроме того, нотариус совершает трансфертное объявление и в адрес самого общества путем направления соответствующего заявления и подтверждающих документов. По соглашению сторон сделки уведомление общества может совершаться одной из сторон <1>. Трансфертное объявление (и в адрес регистрирующего органа, и в адрес общества) должно быть совершено в течение трех дней с момента нотариального удостоверения сделки.

<1> См.: пункты 14, 15 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Таким образом, трансфертное объявление является одним из обязательных элементов юридического состава перехода доли в уставном капитале. В связи с этим положение п. 12 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции о том, что доля переходит с момента совершения сделки уступки доли, является необоснованным и требует изменения.

§ 4. Регистрация изменений в связи с уступкой доли в уставном капитале (трансферт)

Третьим фактом в юридическом составе перехода права участия является совершение записи в книгах товарищества (трансферт). Действующая и новая редакции Закона об ООО содержат различные подходы относительно порядка совершения трансферта.

Действующее законодательство предусматривает, что сведения о долях участников подлежат отражению в учредительных документах общества (п. 1, абз. 6 п. 2 ст. 12 Закона об ООО). Однако данный подход представляется крайне неудачным по двум причинам.

Во-первых, как было указано выше, такое регулирование вызывает значительное количество споров относительно момента перехода доли ввиду того, что действующее законодательство устанавливает переход прав и обязанностей участника с момента уведомления общества об уступке доли.

Во-вторых, такое регулирование может вызвать существенное нарушение прав и законных интересов приобретателей долей ввиду технической сложности процедуры внесения изменений в устав общества. Более того, законодательство вообще не содержит обязанности общества по изменению устава общества относительно смены участников. Как следует из ст. 33 Закона об ООО, решение о внесении изменений в устав общества является компетенцией общего собрания, а не его обязанностью. Закон об ООО не

содержит норм, обязывающих участников общества голосовать по какому-либо вопросу определенным образом, в том числе за изменение учредительных документов общества в связи с уступкой доли. Поэтому вполне допустима ситуация, в которой участники общества проголосуют против внесения изменения учредительных документов общества, даже если уступка была совершена в полном соответствии с действующим законодательством и требованиями устава общества. Возможно также, что участники общества вообще не будут голосовать по данному вопросу, уклоняясь от участия в общем собрании участников.

Понуждение участника общества голосовать за или против изменения устава лишает право голосования всякого смысла. При этом, как обоснованно отмечает В.И. Добровольский, законодательство РФ не предусматривает возможности возникновения решений о внесении изменений в учредительные документы на основании судебного акта <1>. Л.А. Новоселова также указывает, что механизм устранения такого положения при уклонении других участников общества от принятия решения о внесении изменений в уставные документы законом не предусмотрен <2>.

<1> См.: Добровольский В.И. Анализ и комментарий корпоративного законодательства и судебной практики. М., 2007. С. 301.

<2> См.: Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. С. 223.

Поэтому срок внесения в учредительные документы изменений в связи с уступкой доли может быть неопределенным. Видимо, по этой причине законодатель попытался урегулировать переход доли с момента уведомления общества, а не с момента регистрации изменений в учредительных документах общества. Однако в итоге получилось неудачное регулирование. Законодатель связал норму о том, что устав общества должен содержать сведения о долях участников общества, с нормой о том, что изменение устава относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества. Однако данный подход представляется необоснованным, поскольку вопрос, не зависящий от воли участников общества (переход доли), фактически ставится в зависимость от воли участников (изменение устава).

Поскольку изменения устава принимаются общим собранием участников, такие изменения должны предполагать выбор. Соответственно, те изменения, которые не зависят от воли участников общества, не должны быть предметом компетенции общего собрания участников. Отсюда вытекает вывод о том, что устав общества не должен отражать сведения, изменение которых не зависит от воли участников общества. В чем смысл таких сведений, если участники не могут проголосовать против их изменения? Задача общего собрания в таких случаях сводится к тому, чтобы формально признать такие вопросы *post factum*, что противоречит существу общего собрания: общее собрание должно решать вопросы, а не принимать их как данность.

Сведения о долях участников общества как раз относятся к сведениям, изменение которых не зависит от общего собрания участников. После того как доля уступлена другому лицу и общество уведомлено об этом, приобретатель становится участником общества. Следовательно, факт владения долей определенного размера и стоимости уже не зависит от воли остальных участников, общее собрание должно просто принять этот факт. Повторимся, проблема в том, что общее собрание может этого и не сделать, поскольку решения на общем собрании принимаются участниками путем голосования, а голосование предполагает выбор. Получается, что переход доли ограничивается еще и решением участников даже в тех случаях, когда доля может быть уступлена независимо от согласия участников.

Таким образом, действующее законодательство не содержит, да и не может содержать, требований, обязывающих общество либо его участников созывать общее

собрание участников и принимать на нем решение о внесении изменений в учредительные документы общества относительно долей участников.

Суды пытаются восполнить данный пробел, удовлетворяя требования участников о понуждении общества внести соответствующие изменения в учредительные документы общества после приобретения доли. Так, суд подчеркнул, что согласно ст. 12 Закона об ООО в учредительных документах общества в обязательном порядке должны содержаться сведения обо всех участниках общества, номинальной стоимости и размере принадлежащих участникам долей <1>. На этом основании суд обязал общество внести в устав и учредительный договор общества изменения в связи с уступкой доли.

<1> См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21 апреля 2005 г. по делу N А19-10901/04-46-Ф02-415/05-С2.

По другому делу суд также удовлетворил иск о понуждении общества и учредителей этого общества к внесению изменений в устав и учредительный договор о составе участников общества <1>.

<1> См.: Определение ВАС РФ от 11 июля 2008 г. N 8390/08; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27 декабря 2005 г. по делу N Ф03-А73/05-1/3989.

При этом суды исходят из того, что данный способ защиты соответствует ст. 12 ГК РФ. А.В. Валуйский предполагает, что суды в данном случае имеют в виду такой способ защиты, как присуждение к исполнению обязанности в натуре <1>.

<1> См.: Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на долю в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. - март 2006 г.).

Однако с данной мотивировкой вряд ли можно согласиться. Как было указано выше, законодательство прямо не обязывает участников общества принимать решение о внесении изменений в учредительные документы общества в связи с уступкой доли, а также не обязывает общество обеспечить государственную регистрацию таких изменений. Выводы судов о том, что "обязанность юридического лица регистрировать изменения в учредительных документах прямо предусмотрена ст. 12 Закона об ООО" <1>, не соответствуют действительности, поскольку указанная статья прямо не устанавливает такой обязанности. Понуждать же к исполнению отсутствующей обязанности неправомерно.

<1> См.: Постановление ФАС Московского округа от 13 марта 2006 г. по делу N КГ-А40/681-06.

Поэтому вполне понятно, что нередко будут встречаться противоположные судебные решения. Так, суды отказывают приобретателям долей в удовлетворении иска о понуждении общества внести изменения в учредительные документы общества в связи с уступкой доли, поскольку изменение устава относится к исключительной компетенции общего собрания участников общества, следовательно, только решение общего собрания может являться основанием для государственной регистрации принятых изменений в учредительные документы общества. Между тем предопределение судебным актом результатов голосования означает аннулирование возможности свободного голосования, сводит на нет право участников на реализацию их свободной воли <1>.

<1> См.: Определение ВАС РФ от 20 августа 2008 г. N 10678/08; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 апреля 2005 г. по делу N 09АП-775/05-

ГК; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 сентября 2006 г. по делу N А05-20472/05-17.

Таким образом, положения действующего законодательства об отражении сведений о долях участников в уставе общества являются неэффективными и нередко приводят к нарушению прав и законных интересов участников общества и третьих лиц.

С учетом сказанного следует полностью поддержать подход новой редакции Закона об ООО, согласно которому сведения о долях исключены из устава общества и отражаются в государственном реестре юридических лиц (п. 13 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции). Запись в ЕГРЮЛ производится государственным органом в уведомительном порядке, что значительно сокращает сроки перехода доли и легитимации нового участника. При этом выписка из ЕГРЮЛ по достоверности вовсе не уступает уставу общества, тем более что уступка доли будет совершаться в нотариальной форме (п. 11 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции).

Согласно новой редакции Закона об ООО сведения о долях отражаются также в так называемом списке участников общества. Данный список ведется обществом <1>. Следовательно, трансферт в связи с уступкой доли будет совершаться дважды - в едином государственном реестре и в списке участников. Однако трансферт в государственном реестре является приоритетным, поскольку данные списка участников должны соответствовать данным ЕГРЮЛ, и в случае противоречия между этими сведениями приоритет отдается последним.

<1> См.: статья 31.1 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Таким образом, отражение сведений о долях участников в уставе общества представляется нецелесообразным. В связи с этим положение новой редакции Закона об ООО относительно исключения таких сведений из устава общества и их отражения в государственном реестре является обоснованным.

§ 5. Уступка доли в уставном капитале в пользу общества

В данной части книги будет раскрыт вопрос о правовой природе передачи доли в пользу общества и последствиях такой передачи.

Возможность уступки права участия в пользу компании получила в зарубежных законодательствах различное регулирование.

Так, решая дело *Trevor v. Whitworth* в 1887 г., английский судья исходил из того, что "несовместимо с самой природой компании, что она должна стать членом самой себя" <1>. На этом основании компании было отказано в праве приобретать собственные паи.

<1> См.: Полковников Г.В. Указ. соч. С. 147.

Однако в дальнейшем английская судебная практика стала отходить от этого постулата, признавая в исключительных случаях возможность перехода пая к компании.

Более либеральным в этом отношении является действующее германское законодательство, которое допускает приобретение доли самим обществом <1>. В соответствии со ст. 33 Закона Германии "О товариществах с ограниченной ответственностью" общество может приобретать собственные доли, по которым полностью внесены вклады.

<1> См.: Wendlер M., Tremml B., Buecker B. *The Key Aspects of German Business Law*. Springer; Berlin; Heidelberg. 3rd ed. 2006. P. 31.

Американское законодательство также не ограничивает уступку доли в пользу самой компании. При этом в соответствии с параграфом 18-702 (e) Закона штата Дэлауэр "О компаниях с ограниченной ответственностью" доля, приобретенная компанией, погашается, если иное не предусмотрено учредительным договором <1>.

<1> <http://delcode.delaware.gov/title6/c018>.

Отечественное дореволюционное право регулировало данный вопрос неоднозначно. С точки зрения одних ученых, переход доли к товариществу на паях являлся допустимым, при этом такой переход признавался сделкой. Так, А.И. Каминка описывал случай, когда товарищ передает долю товариществу, а взамен такой товарищ освобождается от обязанности вносить дополнительные взносы <1>.

<1> См.: Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 411.

Противоположная позиция отрицала возможность приобретения обществом своих долей (паев, акций). Этот вывод обосновывался тем, что акционерная компания не вправе приобретать собственные акции, а равно принимать их в залог, иначе получилось бы, что общество есть член самого себя <1>.

<1> См.: Розенберг В. Акционерная компания // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. С. 779.

В начале 1990-х гг., до принятия ГК РФ и Закона об ООО, ученые отмечали, что по общим гражданско-правовым принципам нет никаких препятствий по заключению договора купли-продажи (доли. - Р.Ф.) между обществом и своим участником <1>. Этот подход был отражен на законодательном уровне: п. 67 Постановления N 590 предусматривал, что доля участника общества после полного внесения им вклада может быть приобретена самим обществом.

<1> См.: Айгнер-Хегер С. Указ. соч. С. 76.

Данное правило действует сегодня в акционерном законодательстве. В соответствии с п. 2 ст. 72 Закона об АО общество, если это предусмотрено уставом общества, вправе приобретать размещенные им акции по решению общего собрания акционеров или по решению совета директоров.

Однако в действующем законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью действует иное правило: отчуждение доли в пользу общества по общему правилу запрещено (п. 1 ст. 23 Закона об ООО). Вместе с тем законодательство предусматривает случаи, при которых переход доли к обществу допускается либо обязателен:

1) приобретение доли обществом в результате использования обществом своего преимущественного права на приобретение доли в случаях, когда такое право предусмотрено уставом общества;

2) выход участника из общества;

3) устав общества предусматривает запрет на уступку доли третьим лицам либо требование о необходимости получения согласия остальных участников, и такое согласие не получено;

4) невнесение участником общества вклада в уставный капитал общества в установленный срок;

5) отказ участников в согласии на вступление наследника в число участников общества;

6) исключение участника из общества на основании судебного решения.

Первый вопрос, который представляет интерес для исследования, связан с квалификацией перехода доли к обществу в качестве уступки, т.е. гражданско-правовой сделки.

Данный вопрос не представляет сложности в случае использования обществом своего преимущественного права на приобретение доли. В указанной ситуации участник направляет в общество оферту, а общество акцептует данное предложение (п. 5 ст. 21 Закона об ООО в новой редакции).

Поставленный вопрос вызывает куда больше споров в тех случаях, когда переход доли к обществу происходит при выходе участника из общества. При этом ответ на данный вопрос представляет как теоретический, так и практический интерес. Возьмем, к примеру, случай, когда иностранная организация, являясь участником российского общества, решает выйти из этого общества. Как известно, при выходе из общества участнику выплачивается действительная стоимость доли. Будет ли облагаться налогом на прибыль доход, полученный иностранной организацией в виде стоимости доли?

Если в рассматриваемом случае имеет место уступка доли, то выплата действительной стоимости иностранной организации облагаться налогом не будет, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 309 НК РФ доходы, полученные иностранной организацией от продажи имущественных прав, обложению налогом не подлежат. Если же в рассматриваемом случае отсутствует факт продажи (уступки) доли, то появляется обязанность уплатить налог (в силу п. 1 ст. 309 НК РФ) <1>.

<1> Такой доход будет квалифицироваться либо в качестве распределения имущества организации в пользу иностранного лица (пп. 2 п. 1 ст. 309 НК РФ), либо в качестве иного аналогичного дохода (пп. 10 п. 1 ст. 309 НК РФ).

Итак, является ли переход доли в случае выхода участника из общества передачей (уступкой, реализацией) доли?

В доктрине и судебной практике на этот счет можно встретить две противоположные точки зрения. Одни авторы полагают, что переход доли при выходе участника из общества нельзя квалифицировать как уступку. Так, В.А. Валуйский указывает, что воля выходящего из общества участника направлена не на передачу обществу доли, а на прекращение своего статуса участника общества <1>.

<1> См.: Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на долю в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. - март 2006 г.).

Данная позиция встречает поддержку в судебно-арбитражной практике. Так, суд подчеркнул, что ст. 575 ГК РФ (договор дарения) на случаи выхода участника из общества не распространяется, поскольку выход участника из общества регулируется специальными нормами закона <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22 ноября 2005 г. по делу N Ф04-7964/2005(16672-А27-16).

Противоположная позиция представлена мнением В.А. Горлова, который отмечает, что выход из общества означает передачу доли, а это может быть сделано в результате ДВУСТОРОННЕЙ СДЕЛКИ <1> (выделено нами. - Р.Ф.).

<1> См.: Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Указ. соч. С. 145.

Подтверждение второй позиции можно встретить в судебной практике, причем на уровне ВАС РФ. Так, Президиум ВАС РФ рассматривает передачу выходящим

участником доли самому обществу без какого-либо встречного предоставления со стороны общества безвозмездной передачей имущества <1>.

<1> См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 12 июля 2006 г. N 2664/06.

Из позиции ВАС РФ следует, что передача доли обществу при выходе участника является сделкой, причем двусторонней. При этом, следуя логике Президиума ВАС РФ, если бы договор предусматривал выплату действительной стоимости в течение шести месяцев с момента окончания финансового года, то такой договор был бы действительным, поскольку присутствует признак возмездности.

Финансовые органы также придерживаются позиции, согласно которой выплата действительной стоимости доли при выходе участника из общества должна рассматриваться как плата за реализацию доли имущества <1>.

<1> См.: письмо Минфина России от 16 августа 2000 г. N 04-02-05/7.

Полагаем, что вторая позиция является более обоснованной. Во-первых, заявление участника о выходе из общества является сделкой, которая по своему назначению направлена на распоряжение долей. Еще В.Ю. Вольф отмечал, что заявление кого-либо из товарищей о выходе из товарищества является односторонней сделкой <1>. Это признает и В.А. Валуйский.

<1> См.: Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 53.

Во-вторых, нельзя делать принципиальную разницу между природой доли и природой участия в обществе, как это делает В.А. Валуйский. Доля в уставном капитале - это и есть право участия в обществе. Поэтому не следует различать волю участника на прекращение участия в обществе и волю на отчуждение доли. По существу, любая уступка доли направлена на прекращение статуса участника общества. При этом уступка доли может носить как двусторонний (например, договор купли-продажи), так и односторонний характер. Заявление о выходе из общества является односторонней сделкой по передаче доли обществу, поскольку данная сделка является достаточным основанием для перехода доли к обществу (при условии совершения трансферта) <1>.

<1> См.: пункт 2 ст. 26 Закона об ООО в действ. ред., а также пп. 2 п. 7 ст. 23 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

И уступка на основе договора, и уступка на основе заявления о выходе являются актами распоряжения долей. Только в первом случае имеет место соглашение сторон по поводу уступки доли, во втором - одностороннее действие участника. Разница между двумя способами прекращения участия состоит лишь в том, что общество обязано в силу закона оплатить долю по определенной цене (действительная стоимость доли). Данные отличия могут говорить о том, что уступка доли в случае выхода участника из общества не является договором (отсутствует автономия воли общества). Однако это вовсе не свидетельствует о том, что переход доли является событием, не зависящим от воли участника общества.

Аналогичный (односторонний) характер будет носить передача доли обществу в случаях, когда уступка доли запрещена уставом общества либо обусловлена требованием о необходимости получения согласия остальных участников и такое согласие не получено. В указанных ситуациях участник общества вправе направить в общество требование о приобретении доли, которое является достаточным основанием для перехода доли к обществу <1>. Следовательно, для приобретения обществом доли достаточно

волеизъявления одной стороны - участника общества, что говорит об одностороннем характере сделки по передаче доли обществу (п. 2 ст. 154 ГК РФ).

<1> См.: пп. 1 пункт 7 ст. 23 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Отметим, что новая редакция содержит довольно интересное положение, подтверждающее правомерность нашего вывода о том, что переход доли в случае выхода следует рассматривать в качестве уступки доли. В соответствии с п. 1 ст. 26 Закона об ООО в новой редакции участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу. Как видно из текста нормы, переход доли к обществу в случае выхода квалифицируется в качестве отчуждения, т.е. сделки. При этом порядок осуществления выхода из общества остается тем же, что и в действующей редакции, - участник общества подает заявление о выходе, с этого момента доля переходит к обществу, а на общество возлагается обязанность выплатить действительную стоимость доли <1>.

<1> См.: пункт 6.1, пп. 2 п. 7 ст. 23, п. 1 ст. 26 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Поскольку переход доли к обществу в случае выхода участника из общества является уступкой доли, на такой переход распространяется общий порядок передачи доли, описанный выше. Это означает, что юридический состав перехода доли при выходе участника из общества включает, помимо сделки по уступке доли (заявления о выходе), трансфертное объявление и трансферт.

В связи с изложенным необходимо указать на противоречие, содержащееся в новой редакции Закона об ООО относительно момента перехода доли при выходе участника из общества, а также в случае запрета уступки доли третьим лицам. С одной стороны, Закон говорит о том, что таким моментом является дата получения обществом заявления о выходе (требования о приобретении доли) <1>. С другой стороны, Закон определяет момент перехода доли в указанных случаях как дату внесения в ЕГРЮЛ соответствующих изменений <2>. Полагаем, что в данном случае момент перехода доли должен определяться внесением изменений в ЕГРЮЛ (трансферт), а не подачей заявления (требования), поскольку для перехода доли не достаточно совершения сделки уступки - необходим также трансферт.

<1> См.: подпункты 1, 2 п. 7 ст. 23 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

<2> См.: пункт 12 ст. 21 Закона об ООО (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ).

Отметим также, что новая редакция Закона об ООО не содержит каких-либо положений о порядке направления трансфертного объявления в регистрирующий орган в случае перехода доли при выходе участника из общества, что может вызвать нежелательные разногласия в правоприменительной практике.

Таким образом, заявление участника о выходе из общества следует рассматривать в качестве односторонней уступки доли в пользу общества. В связи с этим право на выход из общества по существу является правом участника на уступку доли в пользу общества, которое обеспечено обязанностью общества оплатить стоимость доли.

К иным случаям перехода доли к обществу, как было указано выше, относятся: переход доли (части доли) к обществу в случае невнесения участником вклада в уставный капитал общества в установленный срок, обращение взыскания на долю по требованию кредиторов, исключение участника из общества.

Полагаем, что в данных случаях переход доли является событием, а не действием участника, соответственно, отсутствуют основания для квалификации такого перехода в качестве уступки.

Тем не менее в судебной практике встречаются дела, в рамках которых истцы пытаются признать переход доли в случае ее неоплаты безвозмездной передачей имущества. В.А. Валуйский справедливо отмечает, что если иметь в виду только внешнюю сторону отношений, то может сложиться впечатление, что имеет место сделка, похожая на дарение, поскольку у общества не возникает перед утратившим долю участником никаких встречных обязательств <1>. Однако на переход доли не может быть распространено положение о дарении, поскольку дарение - это действие собственника, направленное на безвозмездную передачу имущества другому лицу, в то время как переход к обществу доли в связи с ее неоплатой участником общества осуществляется помимо воли участника <2>.

<1> См.: Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на долю в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. - март 2006 г.).

<2> См.: Там же.

Правомерность данной позиции подтверждается судебной практикой: суд указал, что в данном случае отсутствует факт безвозмездной передачи имущества <1>.

<1> См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22 ноября 2005 г. по делу N Ф04-7964/2005(16672-А27-16).

Второй вопрос, к которому необходимо обратиться в данной части исследования, касается размера выплаты участнику общества при передаче доли в пользу общества.

Как было отмечено в гл. 2, оборот долей в уставном капитале может быть сильно ограничен (запретом на уступку доли, требованием о согласии на уступку доли), что порой лишает участника общества возможности продать свою долю третьему лицу на выгодных условиях. Эти ограничения действуют и при переходе доли к наследникам и кредиторам участника. Кроме того, в силу лично-доверительных отношений между участниками общества с ограниченной ответственностью, участник общества может быть исключен из общества. Во всех указанных случаях законодательство устанавливает обязанность общества выкупить долю (возместить ее стоимость). В силу указанных обстоятельств особое значение приобретают нормы о компенсации участнику общества стоимости принадлежащей ему доли.

Такое регулирование встречается в иностранных законодательствах. Так, в соответствии с параграфом 18-604 Закона штата Делавэр "О компаниях с ограниченной ответственностью" участник при выходе из компании вправе получить справедливую стоимость (fair value) принадлежащей ему доли <1>.

<1> <http://delcode.delaware.gov/title6/c018>.

Данное правило встречается в российском дореволюционном законодательстве применительно к случаям выхода участника из общества. Так, А. Квачевский отмечал, что в случае выхода участника из общества с переменным капиталом участник мог "требовать выдела и выдачи ему своей доли участия в капиталах и оборотах общества" <1>.

<1> Квачевский А. Указ. соч. С. 49.

Это же правило действовало и в начале советского периода. В соответствии со ст. 292 ГК РСФСР от 1922 г. доля выбывающего товарища выделяется согласно балансу на день выбытия <1>.

<1> См.: Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Указ. соч. С. 44.

Постановление N 590 предусматривало, что при выходе участника из общества ему выплачивается стоимость части имущества общества, пропорциональная его доле (п. 69). При этом норма не упоминала о том, по каким правилам определяется стоимость имущества, принимаемая для расчета выплаты. Соответственно, это могла быть бухгалтерская либо рыночная стоимость имущества.

ГК РФ предусматривает выплату стоимости доли только при выходе участника из общества (ст. 94 ГК РФ). При этом участнику должна быть выплачена стоимость части имущества, соответствующей доле участника.

Закон об ООО расширил этот перечень и предусмотрел выплату действительной стоимости доли во всех случаях перехода доли к обществу (ст. ст. 23, 25, 26 Закона об ООО). При этом для целей регулирования определения цены доли при передаче доли обществу законодатель ввел понятие действительной стоимости доли.

В соответствии со ст. 14 Закона об ООО действительная стоимость доли, подлежащая выплате, должна соответствовать чистым активам общества, приходящимся на долю участника, за минусом стоимости уставного капитала. Как видим, ключевым понятием, через которое раскрывается суть действительной стоимости доли, является понятие "чистые активы общества".

Данный подход, как отмечается в литературе, является более точным, по сравнению со ст. 94 ГК РФ, которая предусматривала выплату части стоимости имущества. Такое регулирование порождало споры о том, включает ли понятие имущества обязательства общества <1>. Между тем понятие "чистые активы" подразумевает, что имущество общества должно учитывать как права, так и обязательства (долги) общества.

<1> См.: Сарбаш С. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью при отрицательном значении чистых активов // Хозяйство и право. 2007. N 1.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, конструкция "чистые активы общества" нигде детально не определена, понятие это является новым для нашего законодательства и пока ни в одном законе нет его определения <1>.

<1> Комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью" / Под ред. М.Ю. Тихомирова. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2007. С. 117.

Кроме того, прямо не урегулирован и порядок расчета чистых активов в обществах с ограниченной ответственностью. На практике этот пробел восполняется по аналогии закона - применяются нормы, регулирующие определение стоимости чистых активов в акционерных обществах - Приказ Минфина России N 10, ФКЦБ России от 29 января 2003 г. N 03-6/пз "Об утверждении Порядка оценки стоимости чистых активов акционерных обществ" <1> (далее - Приказ N 10н/03-6/пз).

<1> Российская газета. 2003. 19 марта.

Данный Приказ определяет стоимость чистых активов как величину, определяемую путем вычитания из суммы активов, принимаемых к расчету, суммы его пассивов, принимаемых к расчету.

Довольно большое количество споров связано именно с определением размера действительной стоимости доли, подлежащей выплате участнику при переходе доли к

обществу. Руководствуясь буквальным толкованием законодательства, общества выплачивают стоимость доли на основе данных бухгалтерского учета. Проблема в том, что такая стоимость может существенно отличаться от рыночной стоимости доли. Это связано с тем, что общество отражает имущество по стоимости его приобретения. Однако со временем рыночная стоимость имущества повышается, тем не менее действующее законодательство о бухгалтерском учете позволяет не отражать данные изменения.

В соответствии с п. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ "О бухгалтерском учете" оценка имущества, приобретенного за плату, осуществляется путем суммирования фактически произведенных расходов на его покупку <1>. Определение стоимости активов, в частности недвижимого имущества, регулируется ПБУ 6/01 "Учет основных средств" <2>. В соответствии с п. 7 ПБУ 6/01 основные средства (в том числе здания и сооружения) принимаются к учету по первоначальной стоимости, под которой понимаются фактические затраты организации на приобретение, сооружение и изготовление объекта. При этом организация лишь вправе, но не обязана, производить переоценку основных средств с учетом рыночных цен (п. 15 ПБУ 6/01). Частота проведения переоценки определяется организацией в учетной политике самостоятельно. Учетная политика общества может вообще не предусматривать проведения переоценки приобретенного имущества. В таком случае бухгалтерская стоимость основного средства по прошествии времени будет существенно отличаться от рыночной цены данного средства <3>.

<1> Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ "О бухгалтерском учете" // СЗ РФ. 1996. N 48. Ст. 5369 (с послед. изм.).

<2> Приказ Минфина России от 30 марта 2001 г. N 26н "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет основных средств" ПБУ 6/01" // Российская газета. 2001. 16 мая.

<3> Проблема несоответствия бухгалтерской и реальной стоимости имущества корпорации отмечается в зарубежной литературе. См.: Пайк Р., Нил Б. Указ. соч. С. 140 - 141.

Следовательно, законодательство о бухгалтерском учете позволяет обществу выплачивать стоимость доли, которая будет существенно ниже рыночной стоимости имущества общества.

Подтверждение данной позиции можно встретить в арбитражной практике.

Так, суд подчеркнул, что действующим законодательством не предусмотрено определение действительной стоимости доли исходя из рыночной стоимости принадлежащего обществу имущества <1>. По другому делу суд указал, что доводы истца об обязательности определения рыночной стоимости доли умершего участника общества не основаны на законе <2>.

<1> См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10 февраля 2005 г. по делу N А17-248/1/10.

<2> См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 7 июня 2005 г. по делу N А55-8406/04-13. См. также: Постановление ФАС Поволжского округа от 27 июня 2006 г. по делу N А49-10614/2005-20АО/20; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 5 августа 2004 г. по делу N А19-21997/02-31-10-Ф02-2992/04-С2; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2006 г. по делу N 17АП-1034/2006-ГК.

Такую позицию суды кассационной инстанции занимали до начала 2006 г. Сейчас такого понимания придерживаются в основном суды первой инстанции <1>, однако встречаются и постановления судов кассационной инстанции <2>.

<1> См.: решение Арбитражного суда Кемеровской области от 25 мая 2006 г. по делу N Ф04-5900/2006(36272-А27-11); решение Арбитражного суда Пензенской области от 25 декабря 2006 г. по делу N А49-12194/05. Аналогичная ситуация складывается при наложении налоговыми органами запрета на отчуждение имущества налогоплательщика (в качестве обеспечения исполнения обязанности по уплате налога). В соответствии с пп. 1 п. 10 ст. 101 НК РФ запрет на отчуждение имущества каждой последующей группы (недвижимое имущество, транспортные средства, ценные бумаги, др.) применяется в случае, если совокупная стоимость предыдущих групп, определяемая по данным бухгалтерского учета, меньше общей суммы недоимки. Данная норма, по существу, предоставляет налоговым органам право не учитывать рыночную стоимость имущества, на которое накладывается запрет отчуждения для обеспечения уплаты налога. Поэтому, если недоимка составляет, например, 1000 рублей, а имущество на рынке оценивается в 10000 рублей, но учитывается у налогоплательщика по 1000 рублей, налоговые органы вправе наложить запрет на отчуждение всего имущества, что представляется не совсем обоснованным.

<2> См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 7 декабря 2006 г. по делу N А65-21006/2005-СГЗ-15.

Представляется, что эта позиция является неоправданной. Участник общества должен иметь право на возмещение справедливой стоимости своей доли. Как было указано в гл. 1, с экономической точки зрения доля в уставном капитале представляет собой часть капитала общества. Право участника общества на получение стоимости доли вытекает прежде всего из экономического понимания доли как титула собственности на капитал общества. Поэтому участник общества должен иметь право на получение действительной стоимости этого имущества, как если бы он был юридическим собственником этого имущества. Экономические последствия выплаты стоимости доли должны быть аналогичны последствиям выделения имущества общества в натуре. При этом выделенное в натуре имущество может быть реализовано участником по рыночной цене. Следовательно, при переходе доли к обществу участник общества должен иметь право на возмещение стоимости доли исходя из рыночной стоимости чистых активов общества.

Если же бухгалтерская стоимость имущества не отражает рыночную цену этого имущества, то такая стоимость перестает быть действительной, становится заниженной. Право участника на получение стоимости доли должно находиться в минимальной зависимости от методов бухгалтерского учета имущества, которые позволяют не переоценивать имущество общества и, соответственно, искажать действительную стоимость доли.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством действительная стоимость доли может не соответствовать рыночной стоимости активов общества. Данное обстоятельство свидетельствует о недостатке правового регулирования определения достоверной стоимости доли в уставном капитале, подлежащей выплате участнику общества.

Необходимо отметить, что в разъяснениях высших судебных инстанций 1999 г. было указано на возможность оспаривания расчета стоимости доли, произведенного обществом на основании данных бухгалтерского учета. Согласно п. 16 (в) Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 9 декабря 1999 г. N 90/14 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" <1> суд обязан проверить обоснованность доводов участника общества о неправильном расчете стоимости доли, проведенном обществом. При этом такая проверка должна осуществляться на основании доказательств, представляемых в соответствии с процессуальным законодательством, в том числе на основании заключения экспертизы.

<1> Вестник ВАС РФ. 2000. N 2 (с послед. изм.).

Тем не менее анализ правоприменительной практики показал, что суды начали учитывать указанные недостатки правового регулирования только с середины 2005 г. Так, Президиум ВАС РФ в Постановлениях от 7 июня 2005 г. N 15787/04, от 6 сентября 2005 г. N 5261/05 отметил, что действительная стоимость доли определяется с учетом рыночной стоимости недвижимого имущества, отраженного на балансе общества <1>. Основным аргумент суда состоял в том, что данные бухгалтерского учета должны отражать достоверную информацию об имущественном положении организации.

<1> Постановление Президиума ВАС РФ от 7 июня 2005 г. N 15787/04 // Вестник ВАС РФ. 2005. N 10; Постановление Президиума ВАС РФ от 6 сентября 2005 г. N 5261/05 // Вестник ВАС РФ. 2006. N 1.

Нижестоящие арбитражные суды, начиная с 2006 г., при расчете действительной стоимости доли также учитывают рыночную оценку имущества, принадлежащего обществу. Так, суд подчеркнул, что действительная стоимость доли определяется с учетом рыночной стоимости недвижимого имущества, отраженного на балансе общества <1>. По аналогичному делу арбитражный суд указал, что согласно ст. 1 Федерального закона "О бухгалтерском учете" данные бухгалтерского баланса должны отражать реальную стоимость имущества, которая соответствует условиям рынка <2>.

<1> См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17 января 2007 г. по делу N А82-3298/2004-45; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 24 апреля 2007 г. по делу N Ф03-А04/07-1/1102; Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 11 января 2007 г. по делу N Ф04-8721/2006(29824-А75-16), от 12 января 2005 г. по делу N Ф04-9228/2004(7488-А03-11); Постановление ФАС Поволжского округа от 10 января 2007 г. по делу N А55-5439/06-33; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 3 июля 2007 г. по делу N А42-14846/04.

<2> См.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 2 мая 2007 г. по делу N Ф03-А37/07-1/1115.

Для подтверждения размера рыночной стоимости имущества суды принимают заключения экспертов. При этом в качестве задачи для эксперта ставится определение рыночной стоимости чистых активов. Оценка производится на основании Федерального закона от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в РФ" <1>.

<1> СЗ РФ. 1998. N 31. Ст. 3813 (с послед. изм.).

Примечательным является подход нашего акционерного законодательства к аналогичному вопросу - к выкупу акционерным обществом размещенных акций. В соответствии с п. 3 ст. 75 Закона об АО выкуп акций осуществляется по цене, определенной советом директоров общества, но не ниже рыночной стоимости, которая должна быть определена независимым оценщиком. Таким образом, закон обеспечивает акционерам выплату справедливой стоимости принадлежащих им акций независимо от бухгалтерской стоимости имущества.

Логика судов об учете рыночной цены имущества при определении действительной стоимости доли понятна - суду необходимо защищать законные интересы выходящего участника. Однако данный вывод судов, строго говоря, не соответствует действующему законодательству, поскольку делается без исследования положений учетной политики общества относительно переоценки имущества общества <1>. Ни одно положение по бухгалтерскому учету не требует проводить переоценку имущества, если такое требование не закреплено самой организацией в ее учетной политике. Отсутствует такое

требование и в Приказе N 10н/03-б/пз. При этом арбитражные суды даже не поднимают вопрос об оценке положений учетной политики общества на предмет частоты проведения переоценки активов общества.

<1> Рыночная стоимость имущества организации в обязательном порядке учитывается при передаче основного средства на безвозмездной основе (дарении). В этом случае первоначальная стоимость основного средства равна рыночной стоимости объекта (п. 10 ПБУ 6/01).

Таким образом, судебная практика выработала норму права, по существу отличающуюся от требований законодательства. Вместе с тем нужно признать, что указанная позиция судебной практики является справедливой.

Также отметим, что указанная позиция судов (в том числе позиция, изложенная в Постановлении Пленумов ВС РФ и ВАС РФ N 90/14) касается лишь случаев выплаты стоимости доли при выходе участника из общества. Однако проблема выплаты стоимости доли актуальна и для других случаев перехода доли к обществу, например когда устав предусматривает запрет на уступку доли и общество выкупает долю. Положительные судебные решения в этих случаях единичны <1>, что свидетельствует о том, что судебная практика пока не выработала единого подхода к определению действительной стоимости доли: в одних случаях суды учитывают рыночную стоимость имущества общества, в других же, наоборот, игнорируют ее.

<1> См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 5 июня 2007 г. по делу N Ф08-3150/2007.

С учетом изложенного полагаем, что в п. 2 ст. 14, ст. ст. 23, 25, 26 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" необходимо внести следующее дополнение: "Действительная стоимость доли участника рассчитывается обществом, исходя из рыночной стоимости чистых активов общества. Общество обязано привлечь независимого оценщика для определения рыночной стоимости чистых активов общества".

Относительно данного предложения можно возразить, что выплата стоимости доли не по данным бухгалтерского учета, а по рыночной стоимости имущества может существенно ухудшить материальное положение общества вплоть до банкротства общества, соответственно, интересы общества нарушаются.

Полагаем, что данное возражение не может опровергнуть выдвинутые предложения. Возможно, следует на уровне закона ограничить случаи выплаты действительной стоимости либо размер выплаты, как это сделано, например, в акционерном законодательстве <1>.

<1> В соответствии с п. 5 ст. 76 Закона об АО общая сумма средств, направляемых на выкуп акций, не может превышать 10% стоимости чистых активов общества.

Вместе с тем ограничение выплаты является вопросом целесообразности, нежели права. Поскольку на сегодняшний день законодатель считает, что участнику общества в определенных случаях должна быть выплачена действительная стоимость доли, то, исходя из воли законодателя, участник должен получить справедливое возмещение, соответствующее реальной (рыночной) стоимости принадлежащей участнику общества доли.

При действующей же редакции Закона нарушается принцип равноправия участников гражданских отношений, поскольку в одинаковых условиях стоимость долей участников может быть различной в зависимости от правил бухгалтерского учета, принятых конкретным обществом. Представляется, что подход к определению стоимости и справедливого возмещения должен быть одинаковым. Кроме того, если общество не

согласно с выплатой стоимости доли, оно вправе продать имущество по рыночной стоимости либо по соглашению с участником выдать ему имущество такой же стоимости.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В книге было выделено два значения доли в уставном капитале - экономическое и юридическое. С экономической (стоимостной) точки зрения доля в уставном капитале представляет собой часть капитала общества. Это вытекает из того положения, что участник общества относится к имуществу общества как к своему и выступает участником отношений по присвоению. В этом смысле доля в уставном капитале закрепляет собственность на определенную стоимость капитала общества, так же как облигация закрепляет собственность на стоимость заемного капитала общества (в экономическом понимании).

С юридической точки зрения такое понимание доли в уставном капитале является неприемлемым, поскольку общество является единственным собственником своего имущества (п. 1 ст. 48 ГК РФ). Доля в уставном капитале общества представляет собой разновидность права участия в коммерческой организации, объектом которого является не имущество общества, а деятельность общества. Следовательно, экономические отношения по присвоению оформляются в данном случае в виде права участия в деятельности общества.

Доля в уставном капитале является субъективным правом, которое состоит из комплекса правомочий участника, основным из которых является правомочие на участие в управлении делами общества, поскольку именно данное правомочие позволяет участнику общества считать себя экономическим собственником капитала общества и осуществлять контроль над экономическими благами, которые он утратил в результате передачи имущества в качестве вклада в уставный капитал общества. Правомочие на участие в управлении делами общества имеет особую природу, поскольку для него характерны признаки как абсолютного, так и относительного права. С одной стороны, это правомочие выражает власть участника над волей общества, реализуемую собственными действиями и защищаемую против всех третьих лиц, и в этом заключается его абсолютная природа. С другой стороны, власть участника направлена на деятельность общества, являющегося самостоятельным субъектом права, что обуславливает активное участие общества в реализации участником своих членских прав. Четко выраженный относительный характер имеют правомочия участника на получение информации о деятельности общества и на ознакомление с документацией общества, поскольку этим правомочиям соответствует равнозначная обязанность общества. В этом проявляется относительно-правовой эффект данного правомочия.

При исследовании правомочия на участие в распределении прибыли и на ликвидационный остаток можно сделать вывод о том, что данные правомочия могут носить обязательственный и корпоративный характер. При этом обязательственное право (требование) выплаты части прибыли (ликвидационного остатка) возникает после принятия общим собранием участников общества решения о распределении прибыли общества (ликвидации общества). Следовательно, принадлежность доли в уставном капитале сама по себе не предоставляет участнику данного требования.

Вместе с тем участник общества имеет возможность участвовать в решении вопроса о распределении прибыли общества (ликвидации общества) путем требования созыва общего собрания участников, вынесения данного вопроса на повестку дня, голосования по этому вопросу. Данные правомочия составляют содержание корпоративного (членского) права на участие в распределении прибыли. При этом необходимо учитывать, что участие в решении вопроса о распределении прибыли (ликвидации общества) реализуется участником в рамках управления делами общества. Соответственно, правомочие на

участие в управлении делами общества включает в свой объем в том числе корпоративное право на участие в распределении прибыли (получение ликвидационного остатка). Данное обстоятельство позволяет распространить наши выводы относительно правомочия на участие в управлении делами общества, на природу правомочия, на участие в распределении прибыли общества (получение ликвидационного остатка).

Поскольку доля в уставном капитале является субъективным правом, сочетающим в себе признаки как абсолютного, так и относительного права, уступка доли также отражает особую природу. Уступка доли не может быть объяснена с точки зрения цессии, поскольку последняя применима к передаче требования, а доля закрепляет прежде всего правомочие необязательственного свойства, которому не соответствует конкретная равнозначная обязанность общества совершить какое-либо действие (долг).

Уступка доли - это прежде всего передача властного правомочия участника общества по управлению делами общества. С этой точки зрения уступка доли отражает переход абсолютного права (правопреемство в абсолютных правах). Это выражается в том, что смена субъектов в корпоративных отношениях возможна только на стороне управомоченного лица (участника общества).

Уступка доли сопровождается удостоверением прав нового участника (внесением записи в реестр), которое носит публичнодоступный характер, что свойственно для прав абсолютного типа. В свою очередь, отражение сведений о новом участнике в публичнодоступном документе обуславливает особый (трансфертный) порядок передачи доли в уставном капитале. Юридический состав перехода доли в уставном капитале включает три факта:

- 1) совершение сделки уступки доли;
- 2) направление в адрес лица, ведущего реестр участников, уведомления об уступке доли (трансфертное объявление);
- 3) изменение сведений о принадлежности доли в уставном капитале (трансферт).

Отсутствие хотя бы одного факта означает, что доля не переходит к приобретателю. Данный порядок отличает уступку доли от уступки требования (цессии), где для перехода субъективного права (требования) к приобретателю достаточно совершения сделки уступки требования.

В то же время, поскольку доля имеет признаки относительного права (права на получение информации), уступка доли также имеет признаки относительного правопреемства. Это выражается в том, что уступка доли должна сопровождаться уведомлением общества, что характерно для института цессии. Однако и здесь уведомление играет совсем не ту роль, которая характерна для извещения должника в цессии. Уведомление необходимо для перехода доли, т.е. является одним из юридических фактов, влекущих переход доли, в то время как извещение в цессии не влияет на переход требования.

Таким образом, правопреемство при уступке доли носит сложный (комплексный) характер, что обусловлено особой природой доли. В этом преемстве имеются признаки как абсолютного, так и относительного правопреемства, что свидетельствует об особом месте уступки доли в уставном капитале в системе гражданских правоотношений и позволяет выделить в данной системе преемство в правах участия.

В книге была также отмечена обоснованность позиции о том, что до возникновения соответствующих обязательственных требований участник общества имеет законные интересы в распределении прибыли и в получении ликвидационного остатка. Эта позиция имеет особую ценность для тех случаев, когда участник общества не может оказывать существенного влияния на решение вопроса о распределении прибыли обществом (в силу, например, незначительного размера доли участия). В данном случае притязание (интерес) на участие в распределении прибыли (получение ликвидационного остатка) может быть объяснено с точки зрения конструкции законного интереса. До возникновения соответствующих требований у участников общества такое притязание может быть

охарактеризовано как общая правовая дозволенность, не обеспеченная обязанностью общества. При этом, однако, данное притязание подлежит юридической защите, что позволяет квалифицировать данное притязание (интерес) в качестве законного.

В связи с тем что участники общества имеют определенные законные интересы, в работе был исследован вопрос о возможности перехода данных интересов при уступке доли. На основании проведенного анализа был сделан вывод о том, что уступка доли влечет переход законных интересов. При этом правовая природа такого перехода заключается в переходе правовых средств защиты.

Особая природа доли в уставном капитале существенным образом отражается на природе устава общества, поскольку данный документ совершается в рамках реализации участником основного правомочия, выраженного долей, - правомочия на участие в управлении делами общества. Устав общества является особой гражданско-правовой (корпоративной) сделкой, совершаемой участниками общества.

Данный вывод помогает правильно оценить правовые последствия нарушения положений устава относительно запрета уступки доли (согласия на уступку доли). В силу того что устав не является нормативно-правовым актом, нарушение указанных положений устава нельзя квалифицировать в качестве ничтожной сделки на основании ст. 168 ГК РФ (согласно законодательству, действующему до 1 июля 2009 г.). При этом, поскольку устав общества является гражданско-правовой сделкой, к нему могут быть применимы правила о гражданско-правовых договорах по аналогии закона.

Поскольку устав общества является сделкой, совершаемой участниками общества путем голосования, в нем не следует отражать сведения о тех обстоятельствах, изменение которых не зависит от воли участников общества, прежде всего сведения о долях участников. Включать в устав такие сведения нецелесообразно с юридической точки зрения, поскольку участники общества не в состоянии изменить свершившиеся, не зависящие от них факты. Следовательно, для того чтобы устав отражал достоверные сведения, участники общества должны будут голосовать за изменение устава общества. Однако поскольку сущность голосования состоит в возможности выбора (голосовать за, против или воздержаться от голосования), возможна ситуация, в которой участники откажутся от изменения устава. В данном случае устав общества будет отражать недостоверные сведения. Таким образом, поскольку факт уступки доли участника не зависит от воли остальных участников, устав общества не должен отражать сведения о долях участников общества. Данные сведения предлагается отражать только в Едином государственном реестре юридических лиц. Вследствие этого изменение сведений о долях участников будет происходить в порядке регистрации сведений, не связанных с внесением изменений в учредительные документы общества.

Поскольку оборот долей в уставном капитале может быть сильно ограничен (запретом на уступку доли либо требованием о согласии на уступку доли), участник общества зачастую лишен возможности продать свою долю третьему лицу на выгодных условиях. В связи с этим законодательство устанавливает обязанность общества выкупить долю, возместив участнику ее стоимость. Однако положения действующего законодательства позволяют существенно занижать возмещение стоимости доли, на которую мог бы рассчитывать участник при продаже доли третьему лицу. Это связано с тем, что расчет такого возмещения осуществляется по балансовой стоимости имущества общества. Между тем балансовая стоимость имущества может быть существенно ниже его рыночной стоимости. В итоге размер возмещения стоимости доли зависит от методов бухгалтерского учета, применяемых обществом, а не от действительной (рыночной) стоимости имущества общества. Нужно отметить, что акционерное законодательство отличается в этом отношении существенным образом. Так, при выкупе акций обществом выплата акционеру производится исходя из рыночной цены акции. С учетом изложенного в работе предлагается внести законодательные изменения, в соответствии с которыми размер возмещения действительной стоимости доли при передаче доли обществу должен

рассчитываться исходя из рыночной стоимости чистых активов общества. При этом для случаев выхода участника из общества целесообразно ввести ограничение размера выплаты стоимости доли для сохранения устойчивого финансового положения общества. По аналогии с акционерным законодательством такая выплата не должна превышать 10% стоимости чистых активов общества.

Таким образом, доля в уставном капитале является субъективным правом особого рода (*sui generis*), сущность которого существенным образом влияет на правовую природу отношений, складывающихся по поводу участия данного объекта в гражданском обороте.

Библиография

Монографии, учебные пособия

1. Агапеева Е.В. Правовое регулирование рынка ценных бумаг в России и США: Учеб. пособ. для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 "Юриспруденция". М., 2004.
2. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М., 2002.
3. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М., 1993.
4. Актуальные проблемы права собственности: Материалы научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (Москва, 25 октября 2006 г.). М., 2007.
5. Александров В. Учение о лицах юридических, по началам науки (рассуждения студента Императорского Московского Университета, юридического факультета 4 курса). М., 1865.
6. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925 - 1989: Сб. статей. М., 2001.
7. Алфеевский С. Деловые бумаги. Образцы и формы / Под ред. проф. Н.Г. Вавина. 2-е изд. Харьков, 1929.
8. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М., 2005.
9. Барац С.М. Техника обращения именных процентных бумаг. СПб., 1913.
10. Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учебник. М., 2004.
11. Белов В.А., Пестерева Е.В. Хозяйственные общества. М., 2002.
12. Белов В.А. Предмет договора сингулярной сукцессии (уступки требования).
13. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. 3-е изд., стереотип. М., 2002.
14. Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве / Под ред. проф. Е.А. Суханова. М., 1996.
15. Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве: Учеб. пособ. по спец. курсу: В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
16. Беляев К.П., Горлов В.А., Захаров В.А. Общества с ограниченной ответственностью: правовое положение (практический комментарий, законы и другие правовые акты, образцы документов). М., 1999.
17. Боголепов Н.П. Учебник истории римского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
18. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 5-е изд., доп., стереотип. М., 2002.
19. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 5-е изд. М., 2003.
20. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая: В 2 т. Т. I: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М., 2006.
21. Брауде И.Л. Акционерные общества и товарищества в торговле и промышленности. М., 1923.
22. Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Товарищество простое, полное и на вере: Комментарии к ст. 276 - 317 ГК. М., 1928.
23. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003.
24. Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М., 2004.
25. Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927.
26. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

27. Гинзбург С.М. Из истории бумаги на предъявителя // Вестник права. С.-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1899. N 7.
28. Гонгало Б.М. Предмет гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. М.; Екатеринбург, 2003.
29. Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник: В 2 т. Т. I / Отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
30. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007.
31. Гражданское право: В 4 т. Т. I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
32. Гражданское право: В 2 т. Т. II. Полутом 1: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2004.
33. Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
34. Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2000.
35. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001.
36. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.
37. Гританс Я.М. Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм. М., 2005.
38. Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права (из журнала Министерства юстиции, октябрь, ноябрь и декабрь 1915 г.). Петроград, 1915.
39. Гуцин В.В. Корпоративное право: Учеб. для юрид. вузов / В.В. Гуцин, Ю.О. Порошкина, Е.Б. Сердюк. М., 2006.
40. Дебольский Н.Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903.
41. Добровольский А.А., Ципкин П.С. Устав Торговый (том XI, часть 2 Свода Законов, изд. 1903 г. по сводному продолжению 1912 г.). 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1914.
42. Добровольский В.И. Анализ и комментарий корпоративного законодательства и судебной практики. М., 2007.
43. Добровольский В.И. Защита корпоративной собственности в арбитражном суде. М., 2006.
44. Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М., 2006.
45. Дождев Д.В. Римское частное право: Учеб. для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсисянца. 2-е изд., изм. и доп. М., 2006.
46. Долинская В.В. Акционерное право: Учеб. / Отв. ред. А.Ю. Кабалкина. М., 1997.
47. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву (учение о лицах). По запискам слушателей, исправленным и дополненным. СПб., 1902.
48. Евецкий А.А. О юридических лицах. Киев, 1903.
49. Ельяшевич В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. 1910.
50. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001.
51. Зайцева В. Акционерные общества в праве капиталистических государств. М., 1979.
52. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. IV / Сост. И.М. Тютрюмов. М., 2004.
53. Зом Р. Институции. История и система римского гражданского права. Выпуск 1. Сергиев Посад, 1916.
54. Игнатова Е.А. Комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью": постатейный. 2-е изд., доп. М., 2007.

55. Ионцев М.Г. Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмэйл. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
56. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права". 2-е изд., испр. М., 2003.
57. Каминка А.И. Основы предпринимательского права. Петроград: Товарищество печатного и издательского дела "Труд", 1917.
58. Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002.
59. Кашанина Т.В. Корпоративное право: Учебник. М., 2006.
60. Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. М., 1995.
61. Квачевский А. О товариществах вообще и акционерных товариществах в особенности. М., 1880.
62. Кибенко Е.Р. Корпоративное право Великобритании. Законодательство. Прецеденты. Комментарии. 2003.
63. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005.
64. Козлова Н.В. Учредительный договор о создании коммерческих товариществ и обществ. М., 1994.
65. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 7-е изд. СПб., 2006.
66. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М., 2005.
67. Комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью" / Под ред. М.Ю. Тихомирова. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2007.
68. Комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью" от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (постатейный) / Сост. А.Н. Борисов. М., 2006.
69. Корпоративное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению "Юриспруденция" / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2007.
70. Красавчиков О.А. Организационные гражданско-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925 - 1989: Сб. статей. М., 2001.
71. Краснокутский В.А. Товарищества с ограниченной ответственностью. М., 1925.
72. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М., 2004.
73. Ландкоф С.Н. Товарищества с ограниченной ответственностью на Западе и в СССР. М., 1924.
74. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002.
75. Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997.
76. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008.
77. Макарова О.А. Реализация принципов корпоративного управления в российском акционерном законодательстве // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. М., 2005.
78. Маковская А.А. Различия в правовом регулировании отношений между акционером и закрытым акционерным обществом и отношений между участником и обществом с ограниченной ответственностью // Корпорации и учреждения: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007.
79. Максимов В. Законы о товариществах. Справочная книга для юристов, действующих и возникающих товариществ. М., 1911.
80. Малько А.В. Проблемы законных интересов // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001.

81. Мезрин Б.Н. Место гражданской правосубъектности в механизме правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925 - 1989: Сб. статей. М., 2001.
82. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. (по исправленному и дополненному 8-у изд., 1902). 3-е изд., испр. М., 2003.
83. Милютин А.Д. Трансферт как способ передачи прав по именованным вкладным билетам и обязательствам государственных займов // Вестник гражданского права, издаваемый М.М. Винавером. Петроград, 1916.
84. Мицек С.А. Организационные формы современного бизнеса: принципы деятельности и роль в современной экономике: Монография. Екатеринбург, 2002.
85. Могилевский С.Д. Общества с ограниченной ответственностью: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М., 2000.
86. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект: Монография. М., 2001.
87. Могилевский С.Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ: Учеб.-практ. пособ. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
88. Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности: Учеб. пособие. М., 2006.
89. Мозолин В.П., Юденко А.П. Комментарий к Федеральному закону "Об акционерных обществах". М., 2002.
90. Мурзин Д.В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998.
91. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003.
92. Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004.
93. Никонов С.П. Юридическая природа торговых и промышленных предприятий. Петроград, 1917.
94. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. V: История российских гражданских законов. Ч. III. Кн. II. СПб., 1858.
95. Нерсесов Н.О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права (историко-догматическое исследование). М., 1889.
96. Нобель П. Швейцарское финансовое право и международные стандарты / Пер. с англ. М., 2007.
97. Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007.
98. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. 2-е изд. М., 2004.
99. Пайк Р., Нил Б. Корпоративные финансы и инвестирование. 4-е изд. / Пер. с англ. СПб., 2006.
100. Пахомова Н.Н. Место корпоративных отношений в предмете гражданско-правового регулирования // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2005.
101. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений: Монография. Екатеринбург, 2005.
102. Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876.
103. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
104. Полковников Г.В. Английское право о компаниях: закон и практика: Учеб. пособие. М., 1999.
105. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 1 / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.
106. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2003.

107. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" / Под ред. В.В. Залесского. М., 2004.
108. Почуйкин В.В. Уступка права требования: основные проблемы применения в современном гражданском праве России. М., 2005.
109. Предпринимательское (хозяйственное) право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. О.М. Олейник. М., 2003.
110. Проблемы теории государства и права: Учеб. пособ. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2005.
111. Розенберг В.В. Акционерная компания // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I.
112. Розенберг В.В. Товарищество с ограниченной ответственностью. М., 1912.
113. Руднев П.А. Анализ прав и обязанностей акционеров. М., 1927.
114. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М., 1972.
115. Сердюк Е.Б. Акционерные общества и акционеры: корпоративные и обязательственные правоотношения. М., 2005.
116. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М., 2002.
117. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000.
118. Таль Л.С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия. Оттиски из Юридического вестника. 1915. N 9.
119. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000.
120. Тарнопольская С.В. Право требования в гражданском обороте // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007.
121. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону "Об акционерных обществах" (постатейный). М., 2005.
122. Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922.
123. Тютрюмов И.М. Законы гражданские. Т. I. Петроград: Издание юридического книжного магазина И.И. Зубкова под фирмою "Законоведение", 1915.
124. Удинцев В.А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М., 2003.
125. Федеративная Республика Германия. Законы. Торговое уложение Германии. Закон об акционерных обществах. Закон об обществах с ограниченной ответственностью. Закон о производственных и хозяйственных кооперативах / Сост. В. Бергман; пер. с нем. Е.А. Дубовицкой. М., 2005.
126. Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса, 1911.
127. Функ Я.И. Акционерные общества: история и теория (Декларация свободы) / Я.И. Функ, В.А. Михальченко, В.В. Хвалей. Минск, 1999.
128. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. М., 1998.
129. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика: Учеб. пособие. М., 2007.
130. Цитович П.П. Труды по торговому и вексельному праву. Т. 1. М., 2005.
131. Цитович П.П. Учебник торгового права. Вып. I. Киев; СПб., 1891.
132. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001.
133. Шевченко Г.Н. Правовое регулирование ценных бумаг: Учеб. пособ. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
134. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М., 2003.
135. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005.
136. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005.
137. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М., 1949.
138. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 2. М., 1950.

139. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М., 2005.

Статьи и тезисы докладов

1. Андреев Ю. Понятие корпоративных отношений в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2008. N 6.
2. Бабанов Э.В. Корпоративные войны // Закон. 2007. N 3.
3. Барканов А. Переход права на участие в уставном капитале хозяйственного общества // Законность. 2002. N 6.
4. Бевзенко Р.С. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: перспективы отмены // Закон. 2006. N 9.
5. Белов В.А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. N 7.
6. Белов В.А. Уведомление должника об уступке требования и его юридическое значение.
7. Бобков С.А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2002. N 7.
8. Богатырев Ф.О. К вопросу о существовании обязательств с нематериальным интересом // Журнал российского права. 2004. N 1.
9. Богатырев Ф.О. Состав относительных неимущественных гражданских отношений // Журнал российского права. 2002. N 11.
10. Бондаренко Д.В. Практические вопросы регистрации учредительных документов юридического лица // Право и экономика. 2006. N 4.
11. Бутина И. Правовые аспекты регулирования отношений по передаче акций // Хозяйство и право. 2006. N 10.
12. Вавин Н.Г. Природа и понятие договорной цессии в современных законодательствах // Отдельный оттиск из журнала "Юридический вестник". Книга XIII (I). 1916.
13. Валуйский А.В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на долю в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. - март 2006 г.).
14. Горлов В. Правовое положение участника общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2000. N 7.
15. Добровольский В.И. Правовая природа акции и доли в уставном капитале. Способы защиты прав их владельцев // Арбитражная практика. 2006. N 3.
16. Зайцева В. Общество одного лица (Einmangesellschaft) в Законе об обществах с ограниченной ответственностью ФРГ // Хозяйство и право. 2007. N 6.
17. Караев М.С. Простое товарищество: к вопросу о существенных условиях договора // Закон. 2007. Май.
18. Карнаков Я.В. Защита прав приобретателя доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при уклонении других участников от внесения изменений в учредительные документы // Вестник ВАС РФ. 2007. N 6.
19. Кляус Н.В. Теоретические направления понимания законного интереса // Вестник Омского университета. 2003. N 3.
20. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица // Законодательство. 2003. N 12.
21. Колесников О.А. К вопросу о концепции перехода обязательственных прав // Журнал российского права. 2001. N 7.
22. Краснокутский В.А. Торговые формы гражданско-правовых товариществ // Отдельный оттиск из журнала "Вопросы права". Кн. XI (3). М., 1912.

23. Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. N 9.
24. Кухалашвили И.Ю. Управление обществом как основное неимущественное право акционера // Право и экономика. 2001. N 8.
25. Лапач В.А. Гражданско-правовые и налоговые проблемы обращения долей в уставном капитале хозяйственных обществ // Хозяйство и право. 2005. N 10.
26. Лапач Л. Доля в уставном капитале как "иное имущество" в системе объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2006. N 12.
27. Ломакин Д.В. Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. N 2.
28. Ломакин Д.В. Право акционера на информацию // Хозяйство и право. 1997. N 11.
29. Ломакин Д.В. Правовое регулирование передачи акций // Хозяйство и право. 1996. N 8.
30. Ломакин Д.В. Правовое регулирование передачи акций // Хозяйство и право. 1996. N 9.
31. Ломидзе О. Залог прав и конструкция "право на право" в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2006. N 12.
32. Ломидзе О. Переход обязательственных прав участников юридических лиц // Российская юстиция. 1999. N 10.
33. Лытнева Н.А. Переход права собственности доли участника в уставном капитале // Бухгалтерский учет. 2000. N 16.
34. Майфат А.В. Некоторые особенности акционерных отношений // Юридический мир. 2000. N 4.
35. Маковская А.А. Применение правил, установленных для ценных бумаг, к акциям в бездокументарной форме // Хозяйство и право. 2007. N 10.
36. Максимова Е.А. Проблемы регистрации изменений в учредительные документы организации // Право и экономика. 2003. N 4.
37. Малько А.В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. N 5/6.
38. Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность // Государство и право. 2007. N 2.
39. Матейкович М.С., Горбунов В.А. Законный интерес в конституционном праве Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. N 5.
40. Мельникова Т. Еще раз о правовой природе устава юридического лица // Хозяйство и право. 2008. N 5.
41. Мозолин В.П. О юридической природе внутрикорпоративных отношений // Государство и право. 2008. N 3.
42. Мозолин В.П. Развитие гражданского законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2005. N 7.
43. Никитина А. Передача в залог банку акций и долей // Хозяйство и право. 2007. N 5.
44. Новоселова Л.А. Заявление о выходе из ООО: судебная практика // Корпоративный юрист. 2006. N 11.
45. Пергамент М.Я. К вопросу о правоспособности юридического лица // Оттиск из журнала "Право". 1909. N 9 - 10. СПб., 1909.
46. Петникова О.В. Специфика прав участников общества с ограниченной ответственностью // Право и экономика. 2000. N 3.
47. Петрухина Т.Т. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Право и экономика. 2007. N 4.
48. Плигин В. Способы борьбы с корпоративными конфликтами // Закон. 2007. N 3.
49. Подвысоцкий П., Аверьянов О. Ограничение смены участников хозяйственных обществ // Право и экономика. 2001. N 8.

50. Попова А. Корпоративные конфликты и перспективы развития корпоративного законодательства // Закон. 2007. N 3.
51. Проничев К. Устав общества с ограниченной ответственностью на защите интересов его участников // Гражданское право. 2006. N 1.
52. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экон. фак. Ленинградского политехнического института. Вып. 1. 1928.
53. Решетина Е. К вопросу о переходе прав по бездокументарным ценным бумагам // Хозяйство и право. 2003. N 6.
54. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. N 9.
55. Рыбина О. Право участника общества с ограниченной ответственностью на выход // Хозяйство и право. 2007. N 4.
56. Сарбаш С. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью при отрицательном значении чистых активов // Хозяйство и право. 2007. N 1.
57. Саяпина И.А. Функции и структура уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Право и политика. 2005. N 6.
58. Скловский К.И. Имущественный выдел из общества с ограниченной ответственностью // Российская юстиция. 1997. N 9.
59. Скловский К.И. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. N 10.
60. Скловский К.И. Механизм перехода права и последствия цессии // Хозяйство и право. 2002. N 2.
61. Скловский К.И. Права учредителя хозяйственного общества и режим супружеского имущества // Хозяйство и право. 2000. N 10.
62. Скловский К.И., Смирнова М. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. N 11.
63. Сомов Л. Передача доли в уставном капитале ООО: налоговые последствия // Финансовая газета. 2004. N 48.
64. Ставцева О.В. Порядок внесения изменений в учредительные документы юридического лица // Адвокат. 2004. N 11.
65. Степанов Д.И. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика // Хозяйство и право. 2000. N 12.
66. Степанов Д.И. Правовая природа устава юридического лица // Хозяйство и право. 2000. N 6.
67. Степанов П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. N 6.
68. Суханов Е.А. Закон об обществах с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 1998. N 5.
69. Урюжникова А.В. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2006. N 1.
70. Федоренко Н., Лапач Л. Особенности правового режима нематериальных объектов // Хозяйство и право. 2002. N 4.
71. Фогельсон Ю.Б. Конструкции "интерес" и "риск" в Гражданском кодексе // Хозяйство и право. 2003. N 6.
72. Фомичева Л.П. Время выплачивать дивиденды // Законодательство. 2008. N 6.
73. Цепов Г. Договор или обязательство? // Журнал для акционеров. 1999. N 1.
74. Чеговадзе Л. К вопросу о механизме перехода права (требования) // Хозяйство и право. 2002. N 6.
75. Чернышев Г. Оборот долей в уставном капитале // ЭЖ-Юрист. 2005. N 38.
76. Шапкина Г.С. Новое в акционерном законодательстве (изменения и дополнения Федерального закона "Об акционерных обществах"). Уставный капитал общества // Вестник ВАС РФ. 2001. N 12.

77. Шевченко С. Переход долей общества с ограниченной ответственностью // Законность. 2004. N 10.
78. Эрделевский А. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. 1997. N 6.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Адамович Г.Л. Обеспечение интересов меньшинства акционеров в праве России и стран Европейского союза: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
2. Айгнер-Хегер С. Общества с ограниченной ответственностью в сравнительном гражданском праве России, Германии, Англии: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.
3. Горлов В.А. Правовое положение обществ с ограниченной ответственностью: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998.
4. Макаров С.А. Общество с ограниченной ответственностью как субъект гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
5. Мирошникова М.А. Сингулярное правопреемство в авторских правах: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
6. Рыбина О.С. Правовой статус участников обществ с ограниченной ответственностью по континентальному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
7. Степанов П.В. Корпоративные правоотношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
8. Стус А.А. Становление и развитие обществ с ограниченной ответственностью: историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
9. Чуваков В.Б. Правовая природа ценных бумаг: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004.
10. Шлыкова Т.А. Права участников общества с ограниченной ответственностью: юридическая природа, понятие, виды: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
11. Юкша Я.А. Устав, учредительный договор и уставный капитал обществ с ограниченной ответственностью: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Литература на иностранных языках

1. Bacon L.A. "Freedom of" or "freedom from"? The enforceability of contracts and the integrity of the LLC // Duke Law Journal. 2001.
2. Corporate Law in Practice / Ed. by Gregor van der Burght. Kluwer Law International, 1998. 2nd ed.
3. Dine J. Company Law. Palgrave Macmillan. 5th ed. 2005.
4. Gazur W.M. The Limited Liability Company. Experiment: Unlimited Flexibility, Uncertain Role. Law and Contemporary Problems. 1995.
5. Gower L.C.B. The principles of Modern Company Law. Sweet & Maxwell Ltd. London, 1964.
6. Griffin S. Company Law. Fundamental Principles. Pearson Education Limited. 3rd ed. 2000.
7. Judge S. Business Law. Macmillan Press Ltd, 1995.
8. Perspectives on Company Law / Ed. by Fiona Macmillan Patfield; Institute of Advanced Legal Studies. 1995.
9. Schuit S.R. Corporate law and practice of the Netherlands: legal and taxation / Ed. by R. Steven Schuit. Kluwer Law International, 1998.
10. Wendler M., Tremml B., Buecker B. The Key Aspects of German Business Law. Springer; Berlin; Heidelberg. 3rd ed. 2006.

Нормативно-правовые акты Российской Федерации, РСФСР, СССР

1. Конституция РФ // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Кипр от 5 декабря 1998 г. "Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал" // СЗ РФ. 1998. N 37. Ст. 4447.
3. Гражданский кодекс РФ, часть 1 // СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс РФ, часть 2 // СЗ РФ. 1996. N 5. Ст. 410.
5. Налоговый кодекс РФ, часть 1 // СЗ РФ. 1998. N 31. Ст. 3824.
6. Налоговый кодекс РФ, часть 2 // СЗ РФ. 2000. N 32. Ст. 3340.
7. Семейный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. N 1. Ст. 16.
8. Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. N 445-1 "О предприятиях и предпринимательской деятельности" // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. N 30. Ст. 418 (утратил силу).
9. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. N 312-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 2008. 31 дек.
10. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // СЗ РФ. 2001. N 33. Ст. 3431.
11. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. N 160-ФЗ "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации" // СЗ РФ. 1999. N 28. Ст. 3493.
12. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в РФ" // СЗ РФ. 1998. N 31. Ст. 3813.
13. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" // СЗ РФ. 1998. N 7. Ст. 785; N 28. Ст. 3261; 1999. N 1. Ст. 2.
14. Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ "О бухгалтерском учете" // СЗ РФ. 1996. N 48. Ст. 5369.
15. Федеральный закон от 8 мая 1996 г. N 41-ФЗ "О производственных кооперативах" // СЗ РФ. 1996. N 20. Ст. 2321.
16. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. N 39-ФЗ "О рынке ценных бумаг" // СЗ РФ. 1996. N 17. Ст. 1918.
17. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ "Об акционерных обществах" // СЗ РФ. 1996. N 1. Ст. 1.
18. Постановление Государственной Думы РФ от 11 октября 1996 г. N 781-II ГД "Об обращении в Конституционный Суд РФ" // СЗ РФ. 1996. N 49. Ст. 5506.
19. Постановление Правительства РФ от 6 августа 2001 г. N 519 "Об утверждении стандартов оценки" // СЗ РФ. 2001. N 29. Ст. 3026.
20. Приказ Министерства юстиции РФ от 4 мая 2007 г. N 88 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. N 23.
21. Приказ ФНС России от 1 ноября 2004 г. N САЭ-3-09/16@ "О Методических рекомендациях по заполнению форм документов, используемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. N 1.
22. Постановление ФКЦБ России от 2 октября 1997 г. N 27 "Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг" // Вестник ФКЦБ России. 1997. N 7.
23. Приказ Минфина России от 30 марта 2001 г. N 26н "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет основных средств" ПБУ 6/01" // Российская газета. 2001. 16 мая.

24. Приказ Минфина России от 31 октября 2000 г. N 94н "Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению" // Экономика и жизнь. 2000. N 46.

25. Проект Федерального закона N 213410-4 "О внесении изменений в часть первую ГК РФ, Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью", Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей".

26. Постановление Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. N 590 "Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью" // Собрание постановлений СССР. 1990. N 15. Ст. 82 (утратило силу).

27. Постановление Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. N 601 "Об утверждении Положения об акционерных обществах" // Собрание постановлений РСФСР. 1991. N 6. Ст. 92 (утратило силу).

Нормативно-правовые акты зарубежных стран

1. Модельный акт США "О компаниях с ограниченной ответственностью" (1996) // www.assetprotectionbook.com.

2. Закон штата Делавэр "О компаниях с ограниченной ответственностью" // <http://delcode.delaware.gov/title6/c018>.

3. Закон штата Делавэр "О партнерствах с ограниченной ответственностью" // <http://delcode.delaware.gov/title6/c017>.

4. Закон штата Монтана "О компаниях с ограниченной ответственностью" // <http://data.opi.state.mt.us/bills/billhtml/SB0435.htm>.

5. Закон Великобритании "О компаниях" 1985 г. // <http://www.lp.ru/ru/library/companies-act-1985.htm>.

6. Закон Великобритании от 1907 г. "Об ограниченных партнерствах" // www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72515.htm.

7. Закон Великобритании от 1890 г. "О товариществах" // <http://www.hmrc.gov.uk/manuals/bimmanual/BIM72505.htm>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава I. Правовая природа доли в уставном капитале

§ 1. Понятие доли в уставном капитале

§ 2. Правовая природа правомочий, входящих в состав доли в уставном капитале

§ 3. Доля в уставном капитале как субъективное право особого рода (sui generis)

Глава II. Правовая природа уступки доли в уставном капитале

§ 1. Зарубежный и российский опыт правового регулирования уступки доли в уставном капитале

§ 2. Доктринальное и правоприменительное толкование правовой природы уступки доли в уставном капитале

§ 3. Уступка доли как переход субъективного права особого рода (sui generis)

Глава III. Порядок уступки доли в уставном капитале

§ 1. Правовые ограничения уступки доли в уставном капитале

§ 2. Сделка уступки доли в уставном капитале

§ 3. Уведомление об уступке доли в уставном капитале (трансфертное объявление)

§ 4. Регистрация изменений в связи с уступкой доли в уставном капитале (трансферт)

§ 5. Уступка доли в уставном капитале в пользу общества

Заключение

Библиография

Монографии, учебные пособия

Статьи и тезисы докладов

Диссертации и авторефераты диссертаций

Литература на иностранных языках

Нормативно-правовые акты Российской Федерации, РСФСР, СССР

Нормативно-правовые акты зарубежных стран

THE BOOK IS MADE BY
AXI-ROSE
AXI-ROSE@YA.RU